

СКАЗКИ, РАЗСКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ

КРЕСТЬЯНЪ

СЪВЕРНАГО КРАЯ.

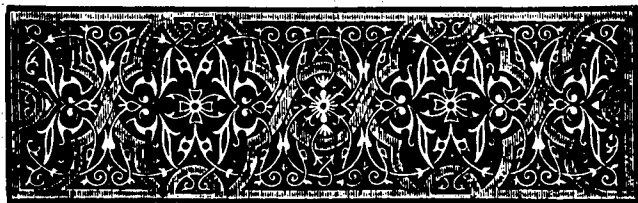
Составилъ А. Е. Бурцевъ.

4238

КР III 1305758

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1897.

СКАЗКИ, РАЗСКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ

КРЕСТЬЯНЪ СЪВЕРНАГО КРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сказки, рассказы и легенды крестьянъ сѣвернаго края.

Подъ этимъ заглавіемъ здѣсь помѣщено мною 48 различныхъ сказокъ и проч., изъ нихъ нѣкоторыя сказки собраны и записаны мною лично въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Ярославской, въ бытность мою на сѣверѣ, лѣтомъ 1892—1893 г., а нѣкоторыя изъ нихъ доставлены были мнѣ пріятелемъ моимъ П. Л. (изъ г. Кадникова, Вологодск. губ.), которому не могу не принести моеѣ искренней благодарности.

Лучшими изъ помѣщенныхъ здѣсь сказокъ можно считать слѣдующіе №№—16) Какъ пономарь отдалъ свою пономарницу замужъ; 42) Сказка объ Алешѣ Голоноузомъ; 3) Сказка о работникѣ и чертѣ; 35) и затѣмъ Сказка о трехъ Королевичахъ; 36) о Иванѣ богатырѣ и его прекрасной супругѣ Свѣтланѣ и 39) Исторія о Францискѣ Венціанѣ.

Эти поименованныя сказки книжнаго происхожденія и взяты изъ лубочныхъ изданій разныхъ годовъ единственно по уваженію къ тѣмъ особенностямъ въ ихъ содержаніи, какими онѣ отличаются отъ подобныхъ же сказокъ записанныхъ прямо со словъ народа.

Затѣмъ сказки за №№ 1—какъ тошни брата дурака; 2) О работникѣ и чортѣ; 3) Пьяница; 23) Хитрость лѣнливой бабы; 29) О женѣ—дурѣ; 40) Ангелъ Божій и прохожій; 26) О баринѣ и лакеѣ; 10) Глухая баба; 44) Сказка какъ старикъ богатый избѣсился—на молодой Дарьѣ женился, какъ Дарья имъ мудрила:—себѣ обновъ накупила, бороду ему ошнчала, старыя кости потрепала, и какъ его похоронила—молодого мужа нажила; 45) Сказка о томъ какъ приказчики хозяевамъ угождаютъ—рубли за сапогъ опускаютъ, а гривны въ ящикѣ оставляютъ; на хозяйскія деньги лавки открываютъ и сами ужъ приказчиковъ нани-

мають—и нѣкоторыя другія, всѣ эти записаны мною лично въ губерніяхъ: Олонеккой, Ярославской и Вологодской. Въ послѣдней, въ районѣ Кадниковскаго уѣзда, въ дер.: Слобода, Зартъче, Филяево, Подъельное, Фалалѣево, Оларево, Корма, Фофанцово и Лисья Гора.

Кромѣ того нѣсколько сказокъ заимствовано изъ собраній П. А. Иванickaго, которыя помѣщены въ издѣліяхъ Императорскаго Общества естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. (См. сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія въ Россіи.—Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи).

Что касается остальныхъ сказокъ, то я почелъ болѣе удобнымъ всѣ ихъ сравнить, провѣрить по собранію П. А. Иванickaго, глубокаго знатока этнографіи Вологодской губ., которому принадлежитъ богатое собраніе Вологодскихъ сказокъ.

Далѣе помѣщенные сказки за слѣдующими №№: 16) Какъ пономарь отдалъ свою пономарицу замужъ; 18) Маленькой дѣтинушка зелененькой; 15) Невѣрная жена; 20) Илья Муромецъ, 41) Судья Божья, 43) Два брата или Судья,—эти сказки заимствованы изъ собранія сказокъ А. Шустикова, которыя уже были помѣщены въ сборникѣ Живой старины за 1895 годъ.

Сказки за №№—22) Какъ мужикъ ходилъ къ солнцу, 24) Игрунь—Смѣльчакъ сынъ, 23) Сказка о царскомъ сынѣ, 6) Старикъ и старуха,—эти четыре сказки заимствованы отъ Н. Харузина (см. книгу „Русскіе лопари въ Архангельской губ.“, стр. 464).

Сказка № 46—о мужикѣ воинѣ—записана отъ кр. дер. Ранней горы, Филимоновской вол.—Алима Савельева П. Н. Рыбниковымъ и была напечатана въ его сборникѣ (см. стр. 202).

Сказки за №№—42) Объ Оленѣ Голопузомъ и 5) О солдатѣ и смерти—записаны В. Именскимъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, и были напечатаны Н. Барсовымъ въ Прич. Сѣвер. Край, стр. 295.

Сказки за №№—14) О Петрѣ и Иванѣ, 4) О баринѣ покойникѣ и кучерѣ Иванѣ записаны Ю. Семеновымъ и были напечатаны въ сборн. по этнографіи, стр. 138-я.

Сказка № 7—Приданое дочери отъ отца и десяти братьевъ,—эта сказка записана отъ Ирины Андреевны Федосовой О. Х. Славянской (см. описаніе русской крестьянской свадьбы, стр. 195-я.

Сказка за № 21—Дурень заимствована изъ древнихъ русійскихъ стихотвореній Кирии Данилова, стр. 390-я.

Затѣмъ нѣкоторыя сказки взяты изъ губернскихъ вѣдомостей помянутыхъ 4-хъ губ., т. е. Архангел., Волог., Олонецкой и Ярославской.

Необходимыя объясненія и замѣтки будутъ мною сообщены въ слѣдующей части, которой и закончится настоящее изданіе.

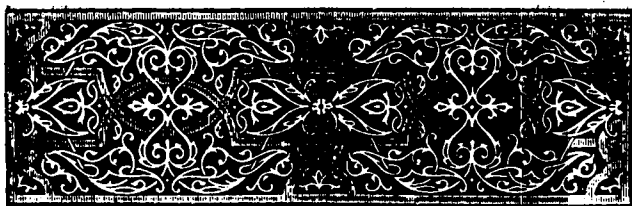
Александръ Бурцевъ.

С.-Петербургъ.
10 Ноября 1896 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
1. Сказка о томъ, какъ топили брата дурака	1.
2. Сказка о работникѣ и чортѣ	3.
3. О блужденіи души	7.
4. Сказка о баринѣ покойникѣ и кучерѣ Иванѣ	9.
5. Сказка о солдатѣ и смерти	12.
6. Старикъ и старуха	19.
7. Приданое дочери отъ отца и десяти братьевъ	22.
8. Иванко-Медвѣдко	25.
9. Набитой дуракъ	30.
10. Глупая баба	32.
11. Беззаботная жена	33.
12. Безмятный зять	35.
13. Глупый народъ	36.
14. Сказка о Петрѣ и Иванѣ	39.
15. Невѣрная жена	45.
16. Какъ пономарь отдалъ свою пономарницу замужъ	52.
17. Ома Беренниковъ	62.
18. Маленькой дѣтинушка, зелененькой	67.
19. Два брата и сестра	74.
20. Илья Муромецъ	86.
21. Дурень	91.
22. Какъ мужикъ ходилъ къ солнцу	101.
23. Сказка о царскомъ сынѣ	107.
24. Игрунь-смѣльчакъ сынъ	113.
26. Сказка о баринѣ и лакеѣ	125.
27. Пьяница	128.
28. Хитрость лѣнливой бабы	130.
29. О женѣ дурѣ	131.
30. Два брата	133.
31. Ротозѣй Ванька	135.
32. Коть въ сапогахъ	164.
33. О Иванѣ царевичѣ, Жарѣ птицѣ и сѣромъ волкѣ	191.

34. Сказка о семи Симеонахъ родныхъ братьяхъ . . .	213.
35. Сказка о трехъ королевнахъ	226.
36. Сказка о Иванѣ богатырѣ и его прекрасной суп- ругѣ Свѣтланѣ	243.
37. О приключеніяхъ Англійскаго Милорда Георга .	264.
38. Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра вели- каго отъ смерти	292.
39. Исторія о Французѣ Венціанѣ	320.
40. Ангелъ Божій и прохожій	348.
41. Судья Божья	349.
42. Сказка объ Олениѣ голопузомъ	352.
43. Два брата или судья	365.
44. Сказка какъ старикъ богатый взбѣсилъ на моло- дой Дарьѣ женился, какъ Дарья имъ мудрила, се- бѣ обновъ надунила, бороду ему ошипала, старья кости потренила и какъ его похоронила, молодого мужа нажила	370.
45. Сказка о томъ, какъ приказчики хозяевамъ угож- даютъ, рубли за сапогъ опускаютъ, а гривны въ ящикѣ оставляютъ: на хозяйскія деньги лавки от- крываютъ и сами ужъ приказчиковъ нанимаютъ.	373.
46. Сказка о мужикѣ вопиѣ	376.

СКАЗКИ, РАЗСКАЗЫ и ЛЕГЕНДЫ

КРЕСТЬЯНЪ СЪВЕРНАГО КРАЯ.

I.

Сказка о томъ, какъ топили брата дурака.

Были три брата: два умныхъ, а третій дуракъ. Надоѣлъ дуракъ своимъ умнымъ братьямъ; они взяли его, сунули въ кожаный мѣшокъ и везутъ на озеро топить. Только на дорогѣ остановились у одного кабака и вошли туда. Пока умные были въ кабацѣ, дуракъ мечется въ мѣшкѣ и кричитъ: „Боже мой, Боже мой, что мнѣ дѣлать: меня хотятъ сдѣлать царемъ, а я не умѣю ни писать, ни читать!“ Въ то самое время какой-то кунецъ гналъ мимо стадо коровъ и овецъ. Услышалъ онъ, какъ кричитъ дуракъ въ мѣшкѣ. Подошелъ онъ къ нему и говоритъ: „молчи, мужикъ, молчи, вылезай изъ мѣшка! пойду я за тебя: я

умѣю и писать, и читать!“ Развязалъ купецъ мѣшокъ. Дуракъ тотчасъ выскочилъ, а купецъ залѣзъ въ мѣшокъ. Дуракъ завязалъ мѣшокъ, и самъ ушелъ вмѣсто купца. А купецъ въ мѣшкѣ ужъ не кричитъ, а лежитъ тихохонько: думаетъ все о великой чести царю. Наконецъ вышли умные братья изъ кабака и поѣхали своею дорогою—повезли мѣшокъ на озеро и утопили. Пріѣхали они домой и вотъ видятъ третій ихъ братъ живъ и невредимъ, и пригоняетъ домой цѣлое стадо скота и овецъ. Испрашиваютъ его старшіе братья: „откуда ты все это взялъ?“ А онъ говоритъ: „я выгналъ этотъ скотъ изъ озера и захватилъ, сколько могъ; еслибъ вы меня забросили гдѣ поглубже, то я выгналъ бы еще и побольше этого“. „Что это такое!“ подумали братья: вѣдь если онъ, дуракъ, могъ выгнать изъ озера столько скота, такъ сколько-же, мы, умные, выгонимъ, если насъ бросить въ озеро? Подумали, подумали они и говорятъ дураку: „братъ, сунь насъ въ мѣшокъ, возьми на озеро и потопи насъ въ самомъ глубокомъ мѣстѣ!“ Ладно. Дуракъ взялъ своихъ братьевъ, сунулъ каждого въ особый мѣшокъ и повезъ на озеро..... Довезъ онъ ихъ до озера и сдѣлалъ прорубь посреди самаго озера. Взялъ онъ одного брата и

бросить въ прорубь. Тотъ онустился на дно, только вода забуркала на томъ мѣстѣ. А другой братъ въ мѣшкѣ слышитъ, какъ вода бурлитъ, и спрашиваетъ: „что онъ говоритъ?“—„Охъ, онъ ужъ гонитъ скотъ“, отвѣчаетъ дуракъ. „Брось меня поскорѣе тоже въ воду; не захватилъ-бы онъ тамъ и моей доли!“. Ну, забросить дуракъ и другого брата въ прорубь, и тотъ буркая пошелъ ко дну. Затѣмъ уже дуракъ поѣхалъ домой и съ тѣхъ поръ сталъ жить да поживать единственнымъ хозяиномъ на своей отцовской землѣ.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

II.

Сказка о работникѣ и чортѣ.

Давно какой-то мужикъ нанялся у чорта въ работники. Въ первый день службы оба, мужикъ—работникъ и чортъ, пошли въ лѣсъ за дровами. Чортъ сказалъ работнику: „возьми съ собою мой топоръ“. А топоръ быть очень тяжелъ и работникъ его не смогъ-бы поднять; онъ и не подошелъ къ топору, а сказалъ: „развѣ

мы дѣти, на что намъ топоръ? Подойдемъ къ любому дереву, да и вырвемъ его съ корнемъ“ Хорошо. Подошли они оба къ коренастому дубу, и чортъ говоритъ работнику: „ну—ка, вырывай!“ А работникъ отвѣчаетъ: „коли я примусь то дубъ раскрошится, и будетъ труднѣе нести его домой. Вырывайте вы, баринъ!“ Чортъ схватился за дубъ и вырвалъ его съ корнемъ. Вырвавъ, онъ сказалъ работнику: „возьмись ты за тонкій конецъ, а я возьмусь за толстый, и понесемъ дубъ домой.“ „Нѣтъ, баринъ, я возьмусь за толстый конецъ, а вы возьмитесь за тонкій, но только съ такимъ уговоромъ: кто оглянется назадъ, у того оба глаза вонъ.“ Ладно. Чортъ взялся за тонкій конецъ, а работникъ сѣлъ на толстый — пускай чортъ его тащитъ домой. Притащилъ чортъ домой дерево, встряхнулся и утеръ себѣ потъ съ лица. А работникъ его спрашиваетъ: „никакъ у васъ потъ? У меня, какъ видите, лицо вовсе не мокро.“ Позвалъ чортъ работника погулять. Подошли они оба до одного пчельника. Увидѣвъ чортъ улы и спросилъ: „что это такое?“ А работникъ отвѣчалъ: „это, мой отцовскія табакерки.“ Чортъ снова спросилъ, „а можно немножко понюхать изъ нихъ?—Мой отецъ съ одного раза вынюхиваетъ цѣлую табакерку,“ отвѣчалъ работ-

никъ. Сталъ чортъ нюхать. Пчелы заползли ему въ носъ. Чортъ сталъ весь міръ проклинать: „чтобъ его, какой у твоего отца крѣпкій табакъ!“

Пошли они дальше и нашли на пути желѣзную борону. Чортъ спрашиваетъ: „что это такое?“ А работникъ отвѣчаетъ: „это мой отцовскій гребенокъ“. Попробовалъ и чортъ почесать этимъ гребенкомъ свою голову, но разодралъ только кожу, и сталъ весь міръ проклинать: „чтобъ его, какой у твоего отца крѣпкій гребенокъ!“

Пошли они дальше. У чорта былъ съ собою претяжелый молотокъ. Работникъ никакъ не могъ поднять этотъ молотокъ. Схватилъ его чортъ и швырнулъ въ воздухъ, такъ что онъ взлетѣлъ вверхъ на цѣлую версту. Сдѣлавъ это, чортъ спросилъ своего работника: „сможешь-ли ты швырнуть такъ высоко?“ Работникъ посмотрѣлъ на небо и сказалъ: „если-бъ оно (небо) было открыто, то я подбросилъ-бы такъ высоко, что молотокъ вовсе не возвратился-бы.“ Чортъ вскрикнулъ: „это не дѣлай, работникъ! Это мой отцовскій молотокъ“.

Пошли они дальше. Вдругъ чорту захотѣлось повѣдать отца работника. Но вотъ на дорогѣ они нашли заряженное ружье. Чортъ спросилъ: „что это такое?“ А ра-

ботникъ отвѣчалъ „это моя отцовская трубка.“ Чортъ спросилъ: „можно покурить изъ нея?“ — „Мой отецъ однимъ разомъ вытягивалъ всю трубку“. Чортъ взялъ концы ствола въ ротъ, а работнику пришлось огонь поджечь къ другому концу. Приложилъ работникъ огонь, и, ружье выстрѣлило, а чортъ отплевывался и сказалъ: „какой у твоего отца крѣпкій табакъ!“

Пошли они дальше и вдругъ видятъ: лежитъ большой медвѣдь. Чортъ спросилъ: „это твой отецъ, что-ли?“ А работникъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, это мой дѣдушка, отецъ мой гораздо больше. Подойдите къ нему баринъ, и ударьте его по задницѣ; онъ тогда встанетъ“. Подойшелъ къ медвѣдю чортъ и ударилъ его по задницѣ. Вскочилъ медвѣдь и разорвалъ чорта. А работнику достались все чортовы деньги.

Лично мною записано въ Волог. губ.

III.

О блужденіи души *).

Насли однажды два настуха
скоть. Они жили въ ладахъ
и сговорились, что-бы попере-
мѣнно пасти скоть: одинъ бу-
детъ пасти, а другой снасть.
Одинъ изъ нихъ легъ и скоре-
хонько заснулъ. Другой шелъ
мимо его и видитъ: изъ рта товарища выполз-
ла рыжеватая мышь не больше сверчка и
побѣжала. Захотѣлось ему узнать что это
за мышь. Онъ оставилъ скоть и побѣжалъ
за ней. Мышь бѣгала по горамъ и долинамъ,
по лѣсамъ и полямъ, и наконецъ забѣжала
въ большое болото. Въ болотѣ стоялъ боль-
шой, высокій пенъ (онъ былъ разбитъ мол-
ніей и въ среднѣй его было дупло). Мышь
вѣзла на пенъ и спустилась въ дупло, а
настухъ стоитъ и дожидается: хочетъ узнать,
что изъ всего этого выйдетъ. Немного спустя
мышь выбѣгаетъ изъ пня и тѣмъ же путемъ
обратно. Прибѣжала она къ спящему и
вползла въ ротъ. Товарищъ разбудилъ его
теперь и спрашиваетъ: „что ты видѣлъ во-
снѣ?“ Тотъ ему отвѣчаетъ: я ходилъ по

*) См. сборн. матер. по этнограф. стр. 135.

горамъ, долинамъ, по лѣсамъ, полямъ и болотамъ; наконецъ полѣзъ я на высокую башию и видѣлъ я много денегъ. Но почему ты меня объ этомъ спрашиваешь?“ Товарищъ ему разсказалъ, какъ изъ его рта выбѣжала мышь, куда она бѣгала и какъ она вползла обратно въ его ротъ.

Пастухи посоветовались и пошли ко пню; одинъ изъ нихъ влѣзъ въ него и нашелъ въ самомъ дѣлѣ много денегъ. Они побѣжали домой за топорами, мѣнками и лошадьми; пріѣхали, раскололи пень и все деньги повезли домой. Вскорѣ послѣ того и болото высохло.

Оба пастуха раздѣлили между собою деньги поровну, жили богато и дружно и живутъ еще нынѣ. Они разсказали это бабушкѣ, и та сказала, что мышь—была душа пастуха.

IV.

Сказка о баринѣ — покойникѣ и кучерѣ
Иванѣ.

Жилъ — былъ женатый баринъ. Только баринъ этотъ находился въ связи съ чортомъ. Былъ у него кучеръ, красивый малый; звали его Иваномъ. Жили они, жили, и наконецъ баринъ этотъ умеръ. Влюбился Иванъ въ свою красивую барыню — вдову. Она и не прочь выйти за него замужъ, только говоритъ ему: „хорошо! ступай въ погребъ, гдѣ лежитъ покойный баринъ, да проси подѣлать его въ гробу три ночи сряду. Коли сдѣлаешь это — пойду за тебя и сдѣлаю тебя бариномъ. Хорошо. Иванъ тотчасъ заказываетъ мѣднику рубаху изъ бляхъ, надѣваетъ ее, идетъ подъ вечеръ въ погребъ и ложится подѣлать покойника — барина въ гробъ. Спитъ онъ, спитъ, — но только вдругъ къ полуночи баринъ подымается изъ гроба. Что-же теперь дѣлать Ивану? Онъ подымается тоже. „Что, Иванъ, ты тоже умеръ?“ спрашиваетъ его баринъ. — „Да, я тоже умеръ“, отвѣчаетъ Иванъ. „А ты не врешь?“ — „Когда баринъ не вѣрится

пощупайте мое тѣло“. Пощупалъ баринъ рубаху изъ бляхъ, нащелъ, что тѣло дѣйствительно холодно, и повѣрилъ. „Куда пойдешь?“ Условились идти въ домъ барина. Пошли они вдвоемъ въ домъ, перебивали во всѣхъ палатахъ, перекидали, переломали все, что ни попалося имъ въ руки, и пошли обратно въ погребъ; баринъ и говоритъ Ивану: „ложись ты, Иванъ, первый въ гробъ“. А Иванъ отбивается: „нѣтъ, баринъ, при жизни я за вами слѣдовалъ, хочу и мертвымъ за вами“. Дѣлать нечего: ложится баринъ сперва въ гробъ, а потомъ и Иванъ.

Въ другую ночь случилось тоже: къ полуночи баринъ подымается изъ гроба, — Иванъ тоже. Условились на этотъ разъ идти вдвоемъ по полямъ. Обходили, перенесли всѣ поля и вернулись опять въ гробъ. Опять начали они спорить, кому первымъ ложиться, и опять Иванъ настоялъ на томъ, что-бы какъ при жизни, такъ и здѣсь слѣдовать за бариномъ.

Въ третью ночь точно также: подымается изъ гроба баринъ, подымается и Иванъ. Положили они на этотъ разъ посѣтить скотъ въ скотномъ дворѣ и лошадей въ конюшнѣ. На дорогѣ туда баринъ и говоритъ; „кто-бы подумать, что подъ пологомъ конюшни столь много денегъ, и какъ

легко ихъ достать“.—Побывали они въ хлѣвѣ и конюшнѣ, передунули много скота и лошадей и пошли назадъ въ погребъ. Въ погребѣ баринъ и говоритъ: „если-бъ только одинъ живой человѣкъ постуцать колѣнами на мою гробу и сказать-бы: „Боже отецъ, Боже сынъ,—спи спокойно!“ то не могъ-бы я больше вставать. И денегъ тѣхъ тотъ человѣкъ могъ-бы достать себѣ изъ подъ порога. Но хорошо, что мы оба мертвы — никто не будетъ знать этого“. Но вотъ заспорили они опять, кому первымъ лечь въ гробъ. Иванъ все стоялъ на томъ, что онъ при жизни барина слѣдовалъ за нимъ, и хочетъ и мертвымъ услужить ему. (Боялся Иванъ, чтобы баринъ его не задунулъ). Спорили они, спорили, пока наконецъ не зашѣль иѣтухъ. Какъ усыпнать баринъ иѣние иѣтуха, онъ тотчасъ бросился въ гробъ, а Иванъ немедленно вскочилъ на гробъ, пристукнулъ три раза колѣнами и сказалъ: „Боже отецъ, Боже сынъ,—спи спокойно!“ Не поднялся болѣе баринъ изъ гроба; только еще успѣлъ сказать: „если-бъ я зналъ, что ты живъ, я растеръ бы тебя въ прахъ“. Затѣмъ Иванъ пошелъ домой, женился на барынѣ—вдовѣ, выкопалъ деньги изъ подъ порога конюшни, и жилъ себѣ какъ баринъ.

V.

Сказка о Солдатѣ и Смерти *).

Въ одномъ Государствѣ жилъ былъ славный и сильный король; у него было очень много войска и онъ сильно полюбилъ одного солдата, который служилъ ему вѣрою и правдою и былъ главнымъ его конюхомъ. Прошло срочное время, отслужилъ солдатъ службу королю и сталъ проситься у короля на родину съ родными повидаться. Сначала было король не спускать его, но потомъ согласился, надѣлилъ его златомъ-серебромъ и отпустилъ его на всѣ четыре стороны. Вотъ получилъ солдатъ отставку и пошелъ съ товарищами прощаться, а товарищи и говорятъ ему: неужь-ли на простилахъ-то не поднесешь, а прежде вѣдь мы хорошо жили. Вотъ солдатъ и началъ подносить своимъ товарищамъ, подносить-подносить, глядь а денегъ-то осталось у него только пять пятаковъ. Вотъ идетъ нашъ солдатъ, близко-ли далеко-ли, видитъ стоитъ въ сторонѣ кабачекъ,—зашелъ солдатъ въ кабачекъ на ко-

*) Барсовъ, прич. сѣвер. края, стр. 295.

пѣйку выйти, на тропѣ закусили и пошелъ далѣе. Подошелъ эдакъ не много, встрѣтилась ему старуха и стала милостину просить, солдатъ и подалъ ей пятакъ. Подошелъ опять немного, смотритъ: а та же старуха опять идетъ на встрѣчу и проситъ милостину; солдатъ подалъ другой пятакъ, а самъ и дивуется, какъ это старуха опять очутилась напередѣ, межъ тѣмъ, какъ не видѣлъ, чтобы она прошла мимо его. Смотритъ, а старуха опять напередѣ и проситъ милостину; солдатъ и третій пятакъ подалъ. Подошелъ опять эдакъ съ версту смотритъ, а старуха опять напередѣ и проситъ милостину; разозлился солдатъ, нестерпиво ретивое, выдернулъ тесакъ да и хотѣлъ было разкроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила къ его ногамъ котомку и скрылась. Взялъ солдатъ котомку, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ да и говорить; куда мнѣ съ этой дрянью? У меня и своей довольно! и хотѣлъ было ужъ бросить, — вдругъ откуда не возьмись, явился предъ нимъ, какъ изъ земли два молодца и говорятъ ему: что вамъ угодно? Солдатъ остолебѣлъ отъ удивленія и ничего немогъ имъ сказать; онъ думалъ, что это привиденіе да и закричалъ: что вамъ отъ меня надобно? Одинъ изъ нихъ-цеголь собой, подошелъ поближе къ

служивому и говоритъ: мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вотъ этой волшебной сумочки, и если тебѣ что нужно, приказывай, я все сдѣлаю! Солдатъ думалъ, что это всё ему грезится, протеръ глаза, рѣшился попробовать да и говоритъ: если ты говоришь правду, то я приказываю тебѣ, чтобы сейчасъ же была койка, столъ, закуска, водка и трубка съ табакомъ! Не успѣлъ солдатъ еще и окончить, а ужъ всё и явилось, какъ будто съ неба упало. Выпилъ солдатъ, закусилъ, повалился на койку и закурилъ трубку. Полежалъ онъ такъ довольно времени, потомъ махнулъ котомочкой и, когда явился лакей (служитель котомочки), солдатъ и говоритъ: „а долго ли я буду здѣсь лежать на этой койкѣ и курить табакъ?“ „Сколько угодно, сказать лакей“; — „Ну, такъ обернись всё, сказать солдатъ и пошесть дальше. Вотъ шелъ онъ, послѣ этого, близко ли — далеко ли, и пришелъ къ вечеру въ одну усадьбу и тутъ славный барской домъ, да баринъ въ этомъ дому не жить, а жить въ другомъ, — въ хорошемъ-то дому черти водились. Вотъ и сталъ солдатъ спрашивать у мужиковъ спрашивать: „гдѣ баринъ живетъ“. — А мужики и говорятъ: „да что тебѣ въ нашемъ баринѣ?“ — „Да почевать бы надо попроситься!“ — „Ну, говорятъ мужики: толь-

ко поди, такъ онъ ужь отправитъ тебя чер-
тямъ на обѣдъ!“— „Ничего, говоритъ солдатъ:
и съ чертями раздѣлаться можно, а это въ сто-
рону, а скажите, гдѣ баринъ-то живетъ?“—
Мужики показали барскій домъ и солдатъ
пошелъ къ нему; а какъ пришелъ къ ба-
ринѣ и сталъ у него ночевать проситься.
Баринъ и говоритъ: „пустишь-то я, пожалуй,
и пуцу, да только у меня тамъ не тихо!“—
Ничего, говоритъ солдатъ! Вотъ баринъ и
повелъ солдата въ хорошій домъ, а какъ
привелъ, солдатъ махнулъ своею волшебной
сумочкой и, когда явился лакей, велѣлъ при-
готовить столъ на двухъ человѣкъ. Не успѣлъ
баринъ повернуться, а ужь и явилось всё.
Баринъ, хоть и богатъ былъ, а такой за-
куски никогда еще у него не бывало! Стали
они закусывать, а баринъ и укралъ золотую
ложку; вотъ какъ кончили закуску, солдатъ
махнулъ опять котомочкой и велѣлъ обратъ
всё, а лакей и говоритъ: я не могу обратъ—
не всё на столѣ. Солдатъ посмотрѣлъ, да и
говоритъ: ты, баринъ, для чего ложку взять?
Я не взялъ, говоритъ баринъ. Солдатъ обы-
скалъ барина, отдать ложку лакею, а самъ
и началъ благодарить барина за ночлегъ, да
такъ его изрядно помялъ, что баринъ, со
злости пошелъ да и занеръ на замокъ всѣ
двери. Солдатъ занеръ всѣ окна и двери

изъ другихъ покоевъ, закрестить и стать чертей дожидаться. Этакъ около полуночи вдругъ слынить, что кто-то у дверей шипитъ. Пождать еще солдатъ немного и вдругъ набралось множество нечистой силы и подняли такой крикъ, что хоть уши загибай! Одинъ тамъ кричитъ: напирай, напирай, а другой на мѣсто ему кричитъ: да куда напирать, коли крестовъ наставлено!..... Солдатъ слушать, слушать, а у самого волосы такъ-таки дыбомъ и встають, даромъ что нетрусливаго десятка быть. Наконецъ и закричать: „да что вамъ тутъ отъ меня надо, босонogie?“—„Пусти, кричатъ ему изъ за дверей черти“.—„Да на что я васъ пуцую сюда?“—„Да такъ, пусти!“—Солдатъ посмотрѣлъ кругомъ и увидѣлъ въ углу мѣшокъ съ гири, взять мѣшокъ, вытряхнуть гири, да и говорить: а что много ли васъ босоногихъ войдетъ ко мнѣ въ мѣшокъ?“—„Всѣ войдемъ, говорятъ ему изъ за дверей черти!“ Солдатъ надѣлалъ на мѣшкѣ крестовъ углемъ, пріотворилъ немного дверей да и говорить: ну-ка я посмотрю, правду ли вы говорили, что всѣ войдете? Черти всѣ до одного загѣзли въ мѣшокъ, солдатъ завязать устье мѣшка-перекрестить, взять 20-ти фунтовую гирию да и давай по мѣшку бить. Бьетъ, бьетъ да и поцунаетъ, мягко-ли? Вотъ видѣтъ сол-

дать, что, наконецъ, мягко стало, отворить окно, развязать мѣшокъ, да и вытряхнуть чертей вонъ; — смотреть, а черти всё изуродованы и никто съ мѣста не двигается. Вотъ солдатъ какъ крикнетъ: а вы что тутъ, бо-соногіе, расположились-то? другой бани что ли дожидаетесь, а? черти всё кой-какъ разбѣжались, а солдатъ кричитъ имъ въ догонку: еще придите сюда, такъ я вамъ не то еще задамъ! На утро пришли мужики и отворили двери, а солдатъ принесъ къ баринну и говоритъ: ну, баринъ, переходи теперь въ тотъ домъ и не бойся ужъ ничего, а мнѣ за труды надо на дорогу дать! Баринъ дать ему сколько-то денегъ, и солдатъ пошелъ себѣ дальше. Вотъ шелъ онъ такъ счастливо и весело ужъ долгонько, и до дому не далеко осталось всего какихъ либо на три дни ходьбы! Вдругъ повстрѣчалась съ нимъ старуха такая это худая да страшная, несетъ полную котомочку ножей, да шить да разныхъ гонориковъ, а косою подтирается! Доншла она до солдата и загородила ему дорогу, а солдатъ не стерпѣвъ этого, выдернулъ тесакъ да и закричалъ: что тебѣ надо отъ меня, старая? Хоть я тебѣ голову разкрою? Смерть (это была она) и говоритъ: я послана Господомъ взять у тебя душу! Сдрогнуло солдатское сердце, упалъ онъ на колѣна да и говоритъ:

1305458

„смилуйся, матушка смерть, дай мнѣ строку только на три года,—прослужилъ я королю-батюнкѣ свою должную солдатскую службу и теперь иду съ родными повидаться.“ — „Нѣтъ, говоритъ смерть, не выдаться тебѣ съ родными и не дамъ я тебѣ сроку на три года!“ — „Дай хоть на три мѣсяца?“ — „Не дамъ и на три недѣли!“ — „Дай хоть на три дня?“ — „Не дамъ тебѣ и на три минуты, сказала смерть, махнула косою и уморила солдата! Вотъ очутился солдатъ на томъ свѣтѣ да и пошелъ было въ рай, да его туда не пустили, недостойнъ, значитъ быть! Пошелъ солдатъ изъ раю да и поналъ въ адъ, а тутъ прибѣжали къ нему черти да и хотѣли было въ огонь тащить, а солдатъ и говоритъ: вамъ что надо отъ меня? Ахъ вы, босоногіе, аль позабыли ужъ барскую-то баню, а? Черти все и побѣжали отъ него, а сатана и кричитъ: „вы куда, дѣтки, побѣжали-то?“ — „Ой, батюко, говорятъ ему чертенята, вѣдь солдатъ-то здѣсь!“ — Какъ услышалъ сатана это да и самъ побѣжалъ въ огонь.

XV.

Старикъ и Старуха *).

Желъ быть старикъ да старуха, старикъ быть настоящій человекъ, а у старухи одна половина была какъ у человека, а другая—какъ у звѣря. После смерти старика у ней родился сынъ, такой же какъ она. Росъ онъ очень скоро и сдѣлался хорошимъ охотникомъ. Однажды возвратясь съ охоты, онъ сказалъ матери: я хочу жениться и ты найди мнѣ невесту.

Мать согласилась, и на другой день, когда сынъ ушелъ на охоту, пошла къ недалеко проживавшимъ старику и старухѣ, у которыхъ было три дочери.

Ея приходу всѣ удивились. Пригласили сѣсть, но она отвѣтила: не сяду, пока не кончу дѣла. Стала сватать стариную дочь, и та согласилась. Въ тотъ же день она привела ее къ сыну. Когда молодая пришла въ вѣжу, то мужа не было дома. Онъ былъ на охотѣ. Старуха указала невесткѣ мѣсто, гдѣ

*) Русскія Лопари Н. Харузина, стр. 345.

она должна спать и приказала ей спать. Смотрѣть же не велѣла никуда, пока будетъ вариться ужины.

Невѣстка для виду и легла спать, но незамѣтно стала смотрѣть, что будетъ дѣлать свекровь. Свекровь вымыла мясо и стала варить его въ кожаномъ мѣшкѣ, который скоро и потекъ. Увидавъ, что дѣвушка это замѣтила, старуха осерчала, и сказала: говорила не смотри: не послуналась—будь же теперь камнемъ. Невѣстка окаменѣла. Пришлось сыну и спросить: гдѣ жена? Мать указала на каменную фигуру и прибавила: она была упряма, вотъ ей и наказаніе:

Сынъ на другой день, отправляясь на охоту, сказалъ: не забудь привести мнѣ жену. Мать опять пошла къ старику и привела отъ него вторую дочь подъ предлогомъ, будто первой скучно.

Тоже сказала и этой. Она опять не послуналась и окаменѣла. Возвратившемуся сыну опять показала на окаменѣвшую. Онъ посмотрѣлъ и сказалъ: завтра должна быть у меня жена, а нѣтъ — прощайся со мною.

Мать, услышавъ это, отвѣтила: онѣ были не послушны и потому тебѣ въ жены негодны. Приведу завтра меньшую сестру ихъ и изъ нея, быть можетъ, и будетъ тебѣ жена.

Послѣ сына, который ушелъ на охоту,

старуха опять пошла за третьей сестрой. Привела ее и опять тоже сказала. Она посмотрѣвъ на окаменѣвшихъ, испугалась, и вполнѣ послушалась свекрови. Послѣ приготовления ужина, старуха разбудила невѣстку и сказала: собака лаетъ, поди встрѣчай мужа. Она встрѣтила его, поужинали и стали жить. Вскорѣ у нихъ родился сынъ, такой же какъ отецъ. Мужъ при этомъ сказать: жена смотри, чтобы у сына постель никогда не была мокра. Разъ, однако, отецъ увидать, что у сына постель мокра: онъ сейчасъ же сталъ собираться въ дорогу. Сынъ тоже сталъ приготовляться уйти съ нимъ. Мать не могла удержать ни мужа, ни сына—они ушли и сдѣлались дикими оленями. При прощаньи мать сказала сыну: черныхъ звѣрей бойся, а бѣлыхъ не бойся. Не бойся и гангасовъ (веревки, которыми ловятъ дикихъ оленей).

VII.

Приданое дочери отъ отца и десяти братьевъ.

НАРОДНАЯ СКАЗКА.

Какъ и было насъ у бабушки десять сыновъ,
А и я то, молодешенька, одиннадцата дочь.
Всѣ-то братица работу работали,
Раннимъ ранененько въ извозъ отъѣзжали,
А иной на полночь время провожатъ,
Что кормилицу—землюшку онъ-ли поднималъ.
А я при домѣ съ матушкой стаюсь,
Покуль со коровушкой да не управлюсь
Молодцы удалые вкругъ меня спуютъ,
Ленточкамъ, гостиничкамъ дѣвку поштуютъ.
Какъ задумалъ меня батюшка замужъ выдавать,
А родимы братики дѣвку снаряжать.
Вотъ что первый братикъ-то приданое дастъ:
Се быка, се козла, се маленькаго козля доморощен-
наго!
Вотъ второй-ли что братъ мнѣ приданое сулитъ:
Два быка, два козла, два теленка, два козленка
доморощенные!
Вотъ и третій что братъ мнѣ въ приданое ведётъ:
Три быка, три козла, три телёнка, три козленка
доморощенные!
Вотъ четвертый-то братикъ приданое дастъ:
Се чѣтыре быка, се чѣтыре въ придачу козла,

Се чѣтыре теленка, се чѣтыре козленка доморощенные!

Вотъ и пятый-то братъ мнѣ приданое сулитъ:

Пять быковъ, пять козловъ, се чѣтыре быка, се чѣ-
тыре козла,

Три быка, три козла, два быка, два козла,

Се козля, се малаго козленка доморощенного.

Вотъ шестой-ли мой братъ мнѣ въ приданое ведетъ:

Шесть быковъ, шесть козловъ, пять быковъ, да и
пять козловъ,

Се чѣтыре быка, се чѣтыре въ придачу козла,

Се три да быка, да и три се въ придачу козла,

Два быка, два козла, два теленка, два козленка,

Се быченка, се козленка доморощенного!

Вотъ седьмой-то что братникъ приданое дастъ:

Да и семь что быковъ, да и семь ли козловъ,

Шесть быковъ, шесть козловъ, пять быковъ, пять
козловъ,

Се чѣтыре быка, се чѣтыре-ли что козла,

Да и три се быка, да и три се козла,

Два быка, два козла, се быка, се въ придачу козла,

Да еще-ли что се малаго козленка, се козля домо-
рощенного.

Вотъ восьмой-ли что братъ отъ другихъ не отстаетъ,

Онъ во хлѣвецъ-то идетъ, мнѣ въ приданое ведетъ:

И на восемь быковъ, и на восемь въ придачу козловъ,

Семь быковъ, семь козловъ, шесть быковъ, шесть
козловъ,

Да и пять-ли быковъ, да и пять-ли козловъ,

Се чѣтыре быка, се чѣтыре козла, три быка три и козла,

Еще два-ли быка, еще два-ли въ прибавку козла,
Се быка, се козла, се маленькаго тѣля доморощеннаго.
Вотъ девятый-ли братъ у стола онъ сидитъ,
Подбоченившись сидитъ, мнѣ въ приданое судитъ:
И на девять быковъ, и на девять козловъ,
И на восемь быковъ, и на восемь козловъ,
Еще семь-ли быковъ, еще семь-ли козловъ,
Да и шесть что быковъ, да и шесть что козловъ,
Се чѣтыре быка, се чѣтыре въ добавокъ козла,
Еще три то быка, да и еще три то козла,
Два что быка, два что козла, се быка, да и се козла,
Се маленькаго тѣля, телѣнка доморощеннаго.
Ужъ десятый-то братъ отъ другихъ не отвѣстъ,
Рѣчь съ усмѣнкой ведетъ, еще болѣе даетъ:
И что десять быковъ, и что десять козловъ,
И что девять быковъ, и что девять козловъ,
Еще восемь быковъ, еще восемь козловъ,
Еще семь-ли быковъ, еще семь-ли козловъ,
Да и шесть то быковъ, да и шесть то козловъ,
Еще пять что быковъ, еще пять что козловъ,
Се чѣтыре быка, се чѣтыре козла,
Се три-ли быка, се и три-ли козла,
И два то быка, да и два то козла,
Се быка, се въ придачу къ нему то козла,
Се бычѣнка, се телѣнка доморощеннаго!
А и батюшка по горницѣ похаживать.
Своей правою-то ножкой приглаголивать,
А усмѣнкой рѣднихъ братцевъ то одабривать.
Какъ и батюшкинъ черѣдъ-то приходить,

Онъ, родимый, самъ-отъ мнѣ въ приданое сулилъ:
Се едину свинью—Окешню,
Да и боровка-ли, бѣрова—Василья,
Се телену годовицу—Анютку,
И бѣвцу яловицу—Васютку!

Олонской губ.

VIII.

Иванко - Медвѣдко *).

Въ некоторомъ селѣ жить-быть богатый мужикъ съ женою. Вотъ разъ пошла она въ лѣсъ за груздями, запуталась и забрела въ медвѣжью берлогу. Медвѣдь взялъ ее къ себѣ, и долго ли, коротко ли — прижилъ съ нею сына: до-поясъ человекъ, а отъ пояса медвѣдь; мать назвала того сына Иванко-Медвѣдко. Годы шли да шли, Иванко-Медвѣдко выросъ и захотѣлось ему съ матерью уйдти на село къ людямъ; выждали они, когда медвѣдь пошелъ на ичельникъ, собрались и убѣжали. Бѣжали-бѣжали, и добрались таки до мѣста. Увидать мужикъ жену, обрадовался—ужь онъ не чаялъ, чтобъ она когда-

*Изъ собранія А. Афанасьева стр. 89

нибудь домой воротилась; а постѣ глянуль на ся сына, и спрашиваетъ: „а это что за чудинце?“ Жена рассказала ему все, что и какъ было, какъ она жила въ берлогѣ съ медвѣдемъ и какъ прижила съ нимъ сына: до-поясъ человекъ, а отъ пояса медвѣдь. „Ну, Иванко-Медвѣдко! говоритъ мужикъ, поди на задній дворъ да заколи овцу; надо про васъ обѣдъ сготовить.“—А котору заколотъ! „Ну, хоть ту, что на тебя глядѣть станетъ.“ Иванко-Медвѣдко взялъ ножъ, отправился на задній дворъ, и только скричать овцамъ—какъ всѣ овцы на него и уставились. Медвѣдко тотчасъ всѣхъ перекололъ, понимать съ нихъ шкурки, и пошелъ спросить: куда прибрать мясо и шкуры?“ „Какъ? зарежь на него мужикъ, я тебѣ велѣлъ заколотъ одну овцу, а ты всѣхъ перерѣзать!“—Ивѣтъ, батька! ты велѣлъ мнѣ ту заколотъ, которая на меня взглянетъ; я на задній дворъ—онѣ всѣ до единой такъ на меня и уставились; вольно-жъ имъ было на меня глядѣть! „Окой разумникъ! ступай же, спеси все мясо и шкуры въ анбаръ, а ночью покарауль дверь у анбара-то, какъ-бы воры не украли да собаки не съѣли!“ Хорошо, покараулю. Какъ нарочно, въ ту самую ночь собралась гроза и пошелъ сильный дождь. Иванко-Медвѣдко выломилъ у анбара дверь,

унёсь ее въ баню и остался тамъ почевать. Время было темное, ворами сподручное; анбаръ открытъ, караула нѣтъ — берн, что хочешь! Поутру проснулся мужикъ, пошелъ посмотреть: все ли цѣло? Какъ есть ничего не осталось: что собаки съѣли, а что воры покрали. Сталъ онъ искать сторожа, нашелъ его въ банѣ и принялся ругать пуще прежняго. „Ахъ, батяка! чѣмъ-же я виновать? сказалъ Иванко-Медвѣдко: самъ ты велѣлъ дверь караулить — я дверь и караулилъ: вотъ она! ни воры не украли, ни собаки не съѣли!“ — Что съ дуракомъ дѣлать? думаетъ мужикъ: эдакъ мѣсяць-другой поживетъ, совѣтъ разоритъ! какъ-бы его съ рукъ сбыть? Вотъ и надумался: на другой же день послалъ Иванка-Медвѣдка на озеро изъ пещу веревки вить; а въ томъ озерѣ много печистыхъ водилось: пусть де его затащатъ черти въ омутъ! Иванко-Медвѣдко отправился на озеро, сѣлъ на берегу и началъ изъ пещу веревки вить. Вдругъ выскочилъ изъ воды чертенокъ: „что ты дѣлаешь, Медвѣдко?“ — „Что? веревки вью; хочу озеро мѣрнить, да васъ чертей корчить — затѣмъ что въ нашихъ омутахъ живете, а руки не платите.“ „Погоди, Медвѣдко! я побѣгу, скажу дѣдушкѣ“ — и съ этимъ словомъ брызнулъ въ воду. Минутъ черезъ пять снова

выскачилъ: „дѣдушка сказать: коли ты меня перегонншь, такъ заплатитъ ругу, а коли не перегонншь—ведѣть танцѣть тебя самого въ омутъ.“ — Вишь прѣткой! ну, гдѣ тебѣ перегнать меня? говоритъ Иванъ-Медвѣдко; у меня есть внучекъ, только вчера родился—и тотъ тебя перегонитъ! Не хочешь ли съ нимъ потягаться? „Какой такой внучекъ?“—Вонъ подъ колодой лежитъ, отвѣчасть Медвѣдко, да какъ вскрикнетъ на зайца: „ай, Заяцко не подгать!“ Заяць бросился безъ памяти въ чистое поле и въ мигъ скрылся изъ виду: чертёнокъ былъ за нимъ, да куда? на полверсту отсталъ. „Теперь коли хочешь, говоритъ ему Медвѣдко, побѣжимъ со мною; только, братъ, съ уговоромъ: если отстанешь, — я тебя до смерти убью!“—Что ты! сказалъ чертёнокъ—и бультыхъ въ омутъ. Немного погодя выскачилъ опять изъ воды и вынесъ дѣдушкѣ чугунный костыль: „дѣдушка сказать: коли вскинѣшь ты вотъ этотъ костыль выше, чѣмъ я вскину, — такъ заплатитъ ругу“.— Ну, кидай ты наперво! Чтѣ вскинулъ костыль такъ высоко, чтѣ чуть видно стало; съ страннымъ гуломъ полетѣлъ костыль назадъ и унеть въ землю на половину. „Кидай теперь ты!“ Медвѣдко наложилъ на костыль руку, и понеселитъ не смогъ: „по-

годи, говоритъ; вотъ скоро подойдетъ облачко, такъ на него закину!“ — Э, ибѣтъ! какъ-же дѣдуникъ безъ костыля то быть? сказалъ бѣсѣнокъ, схватилъ чортову дубинку и бросился поскорѣй въ воду. Погодя немножко, опять выскочилъ: „дѣдушка сказалъ: коли сможешь ты обнести эту лошадь кругомъ озера хоть одинъ разъ длиннѣй супротивъ меня, такъ заплатишь ругу; а не то стунай самъ въ омутъ“.—Эко диво! начинай. Чертѣнокъ взвалилъ на спину лошадь и потащилъ кругомъ озера; разовъ десять обнёсъ и усталъ окаянный — потъ такъ и льѣтъ съ рыла! „Ну теперь мой черёдъ!“ сказалъ Иванко-Медвѣдко, сѣлъ на лошадь верхомъ и пуѣздитъ кругомъ озера: до тѣхъ поръ ѣздитъ, пока лошадь пала? „Что, братъ! каково“? спрашиваетъ чертѣнка.—Ну, говоритъ нечистой, ты больше моего носишь, да еще какъ?—промежъ ногъ; эдакъ мнѣ и разу не обнести! Сколько-жъ руги платить? „А вотъ сколько: насынь мою шляпу золотомъ, да прослужи у меня годъ въ работникахъ — съ меня и довольно!“ Побѣждать чертѣнокъ за золотомъ, а Иванко-Медвѣдко вырѣзаетъ въ шляпѣ дно и ставитъ ее надъ глубокой ямою, чертѣнокъ носилъ-носилъ золото, сыпалъ въ шляпу, цѣлой день работать, а только къ вечеру

сполна насыпалъ. Иванко-Медвѣдко добылъ телегу, накласть се червонцами и свѣзъ на чертѣнкѣ домой: „разживайся, батька! вотъ тебѣ батракъ, а вотъ и золото!“

IX.

Набитой дуракъ.

илъ-былъ старикъ со старухою, имѣли при себѣ одного сына, и то дурака. Говорить ему мать: „ты бы, сынокъ, пошелъ около людей потѣрся да ума набрался“.—Постой мама; сейчасъ пойду. Пошелъ по деревнѣ, видитъ—два мужика горохъ молотятъ сейчасъ побѣжалъ къ нимъ: то около одного, потрѣтся, то около другаго. „Не дури! говорятъ ему мужики; ступай — откуда пришелъ“; а онъ знай себѣ потирается. Вотъ мужики озлобились и принялись его цѣпамп подбивать: такъ опарашили, что едва домой приползъ. „Что ты, дитятко, плачешь?“ спрашиваетъ его старуха. Дуракъ рассказалъ ей свое горе. „Ахъ, сынокъ, куда ты глупѣшенекъ! Ты бы сказалъ имъ: Богъ помочь, добрые люди! носить бы вамъ — не пере-

носить; возить бы — не перевозить! Они-бъ тебѣ дали гороху; вотъ бы мы сварили да и скушали.“ На другой день идетъ дуракъ по деревнѣ, на встрѣчу несутъ покойника. Увидать и давай кричать: „Богъ помочи! носить бы вамъ — не переносить, возить бы — не перевозить!“ Опять его прибили; воротился онъ домой и сталъ жаловаться: „вотъ, мама, ты научила, а меня прибили!“ — Ахъ ты, дитятко! ты бы сказалъ: канунъ да свѣча! да снять бы шапку, началъ бы слезно плакать да поклоны бить; они-бъ тебя накормили-напоили дѣсыта. Пошелъ дуракъ по деревнѣ, слышитъ — въ одной избѣ шумъ, веселье, свадьбу празднуютъ; онъ снялъ шапку, а самъ такъ и разливается: горько-горько плачетъ. „Что это за неvěжа пришелъ! говорятъ пьяные гости; мы все гуляемъ да веселимся, а онъ словно по мертвому плачетъ!“ Выскочили и порядкомъ ему бока помяли...

Х.

Глупая баба *).

или были мужикъ да баба. Мужикъ былъ хороній и трудолюбивый, а жена лѣнивая и заспиха. Страда наступила; мужъ идетъ на свою работу и наказываетъ женѣ, чтобы она шла жать. Пошла она въ поле, выжала такое мѣстечко, чтобы можно было лечь, легла да и проспала весь день. Вечеромъ, какъ пришла домой, мужъ и спрашиваетъ: много ли нажала? А она отвѣчаетъ: выжала мѣстечко. На другой день опять идутъ на работу: мужъ на свою и жена на свою. Баба опять выжала мѣстечко, чтобы лечь, уснула и проспала до самого вечера. Вечеромъ приходитъ домой, мужъ опять у нея спрашиваетъ: много ли, жена, нажала? Она опять: выжала мѣстечко. На третій день пошелъ мужъ посмотреть, много ли баба нажала, приходитъ и видитъ — полосы не сжаты, а жена спитъ. Взялъ онъ ножницы, обрѣзалъ у жены волосы и ушелъ

*) Иваицкій, стр. 186.

домой. Пробудилась баба, схватилась за голову, да какъ заоретъ во все горло: я-то бы-я, да голова-то не моя! Побѣжала домой, а сама думаетъ: если я—я, то собака наша не залаетъ на меня, а если не я, то залаетъ. Прибѣжала къ воротамъ и просунула голову въ подворотню. Собака залаяла. Баба побѣжала по деревнѣ и заорала: я-то бы я, да голова-то не моя! Едва сосѣди могли ее успокоить. Полно съ тѣхъ поръ баба спать въ полѣ. *)

XI.

Беззаботная жена.

или были мужъ съ женой. Жена была баба лѣнивая и беззаботная, да къ тому же еще и больная лакомка: все проѣла на орѣшкахъ да на пряничкахъ, такъ что наконецъ осталась въ одной рубахѣ, и то въ худой—изорванной.

Вотъ подходитъ большой праздникъ, а у бабы нечего и надѣть, кромѣ этой рубахи. И говоритъ она мужу: сходи-ка, мужъ, въ рынокъ, да купи мнѣ къ празднику рубаху.

*) Пваницкій, стр. 186.

Мужъ пошелъ въ рынокъ, увидалъ, что продають гуся и купилъ его вмѣсто рубахи. Приходить домой, жена и спрашиваетъ: купилъ мнѣ рубаху? — Купилъ, отвѣчалъ мужъ, да только гуська. А жена не дослышала и говоритъ: ну и узка, да изношу! Сняла съ себя изорванную рубаху и бросила въ печку. А потомъ и спрашиваетъ: гдѣ же рубаха? дай я надѣну.—Да вѣдь я сказалъ, что купилъ гуська, а не рубаху, отвѣчалъ мужъ. Такъ она и осталась нагишемъ.

Вотъ видятъ они—идутъ къ нимъ гости. Жена и говоритъ мужу: я сяду въ корчагу на полати?—Садись, сказалъ мужъ. Пришли гости. Хозяинъ поставилъ гуся на столъ и потчуетъ. Жена увидѣла и захотѣлось и ей поѣсть гуся. Вотъ она тянулась да тянулась и упала съ корчагой на полъ. Гости испугались и всѣ разбѣжались, а мужъ, пока жена охала до стонала, и доѣлъ гуся, оставилъ женѣ только косточки.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

ХІІ.

Безпамятный зять.

Пришелъ зять къ тещѣ въ гости, теща и угостила его киселемъ. Зять съѣлъ кисель и спрашиваетъ: это что за кушанье?— Кисель, отвѣчала теща. Зятю кисель очень понравится и думаетъ онъ: дома непременно заставлю жену сварить, только бы не забыть какъ зовется.

Вотъ онъ идетъ домой и твердитъ про себя: кисель, кисель, кисель! Случилась на дорогѣ канава. Хотѣлъ мужикъ перескочить черезъ нее, поскользнулся и упалъ въ канаву. Всталъ и—забылъ, что ѣлъ у тещи. Думать, думать,—никакъ не можетъ вздумать.

Идетъ мимо баринъ на шестеркѣ и видитъ: мужикъ бродитъ въ канавѣ. Остановился и спрашиваетъ; что потерялъ, мужичекъ?—Сто рублей.—Кучеръ, поди, поищи, говоритъ баринъ, а когда найденъ, то всѣ раздѣлимъ пополамъ. —Кучеръ подошелъ къ канавѣ и говоритъ: вишь какъ

взболталъ грязь-то въ канавѣ, словно *кисель!*...—Нашелъ нашелъ! закричалъ мужикъ, выскочилъ изъ канавы и со всѣхъ ногъ пустился домой, а самъ кричитъ: кисель, кисель!

Иваницкій, стр. 186.

XIII.

Глупый народъ *).

были у одной старухи два сына: младшій изъ нихъ, Проня, умеръ и старуха долго по немъ плакала. Однажды, когда старшаго сына не было дома, къ старухѣ зашелъ бѣглый солдатъ. Старуха и спрашиваетъ: ты откуда, служивый? А солдатъ отвѣчаетъ: сначала накорми да наной, а потомъ и спрашивай. Старуха накормила и напоила его и опять спрашиваетъ: откуда? — Я съ того свѣта выходецъ, бабушка. — Ой, дитятко! не видалъ ли ты тамъ моего Проню? — Какъ не видать, — видѣлъ; твой Проня тамъ боронить и весь обносился. — Экой бѣдный! Ты не снесешь-ли ему чего? Я бы дала хотъ каташки да полунубокъ. Вотъ, думаетъ сол-

*) Иваницкій, матер. по этногр. Волог. губ.

даты, посылаетъ Богъ глупую! и говоритъ: отчего не снести? за твою хлѣбъ — соль, пожалуй, снесу. — Отдала старуха полушубокъ и катаники и солдатъ ушелъ.

Приходитъ старинный сынъ домой, старуха и рассказываетъ ему, что былъ у нея съ того свѣта выходецъ, рассказывалъ, что нашъ Проня тамъ боронитъ и весь обносился, такъ я послала ему съ нимъ полушубокъ и катаники.

Сынъ побранилъ глупую мать и пошелъ догонять солдата.

Приходитъ онъ въ одну деревню и видитъ: мужики затаскиваютъ корову на повѣтъ, изъ силъ выбиваются. — Что вы дѣлаете? спрашиваетъ онъ мужиковъ. — Да вотъ не можемъ затанить корову на повѣтъ, чтобы она тамъ сѣно ѣла! — Что дадите мнѣ, я научу васъ, какъ это дѣло лучше дѣлать? — Сто рублей дадимъ. говорятъ мужики, только научи.

Взялъ онъ отъ нихъ сто рублей, велѣлъ принести пестеръ, положилъ въ него сѣна, снесъ коровѣ и она стала ѣсть.

— Поживи у насъ, да поучи насъ, говорятъ ему мужики. — Нѣтъ, некогда мнѣ; надо идти, и пошелъ дальше.

Приходитъ въ другую деревню и видитъ: мужики распялили на батоги хомутъ и загоняютъ въ него лошадь.

— Что вы дѣлаете? спрашиваетъ онъ мужиковъ.

— Лошадь надобно запрячь, да не можемъ, говорить.— Что дадите, я научу васъ, какъ это дѣло лучше сдѣлать? — Двѣсти рублей дадимъ, только научи.

Получилъ онъ съ нихъ двѣсти рублей, взялъ хомутъ въ руки и надѣлъ на лошадь.— Ну, теперь запрягайте.

Мужики запрягли лошадь и говорятъ ему: поживи'у насъ?—Нѣтъ, некогда мнѣ, идти надо.

Пришелъ въ одно богатое село и видитъ: на барскомъ дворѣ ходитъ свинья съ поросятами. Снялъ онъ передъ ней шапку, кланяется и говоритъ: свинунка пестра, моей матуникѣ сестра, прощу пожаловать ко мнѣ на свадьбу!

Услыхала эти слова барыня и думаетъ: отчего не отпустить свинью на свадьбу? Подозвала его къ себѣ и говоритъ: я отпущу свинью на свадьбу, только съ поросятами.

Согласился онъ взять и съ поросятами. Барыня нарядила свинью въ свое лучшее платье и велѣла запрячь самую лучшую тройку лошадей. Взялъ мужикъ свинью съ поросятами, сѣлъ на тройку и уѣхалъ. Объ солдатахъ же и думать пересталъ.

XIV.

Сказка о Петрѣ и Иванѣ *).

Жилъ былъ царь; у царя была дочь. Велѣлъ онъ выстроить замокъ съ одной дверью и ключъ отъ этой двери носить всегда съ собой.

Въ этомъ-то замкѣ царь держалъ свою дочь только съ прислужницей. Не хотѣлось царю, чтобы кто-нибудь изъ простыхъ людей влюбился въ царевну. Но царевна узнала объ этомъ раньше и просила подрядчика сдѣлать тайную дверь въ садъ. Онъ и сдѣлалъ. Гуляла и веселилась царевна съ своей прислужницей въ саду. Однажды имъ захотѣлось яблочковъ; онѣ и сорвали каждая по яблочку; играли, играли ими и наконецъ съѣли. Отъ этихъ-то яблочковъ онѣ забеременѣли, и каждая изъ нихъ родила сына. Царевна назвала своего сына Петромъ, а прислужница—Иваномъ. Росли сыновья не по днямъ, а по часамъ; выросли большіе и пошли охотиться. Царь далъ каждому по двѣ лошади и по одному слугѣ. Поѣхали они въ первый день на охоту, увидѣли волчицу съ двумя

*) Записана Ю. Семеновымъ.

волчатами и хотѣли ихъ застрѣлить. Но волчица просила: „оставьте насъ живыми“! Они и не убили ихъ, а повели живыхъ домой. На второй день опять поѣхали охотиться. Видятъ: идетъ медвѣдица съ двумя медвѣжатами. Они хотѣли ихъ застрѣлить. Медвѣдица проситъ: „оставьте насъ живыми“! Они оставили и привели ихъ домой. На третій день опять поѣхали. Видятъ: идетъ львица съ двумя львятами. Они хотѣли ихъ застрѣлить. Львица также проситъ: „оставьте насъ живыми“! Они оставили ихъ и привели живыхъ домой.

Теперь они взяли каждый по волченку, медвѣженку и львенку и пошли по міру. Приѣхали они къ одному мѣсту, гдѣ дорога раздѣлилась. Между дорогами стоитъ береза. Петръ взялъ свой перочинный ножикъ, прорѣзалъ березовую кору, засунулъ ножикъ за кору и сказалъ: „кто изъ насъ первый воротится, пусть посмотритъ этотъ ножикъ: коли онъ чистъ, то другому хорошо; а коли заржавѣлъ, то плохо“. Они разстались и поѣхали: Петръ направо, а Иванъ налѣво.

Вотъ Петръ ѣздитъ, ѣздитъ по правой дорогѣ и наконецъ приѣхалъ къ городу и увидѣлъ, что весь городъ чернымъ бархатомъ обитъ. Онъ остановился въ гостинницѣ и спрашиваетъ: „что это значитъ“? Хозяинъ

ему отвѣчаетъ: „въ нашемъ царствѣ есть страшный змѣй; нужно его кормить однимъ людьми. Начали мы съ пастуха, а теперь дошла очередь ужь до короля; если этому змѣю не дать добровольно, то онъ насъ всѣхъ пожретъ! Завтра же нужно отдать ему на съѣденіе младшую царевну“.

Вотъ утромъ Петръ всталъ рано, взялъ своихъ звѣрей и поѣхалъ къ тому мѣсту. Пріѣхалъ и видитъ: везутъ царевну въ каретѣ на четырехъ воронихъ лошадяхъ. Выбросили царевну и поѣхали назадъ. А змѣй о двѣнадцати головахъ и летитъ; увидѣлъ онъ Петра и кричитъ: „что тебѣ надо“? Петръ ему отвѣчаетъ: „а тебѣ что надо“? и началъ его рубить, а звѣри его ему помогаютъ. Онъ срубилъ всѣ головы, собралъ и положилъ ихъ подъ огромный камень. Царевна поблагодарила его и повязала каждому изъ его звѣрей по золотой цѣпочкѣ вокругъ шеи. Петръ поѣхалъ дальше охотиться по лѣсу. Ѣздилъ онъ, Ѣздилъ, наконецъ пріѣхалъ опять къ этому городу и видитъ, что весь городъ украшенъ. Онъ остановился въ той же самой гостинницѣ и спрашиваетъ хозяина; „что это значитъ“? Хозяинъ отвѣчаетъ: „нашу царевну спасъ отъ змѣя какой-то незнакомецъ, и король отдаетъ свою дочь за-мужъ за него; сегодня

будутъ ихъ вѣнчать“. Петръ поѣхалъ со своими звѣрями прямо во дворецъ. Царевна узнала его и говоритъ отцу: „вотъ мой женихъ! онъ меня спасъ отъ змѣя“. Но женихъ не хотѣлъ отказаться, божился, что онъ спасъ царевну. Тогда Петръ повелѣ его къ тому мѣсту, гдѣ убилъ змѣя и велѣлъ ему поднять камень; но тотъ и пошевелить его не могъ. А Петръ съ одного раза поднималъ камень и показывалъ всѣ двѣнадцать головъ. Тогда царь велѣлъ жениха застрѣлить, а царевну выдать за Петра, и они обвѣнчались.

Прошелъ день, другой. Петръ поѣхалъ на охоту со своими звѣрями; вдругъ видитъ онъ зайца и хочетъ его застрѣлить. Откуда ни возьмись пристаетъ къ нему какая-то старуха, проситъ его не стрѣлять въ зайца. Она дала ему ниточку и говоритъ: „возьми, обвей себѣ эту ниточку три раза около головы, тогда заяцъ за тобою побѣжитъ“. Петръ такъ и сдѣлалъ—и превратился со своими звѣрями въ камень.

Иванъ между тѣмъ обѣхалъ далекія земли, а ничего не нашелъ. Воротился онъ назадъ, пріѣхалъ къ березѣ и видитъ; пожикъ совсѣмъ заржавѣлъ. „Теперь Петру плохо, подумалъ онъ; пойду его отыскивать!“ Поѣхалъ онъ по правой дорогѣ; ѣздилъ, ѣздилъ,

наконецъ пріѣхалъ къ городу и спрашиваетъ: „не видали ли вы Петра?“ А тѣ думали, что онъ самъ Петръ, повели его во дворецъ къ царевнѣ. Та и обрадовалась, потому что онъ былъ по лицу и по росту очень похожъ на Петра, и были у него такая же лошадь и такіе же звѣри какъ и у Петра. Царевна не переставала его умолять, чтобъ онъ съ ней спалъ. Иванъ сейчасъ подумалъ: „здесь что-то не такъ!“ Пошелъ онъ съ ней спать, а свою саблю положилъ между царевною и собой, и такъ они проспали всю ночь.

Иванъ всталъ утромъ чѣмъ свѣтъ и поѣхалъ дальше искать Петра; заѣхалъ онъ въ лѣсъ—видитъ: заяцъ бѣжитъ. Онъ прицѣлился. Вдругъ подходитъ къ нему старуха и говоритъ: „не стрѣляй! на тебѣ ниточку, возьми ее да обвей себѣ три раза около головы, и заяцъ за тобою побѣжитъ“. Онъ взялъ ниточку, бросилъ ее на землю и срубилъ старухѣ голову. Поѣхалъ дальше—видитъ: Петръ и его звѣри стоятъ превращены въ камень. Тутъ онъ догадался, снялъ ниточку съ его головы, и они стали опять живы.

Иванъ ему разсказалъ, какъ онъ сюда попалъ и что ночью съ царевной спалъ. Тутъ Петръ разсердился на Ивана и отрубилъ ему голову. Пріѣхалъ онъ домой:

царевна бросилась предъ нимъ на колѣни и умоляла простить ее, что она вчера заставила незнакомца спать съ собою; но рассказала, что тотъ положилъ свою саблю между ей и собою. Тенерь стало Петру очень жаль, что такъ дурно поступилъ съ Иваномъ; но дѣлать было нечего. Съ горя поѣхалъ онъ опять на охоту. Пріѣхалъ въ лѣсъ; видитъ: лежитъ мышь съ отрубленной головой, а другая все приставляетъ ей голову; наконецъ голова приросла, и мышь ожила. Тутъ Петръ вспомнилъ объ Иванѣ, поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ лежалъ, и началъ ему приставлять голову; наконецъ она приросла, и Иванъ ожилъ. Очень тому обрадовался Петръ. Пріѣхали они оба домой и стали жить да поживать. Наконецъ умеръ царь; Петръ получилъ все царство и сдѣлался царемъ.

XV.

Невѣрная жена. *)

Днѣ-быль купецъ и овдовѣвъ, остансе у его сынъ въ полномъ возрастѣ. Онъ сказавъ сыну своему, що „жоннись ты, сынъ мой, а мнѣ ужъ не вгоды“... У меня, гыть, всѣ невѣсты сняты на патрѣтъ... Приноситъ сыну своему патреты невѣсты и говоритъ: „ну, сынъ мой, выбирай которую надоть“! Сказавъ сынъ отцю: „батюшко, въ твоихъ патретахъ нѣтъ невѣсты мнѣ“. Ну, гыть, выбирай самъ невѣсту; отвицывъ отецъ. Сынъ говоритъ: „стану выбирать невѣсту по Божьему повелѣнью, какую мнѣ Богъ благословитъ“. Заутра сынъ отпираетъ лафку и говоритъ: „которая первая придетъ въ лафку возрастная дѣвица, то и невѣста моя“. Какъ отперъ купецъ лафку и приходитъ воз(в)растная дѣвица торговать (покупать; вотъ и говоритъ (ей) купческой сынъ: „пойдемъ за меня въ замужество“! Она отвицѣетъ ему: „господинъ купецъ! я низка передъ вами“.—„Какихъ ты родовъ“? —У меня мать бобылочка“! „Въ какой улицѣ

*) „Пѣзъ Живой Стар.“ стр. 421. Записано А. Шустиковымъ.

твоя фатера “? спрашиваетъ купеческой сынъ. — „Въ такой-то улицѣ“, отвицаетъ, подъ такимъ-то номеромъ. „Хорошо, я буду свататсѣ къ вамъ“. Вотъ запираетъ онъ лафку и приходитъ свататсе, а вдова бобылочка и гаворитъ (ему): „господинъ купецъ! у наеъ денегъ нѣтъ свадьбу сурядитъ“. Онъ имъ денегъ далъ множество на свадьбу и сказалъ вдовѣ: „мнѣ безчостно фхатъ въ киллю жонитсѣ, занимай ты у каково нибудь купця фатеру, будто вы изъ другой земли прѣхали, а денегъ мало будетъ—пиши письмо, я ищо дамъ“. Вотъ онъ и взявъ ее замужество.

Къ нимъ въ городъ прислали изъ другово города полковника, ему и были избраны двѣ фатеры у этово купця, фатеровать. Полковникъ и посылаетъ письмо съ деньщикомъ, желаетъ въ гости купеческую жону къ сибѣ. Приняла купеческая жона письмо это, прочитала и гаворитъ: „не пойду въ гости къ нему, не желаю и видѣть“. Приходя деньщикъ и сказавъ полковнику, що не хочетъ идти въ гости (купеческая жона). Полковникъ осерчалъ на ее.

Вотъ потомъ купецъ балъ завель, посылаетъ своево прислужника къ полковнику, звать въ гости. Полковникъ сказавъ: „нейду я къ вамъ для купеческой жоны“. Сказавъ полковнику прислужникъ, що не для ее, а

для купца или, такъ мнѣ хозѣинъ сказавъ. Полковникъ пошловъ въ гости къ купцу. Послѣ того онѣтъ полковникъ писавъ съ денъщикомъ письмо и звалъ въ гости купеческую жону. Она подумала умомъ: „въ первый разъ звалъ не пошла, осерчавъ полковникъ, ну и пойду, разъ“? Вотъ она и пришла въ гости къ полковнику, подноситъ ей полковникъ чашу напитоковъ, она сказала ему: „не хочу пить“. „Ты не ради себя ней, а ради меня хотъ выпей“! Она выпила. Вотъ онъ потомъ и влюбивсе въ ее, а она въ сво...

Этого полковника перемѣстили онѣтъ въ другой городъ, онъ и сказавъ купеческой жонѣ: „пойдемъ со мной“! Она удумала ѣхать съ нимъ. Вотъ сказала хозѣину, що отпращлюсе въ экой-то городъ (куда именно перемѣщали полковника), я маленькая была ицо, меня мать овичала (завѣщала?) сходить Богу молиться“. А купецъ ей сказавъ: „на што пѣннѣй ийти, занимай пару коней и бери денегъ колько (сколько) требуется“. „Мнѣ, гытъ, не надо пара коней, я пѣннѣй пойду“. Заправилась напередъ полковника въ дорогу, потому що настигѣтъ, такъ посадить въ карету. Господь создавъ тучу и убило ее громомъ и наѣзжаетъ на это тѣло полковникъ и привозитъ къ купцу въ домъ: „господинъ купецъ, гытъ, убило твою жону

громомъ“. И какъ тогда купецъ туживъ, плакавъ и жалѣвъ своя жоны!.. Снёсли мертвое тѣло въ церкву, приходитъ купецъ къ священнику: „батюшка, гытъ, пусти меня въ церкву на ночь, стану я псалтырь читать надъ мертвымъ тѣломъ“. Священникъ его путивъ въ церкву псалтырь читать. Вотъ онъ читаетъ и плачѣтъ, жалѣтъ своя жоны. Вдругъ изъ алтаря выходитъ старичокъ и говоритъ купцю: „купецъ, жаль жоны?“ „Жаль“, гытъ. Старичокъ выноситъ три листа бумаги да три свщи. „Зажги свщю, гытъ, прочитай листъ; ту погаси, другую зажги и другой прочитай листъ; ту погаси и третью зажги, прочитай и третій листъ,—воскресить свою жону“!.. Произвелъ все это купецъ и воскресивъ свою жону. Заутра отложили (отперли) церкву,—ожилась его жона. Ну, и учувъ полковникъ, що ожилась купеческая жона, только слухъ у ее отбилъ. Онѣтъ зоветъ ее полковникъ ѣхать съ собой, она и ладитъ ѣхать—забыла наказанье Божье. Вотъ она и говоритъ служанкѣ своей: „я пойду на рыцку съ платьемъ мыть и пробудудовготамъ, ты провѣдай меня“, а сама склалась да уѣхала съ полковникомъ въ другой городъ. Пришовъ хозяинъ изъ лафки и спросивъ: „гдѣ жона моя“? Сказала (ему) служанка, що „ушла на рыцку да

заказала мнѣ, что не буду долго,—привѣдай меня, а вотъ я и забыла ее“. Пришли на рынокъ, только и знамя оставила—платье одно. Купецъ съ горя все имѣнье продавъ и пошовъ къ царю на лицѣ: „Ваше царское величество, гытъ, я иду въ солдаты охотой“. И принявъ ево въ солдаты царь. А тотъ полковникъ подавъ заявленіе царю, что надо смѣнить деньщиковъ. Царь назначилъ деньщиковъ новыхъ, это во солдата-охотника, тамъ и другихъ хорошихъ назначивъ къ нему (полковнику). Вотъ полковникъ и говоритъ своей наложницѣ, что „придутъ новые деньщики, угости ты ихъ на первой разъ“. Приходятъ къ полковнику новые деньщики, увидала наложница новыхъ деньщиковъ и узнала (признала) мужа своего купца, ну и самоваръ составила, по стакану водки подала, а сама себя изобидила: ободрала рожу. Приходитъ полковникъ, она смутится ему стала на деньщиковъ: „пришли деньщики, ты велѣвъ ихъ угостить, я угостила ихъ, самоваръ составила, водки подала, ну, вотъ этотъ (указываетъ на мужа, надо ево избыть, — пояснилъ разскащикъ) меня изобидивъ, опарана въ рожу.“ Дѣло по дѣламъ пошло, ево назначили сквозь строй прогнать, онъ и говоритъ своему товарищу: „мнѣ не вымочилъ, рѣшатъ меня, такъ пожалуста я

тибѣ скажу, постарайся для Бога, ты можешь меня воскресить, я скажу тибѣ: ты возьми у меня въ сундукѣ три свини и три листа и прочитай надъ моимъ мертвымъ тѣломъ, произведи всѣ три свини, а сначала меня выкопай изъ ямы да въ угомонное (въ тихое) мѣсто снеси ты тѣло мое.“ Вотъ ево прогнали сквозь строй и убили до смерти, закопали ево тѣло въ землю и поставили тронхъ часовыхъ, денныхъ и ночныхъ для того, що онъ се, наложницу, воскресивъ, такъ надо, щобы и самъ не воскресъ. И приходитъ къ могилѣ тотъ деньщикъ и называетъ: „братья мои, часовые! доброй дуни былъ этотъ деньщикъ, пойдете-тко въ трактиль, да помянемъ его за упокой!“ „Мы рады бы съ тобой идти въ трактиль, отвицѣють часовые, да у насъ денегъ нѣтъ помянуть за упокой!“ „Пойдемте со мной, я денегъ дамъ.“ Увелъ часовыхъ въ трактиль и напоивъ такъ, що онѣ свалились. Вотъ этотъ деньщикъ нанявъ такихъ людей, щобы достать солдата изъ земли да въ угомонное мѣсто отнести. Вотъ достали и отнесли, онъ и начавъ читать эти три листа и три свини произжохъ, прочитавъ и воскресивъ ево. „Благодарю, землякъ, сказавъ воскресной, денегъ у меня много, хоть всѣ бери“!..

Въ то время у царя дочь померла, при-

ходитъ солдатъ-охотникъ къ царю: „ваше царское величество, гыгъ, я воскрешу твою дочь!“ А царь сказавъ ему: „кабы могъ воскресить мою дочь, то будешь ты царемъ, а моя дочь — царица.“ „Гдѣ твоя дочь находится?“—„Въ залѣ!“ Вотъ его допустили къ мертвому тѣлу, онъ зажогъ свицю—прочитавъ листъ, прочитавъ и всѣ листы и прижогъ свици—воскресивъ царскую дочь. Царь и произвелъ ево въ цари, на свое царство посадивъ. Вотъ и поповъ новой царь по силѣ (войско) своей, по полковникамъ. У которово-бы полковника и не ладно, да ладно все, приходитъ въ тотъ полкъ, гдѣ ево жона наложницею находится. У этого полковника нѣ и ладно, да не ладно все. Сказавъ новой царь полковнику: „снимай ополеты съ себя!“ Сказавъ и царицу тому деньщику, которой ево воскресивъ: „снимай мундиръ свой и накладывай ополеты полковника, а солдатской мундиръ отдай ему. Призываетъ наложницу полковника, приказываетъ царь: „растрелять ее!...“

Вологодской губ.

XVI.

Какъ понамарь отдалъ свою понамарицу замужъ *).

меръ кунецъ, осталася вдова съ сыномъ-малолѣткомъ; нога она и стала ево приучетъ къ торговлѣ. Сынъ хорошо ужъ сталъ заниматсѣ торговать, она и завирила ему одному стоять въ лафкѣ. Вотъ онъ торгуетъ одинъ, приходятъ дѣвки къ ему на торгъ, онъ и даетъ имъ все въ долгъ, и много ужъ товару изнурилъ безъ денегъ. А рядомъ была лафка дѣди ево; дѣдя и видитъ этотъ торгъ у племянника, какъ онъ товаръ изнуряетъ и сказываетъ братовѣ женѣ, что дѣвкамъ онъ безъ денегъ товаръ отпущаетъ. Приходитъ кунчиха вдова въ лафку, а у ево товаровъ многое множество утрачено, а денегъ нѣтъ; она и не завирила ему больше одному торговать.

Отправлетсѣ дѣдя за море торговать, вдова и говоритъ ему: „возьми, дѣдя, сына моего съ собою“!— „Не надо мнѣ твой сынъ, онъ распутново поведенья“! сказавъ дѣдя. Опѣтъ сноха говоритъ: „возьми, дѣдя, я дамъ

*) Живая старина, стр. 121, записано А. Шустикомъ.

тибѣ 100 рублевъ“. „Вотъ, що, — сказавъ дѣдя,—сто рублевъ какія деньги, давай ста три и пуцай онъ учиться, навикаеть торговать!“ Она дала 300 рублевъ, вотъ онѣ и отправились за море торговать. Прибыли они за море и говоритъ купеческой сынъ: „Дѣдя! дай мнѣ сто рублевъ, схожу въ городъ товару закупать“. Дѣдя дастъ ему 100 рублевъ. Идетъ онъ по городу, и (видитъ) стоитъ подомарь въ лафкѣ съ вертункой. „Эй, землякъ! иди сюда, вернемъ!“ кричитъ ему подомарь. На это купеческой сынъ сказавъ: „О много-ли?“—„О стѣ рублевъ!“ отвицѣеть подомарь. Вотъ онѣ и вернули; купеческій сынъ и провернулъ 100 рублевъ подомарю. Подомарь и говоритъ: „пойдемъ ко мнѣ въ домъ, угощу я тебя и подомаринца покажу.“ Подомарь приходитъ къ своему дому; заперта подомаринца за семимъ дверьми и семимъ замками у ево, отлажаетъ замки, отворяетъ двери и (войдя) хвастаетъ своею подомаринцѣ: „я у этово земляка вывернувъ сто рублевъ, угостить ево надоть.“ Вотъ подомаринца составила самоваръ, на купеческово сына посмотри, що красавецъ, и онъ на ее посмотри (видитъ), що красавиця. Подомарь для тово и держитъ ее подъ замками, що бы не озарились чужіе люди. Угостивъ подомарь купеческово сына и ска-

завъ: „ну, ступай-же теперь вонъ!“ и самъ пошовъ въ лафку на вертушку.

Заутра онѣтъ купчешкой сынъ говоритъ дѣдѣ: „дядя дай нщо сторублевъ денегъ!“ — „А нщо скоро издержавъ?“ спрашиваетъ его дѣдѣ. — „Закупивъ, гытъ, товаровъ, не хватило тоо рублевъ.“ Дѣдѣ дать ему тоо рублевъ. Вотъ онъ идетъ по городу, а подомарь, онѣтъ увидявъ его кричитъ: „эй, землякъ! иди сюда, вернѣмъ!“ — „О много ли вернѣмъ?“ — „О стѣ рублевъ!“ Вернули, купчешкой сынъ онѣтъ провернувъ подомарю тоо рублевъ. Подомарь на радостѣхъ онѣтъ зоветъ ево въ гости, угоститъ надо таково человѣка. Приниц, отпираетъ подомарь семеры дѣри и кричитъ: „подомариця дома?“ — „Гдѣ-жо, гытъ, отвицѣетъ та,—какъ не дома, когда запираешъ семеры дѣри?“ „Я онѣтъ сто рублевъ вывернувъ у этого земляка,“ хвастаетъ подомарь. Ну, вотъ купчешково сына угощаютъ; угостиц, подомарь и сказавъ: „ну, ступай-жо теперь вонъ!“ и самъ пошовъ въ лафку на вертушку. А купчешкой сынъ заутра онѣтъ къ дѣдѣ: „дѣдѣ, дай нщо тоо рублевъ!“ „Да дано тебѣ дваста, гытъ дѣдѣ, нщо скоро издержавъ?“ — „Да закупивъ товару много, а денегъ не хватило.“ — „На, гытъ, нщо сто рублевъ, а больше не проси, не дамъ!“ Вотъ идетъ

кунеческой сыгъ по городу, а подомарь онѣтъ кричить: „иди, землякъ, вернёмъ!“ Онѣтъ вернулъ, кунеческой сыгъ и послѣднѣе провернувъ. Подомарь онѣтъ сталъ звать въ гости кунеческова сына, также угостивъ и выславъ вонъ изъ дому. Кунеческому сыну дѣлать больше печево, денегъ нѣтъ и дѣдя отказавъ, вотъ онъ и поновъ вокругъ подомарева дому, а тамъ, за дворомъ стоимъ килья, посмотривъ, а подомарница сидитъ въ этой кильѣ, онъ и зановъ; глядитъ на се: „а що жо, гытъ, я тебя какъ выдавъ?“ — „Да и я тебя какъ видала? отвицѣтъ подомарница вотъ они тутъ и признали другъ-другу. „Пойдемъ-жо; гытъ, со мной,“ сказала она. Вотъ она отицѣтъ зананъ въ землю, опустилсѣ въ эту зананъ, потомъ подынулсѣ въ тѣ-жо залы, гдѣ она ранне угощала сво. Онъ говоритъ ей: „Какъ-жо, у меня больше денегъ нѣтъ вертеть съ подомаремъ?“ Она ему только сказала: „почуй у меня.“ — „А подомарь-то придетъ?“ — „Не придетъ, гытъ.“ Ну, онъ и почевать у се. Она завтра даетъ ему 100 рублевъ денегъ да перстятки (перчатки) на руки да и говоритъ: „ну, пойдѣ къ подомарю на вертушку, а какъ подомарь вернетъ, ты въ это время брось руки на вертушку и скрини: „стой, подомарь, не ладно вернувъ!“ Онъ

провирнётъ тибѣ 100 рублевъ да и опознасть твои перчатки, поведетъ тебя на свидѣтельство къ сибѣ; онъ станетъ отпирать семеры двери, а ты бѣжи проворнѣе къ этой килѣ и брось перчатки...”

Вотъ идетъ купеческой сынъ по городу, а подомарь стоитъ въ лафкѣ на вертуникѣ и кричитъ: „ей, землякъ! иди сюда, вернѣмъ!“ — „О много-ли?“ „О стѣ рублевъ!“ Подомарь вернувъ, а купеческой сынъ скричавъ: „стой, подомарь, не ладно!“ и бросивъ руки свои въ перстяткахъ на вертунику; подомарь и провернувъ 100 рублевъ, провернувъ да и опознавъ перстятки: „Ты, братецъ, укравъ у меня перстятки, пойдемъ, гытъ, на свидѣтельство домой.“ Вотъ онѣ и приходятъ; подомарь отпираетъ семеры двери, а купеческой сынъ приотпавивсе да ицо бросивъ въ эту килѣю перстятки. Отворивъ подомарь семеры двери, да и кричитъ: „подомариця дома?“ — „А гдѣ-жо твоя подомариця, какъ не дома?“ отвицѣеть та. — „Вотъ онъ укравъ у насъ перстятки, я видѣвъ на рукахъ у ево были, пойди-ко, подомариця, посмотри на комодѣ есть-ли, нѣтъ-ли перстятки?“ Подомариця приноситъ ему перстятки и называетъ: „Охъ, ты глупой подомарь! да развѣ столько перстяткокъ, цо твои, а у людей развѣ нѣтъ?“ Подомарь онѣтъ

прогнавъ купеческова сына, а самъ пошовъ въ лавку на вертушку. Купеческой сынъ приходя (sic.) въ эту килъю къ бабункѣ, а подомарница тутъ. „Ну, пойдѣмъ-жо, гыть подомарница, въ ту-жо комнату, гдѣ вечоръ почевали!“ Вотъ онѣ и отпавилсь, онѣ тамъ онѣтъ почевалъ. Заутра она даетъ ему тресту*), „пойди-жо, гыть, къ подомарю на вертушку, какъ онѣ вернетъ, — ты трестой нцо махини на вертушку, да онѣтъ скрини: „стой, подомарь, не ладно!“ онѣ онѣтъ провернетъ тибѣ 100 рублей.“ — Идетъ купеческой сынъ по городу, подомарь онѣтъ кричитъ изъ лавки: „иди, землякъ, вернемъ!“ Подомарь вернувъ, а купеческой сынъ трестой махнувъ: „стой, гыть, подомарь, не ладно!“ Вотъ подомарь онѣтъ провернувъ 100 р. да и опознавъ тресту, цо сво; онѣтъ и повелъ на свидѣтельство домой. Вотъ онѣ отпираетъ семеры двери, а купеческой сынъ пріотнативсе да и бросивъ эту тресту въ килъю. Отперъ подомарь все двери да и кричитъ: „Подомарница дома?“ — „А гдѣ-жо, какъ не дома твоя подомарница? отвнцѣетъ та.“ — „Вотъ онѣ у меня, гыть, тресту укравъ, я опознаю, сходи-ко въ залу, стоимъ-ли тамъ треста, гдѣ поставлена?“ Подомарница приноситъ тресту да и

*) Трестъ — трость.

говорить: „охъ, ты глупой подомарь, да развѣ столько трестовъ, що у тебя у од-ново? ты ее купишь да хваставъ, що остал-лсе ощо *) двѣ тресты...“ Онѣтъ выпли вонъ, подомарь пошовъ въ лафку на вер-тушку, а купеческой сынъ въ киллю, а по-домариця ужъ ждетъ ево. Ну, онятъ ушли онѣ въ тѣ-жо комнаты, купеческой сынъ онѣтъ но-чевавъ съ подомарицею. Заутра подомариця даетъ ему подрясникъ подомаревъ и нака-зываетъ: „какъ подомарь вернетъ, ты онѣтъ скрини: стой, подомарь, не ладно! да полой подрясника нщо махин о вертушку, онѣтъ деньги твои будутъ...“

Вотъ идетъ купеческой сынъ по го-роду, а подомарь кричитъ: „эй, землякъ, зайди, вернемъ!“ Онѣтъ онѣ вернули о стѣ рублей; лишь только вернуть подомарь, а купеческій сынъ и скринявъ: „стой, по-домарь, не ладно!“ и махнувъ полой под-рясника,—вывернувъ тоо рублей. Подомарь онѣтъ опознавъ подрясникъ, що ево и по-велъ купческово сына на свидѣтельство домою. Вотъ оттираетъ семеры двери, а купеческой сынъ онѣтъ бросивъ въ киллю подрясникъ. Отперъ подомарь двери и кри-читъ: „Подомариця! посмотри-ко скорая дома-ли, нѣтъ-ли мой подрясникъ?“ Подо-

*) Ощо—еще.

мариця принесла ему подрясеникъ. Подомарь посмотря говоритъ: „Ну, я съ нимъ больше вертѣть не стану, онъ волшебникъ какой-то, всѣ деньги у меня вывертитъ!..“

Вотъ онѣтъ подомарь пошовъ въ лафку на вертушку, а кунеческой сынъ въ килъю, а подомариця ужъ ждетъ ево. Вотъ онѣ ушли въ тѣ-жо комнаты, подомариця и говоритъ: „Онъ съ тобою больше вертѣть не станетъ, волшебникомъ обзываетъ; ты пойдѣ-жо къ ему въ лафку да и скажи, що вотъ, подомарь; у насъ съ тобою тонерь дѣло знакомое, ты жони меня! Онъ тогда поперебираетъ невѣсть да и скажетъ: эка, нѣре, да гдѣ-же мнѣ невѣсту взеть тибѣ? А ты и скажи: а вотъ, подомарь, за дворомъ-то у тебя килъя есть, я видѣвъ тутъ дѣвка хорошая есть, сватай-ко ее, не отдадутъ-ли за меня? Онъ скажетъ онѣтъ тибѣ, що нѣтъ тутъ дѣвки, а ты скажи що есть, видѣвъ я; онъ на то скажетъ: ужо, я спрошу у подомарици, есть-ли, нѣтъ?“

Вотъ кунеческой сынъ, какъ было сказано, такъ и сдѣлавъ. Подомарь приходитъ изъ лафки домой и спрашиваетъ у подомарицы: „мнѣ сто рублевъ денегъ даетъ этотъ землякъ, съ которымъ вертели на вертуникѣ, кабы, гытъ, меня жонивъ, а посылаетъ сва-

татес въ килью этамтѣ *), во дворѣ-то...
Що-жо, подомарница, я не видалъ тутъ дѣвки?
Я хочу спроситъ у тебя: есть-ли нѣтъ дѣ-
вка?“ А подомарница и говоритъ ему: „а
много-ли у тебя подомарницю-то видали люди?
такъ столько и ты видавъ дѣвку!“ Вотъ по-
домарь и поповъ свататес въ эту килью и
спрашиваетъ онъ у бабушки: „есть-ли нѣтъ
у тя дѣвка? Я у тебя, гытъ, не видавъ?
Бабушка ему отвѣтитъ: „а много-ли у тебя
подомарницю видали?—столько и ты видавъ
мою невѣсту!“ Вотъ подомарь и высватавъ
у килейницы невѣсту, поповъ къ священ-
нику на уговорку—когда винѣтъ? Запла-
тивъ впередъ и за винѣные, условивсе, що
отъ винця столы производить у пона. По-
томъ сходявъ за женихомъ и поплн въ эту
килью по невѣсту и выводитъ бабушка не-
вѣсту за столъ, а подомарь глядитъ на эту
невѣсту да думаетъ: „какъ моя подомарница,
и ростомъ, и лицѣмъ, и оклажемъ.“ Вотъ
пзъ килн и въ церкву поплн, повинѣнсе,
потомъ къ пону, столы производить. Ну, и
що было доброво, и питья, и кушанья, и
напитковъ разныхъ! но подомарь не можетъ
не пить, не есть: „совсѣмъ моя подомарница,
думаетъ. Столы произвели, молодыхъ свели
къ бабункѣ въ килью. Приходитъ подомарь

*) Этамтѣ--тамъ-то.

домой, отпираетъ семеры двери у себя и кричитъ зычно: „подомарница дома-ли?“ Слышныи: „А гдѣ-жо, какъ не дома?“ Вотъ онъ и ставъ рассказывать подомарницѣ про все: „вотъ що, подомарница, меня изъ ума выбивать стало, будто я тебя отдавъ взамужъ; совсѣмъ ты: и ростомъ, и лицѣмъ, и волосомъ—вся ты! Я не могъ не пить, не могъ не есть, а що было добреньково за столами-тѣ!.. Ну, слава Богу, хоть ты дома... Пынь и есть стану, и пить стану; неси напѣтковъ и закусковъ, — сердцѣ на мистѣ пынь...“ Вотъ онъ напѣвше и наѣвше, легъ спать и заснувъ самымъ крѣпкимъ сномъ, пьяной, а у молодыхъ ужъ занасъ сдѣланъ, корабль купленъ, изъ лафки товары сгрузили въ корабль, а она и деньги всѣ взяла съ собой. Вотъ онъ и отправилъсь всѣ на кораб(ль), входитъ сво пустыни, поплыли на свою сторону. Подомаръ проспавше и кричитъ свою подомарницу: „дома-ли подомарница?“—отвѣта нѣтъ. Вотъ онъ тутъ и до-годавше, що отдавъ взамужъ свою подомарницу; приновъ въ лафку свою — ничево нѣтъ, обрала подомарница все, и деньги, и товаръ. Подомаръ не могъ стерпѣть этого горя, зелья хлебнувъ—и умеръ...

XVII.

Оома Беренниковъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ-государствѣ жилъ-былъ мужикъ Оомка Беренниковъ — такой сильной да дородной, что если пролетитъ мимо воробей да зацѣдитъ его крыломъ, такъ онъ и съ ногъ свалится! Плохо ему на бѣломъ свѣтѣ, всѣ его обижаютъ, и вздумалъ онъ: „даи поиду, утоплюся съ горя!“ подходитъ къ болоту; увидали его лягушки и прыгнули въ воду. „Постой! думаетъ Оомка, не стану тониться; и меня ноги бояться!“ Воротился домой, сталъ на пашню сбираться; а лошадевка у него была дрянная, на работѣ замученная; натѣрло ей хомутомъ шею до крови и облѣпили ее слѣпини да мухи видимо-невидимо. Оома подошелъ, какъ ударить ладонью—однимъ махомъ сто побивахомъ! и говоритъ: „охъ, да я самъ богатырь! не хочу пахать, хочу воевать!“ Сосѣди надъ нимъ смѣются: „куда тебѣ, дураку, воевать; тебѣ въ пору спящимъ кормъ давать!“ Ни тутъ-то было, назвался Оомка богатыремъ, взялъ тушцу и косарь, чтò лучину скенають, надѣлъ на себя старой кафтанъ да высокой

яломокъ, сѣлъ на свою клячу и поѣхалъ въ чистое поле ступю бредучею. Въ чистомъ полѣ врылъ въ землю столбъ и написалъ на немъ: „Ѣду сражаться въ иные города—однимъ махомъ сто побивахомъ!“ Только что успѣлъ отѣхать съ мѣста, прискакали къ столбу два могучихъ богатыря, прочитали надпись и говорятъ: „что за богатырь такой! куда онъ поѣхалъ? скоку молодецкаго не слышно, слѣду богатырскаго не видно!“ Кинулись за нимъ по дорогѣ; увидалъ ихъ Оомка и спрашиваетъ: „вы кто таковы?“—Миръ тебѣ, добрый человекъ! Мы—сильно-могучіе богатыри. „А по сколько головъ сразу рубите?“ Одинъ говоритъ: по пяти, другой: по десятку. „Какіе-жъ вы сильно-могучіе богатыри? вы просто дрянь! вотъ я такъ богатырь; однимъ махомъ сто побивахомъ!“—Прими насъ въ товарищи, будь намъ старшій братъ. „Пожалуй, говоритъ Оомка; поѣзжайте сзади.“ Пристроились къ нему сильномогучіе богатыри и отправились все вмѣстѣ въ заповѣдныя луга царскіе. Пріѣхали, сами легли отдыхъ взять, а лошадей пустили шолкову траву щинать. Долго ли, коротко ли—скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, усмотрѣлъ ихъ царь: „что, говорятъ, за невѣжи такіе въ моихъ лугахъ прохлаждаются! доселѣва тутъ ни

звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала, а теперь гости пожаловали!“ Сейчасъ собрать войско великое, и дасть приказъ очистить свои луга заповѣдны. Идетъ славать несмѣтная; увидали могучіе богатыри, доложили про то названному старшему брату, а онъ имъ въ отвѣтъ: „ступайтека, перевѣдайтесь, а я посмотрю—какова ваша храбрость есть?“ Вотъ они сѣли на своихъ богатырскихъ коней, припустили ихъ на войско вражее, полетѣли, какъ ясные соколы на стадо голубей, пригоняли, прирубили всѣхъ до единого. Дѣло-то не ладно! думаетъ царь; опять собираетъ войско великое, чуть ни вдвое больше прежняго, а впереди всего войска посылаетъ славача-великана: голова что пивной котелъ, лобъ что твоя заслонка, а самъ что гора! Сѣлъ Оомка на свою клячу, выѣхалъ на встрѣчу и говоритъ великану: „ты—сильно-могучій богатырь, и я—таковъ-же! Ни честь, ни хвала будетъ намъ, добрымъ мѣлодцамъ, коли станемъ сражаться не поздоровавшись! Наперѣдъ надо другъ другу поклонъ отдать, а потомъ и въ бой вступать.“ — Ладно! отвѣчаетъ великанъ. Развѣхались они и стали кланяться. Пока великанъ наклонилъ свою голову, прошло полчаса времени; а другое полчаса надо, чтобъ поднять ее. Оома мать да ухать, не

захотѣлъ дожидаться, хватить косаремъ разь-другой, и полетѣла голова съ плечъ долой. Войско дрогнуло и разсыпалось въ разныя стороны; а Оома избрался на богатырскаго коня, давай нагонять да конемъ топтать. Нечего дѣлать, покорился царь; послалъ звать къ себѣ сильномогучаго богатыря Оому Беренникова и двухъ меньшихъ его братьевъ. Угостилъ ихъ, учествовалъ на славу, выдалъ за Оомку дочь свою царевну и далъ полцарство въ приданое.

Долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается—подступаетъ подъ то царство басурманской король съ силами несмѣтными, требуетъ дани-окуну великаго. Не захотѣлъ царь платить дани-окуну великаго, нарядилъ свое войско храброе, поставилъ зятя начальникомъ, и накрѣпко приказалъ, чтобы всѣ на Оомку смотрѣли: что онъ станетъ дѣлать, и они-бъ тоже дѣлали. Снялся Оомка и поѣхалъ сражаться. Ѣдетъ онъ лѣсомъ, войско за нимъ. Онъ срубилъ себѣ березку, и солдаты срубили себѣ по березкѣ. Приняли къ глубокой рѣкѣ—мосту нѣтъ, а обходу двѣсти вѣрствъ: Оомка бросилъ свою березку въ воду, и солдаты побросали свои туда-же, запрудили рѣку и перешли на другую сторону. Басурманской король засѣлъ въ

крѣпкомъ городѣ. Оомка остановился передъ тѣмъ городомъ, развелъ костѣръ, раздѣлся весь до-гола—сидитъ да грѣется; солдаты увидали, тотчасъ-же насбѣрали хворосту, нарубили полѣньевъ, и запалили костры по всему чистому полю. „Закусить' бы надо!“ сказалъ Оомка Беренниковъ, вытащилъ изъ сумки здобную лепешку и сталъ уписывать. Откуда ни возьмись—прибѣжала собака, вырвала лепешку и давай Богъ ноги! Оомка ухватилъ горячую головенку, и какъ былъ голый—такъ и пустился за нею: во всю прыть бѣжитъ да во все горло кричитъ: „держите! держите!“ Глядя на него, и солдаты сидѣли у огня голые, а тутъ повскакивали, похватали горячія головенки и побѣжали вслѣдъ за нимъ. Собака-то была королевская, бросилась прямо въ городъ да во дворецъ; Оомка за собакою, солдаты за Оомкою: все, чтò ни попадетъ подъ руку, жгутъ и палятъ безъ пощады. Поднялась въ городѣ суматоха; король не зналъ—чтò дѣлать съ испугу, сталъ просить замиренія.

XVIII.

Маленькой дитинушка, зелененькой. *)

было во славномъ во городѣ въ
Кіевѣ, у князя было у Влади-
мира, у его заводилось пиро-
ваньицѣ, токо цестѣнь-поце-
стенъ пиръ-отъ радоцѣнь (радо-
стенъ), и всѣ на пиру пани-
валисѣ, и всѣ на пиру наѣдалисѣ,
и всѣ на пиру порасхвасталисѣ. Глушой-ѣтъ
похваставъ доброй женой, разумной похва-
ставъ златой казной; и сидитъ тутъ маленькой
дитинушка, зелененькой, онъ похваставъ да
добрымъ конѣмъ. Тутъ и говоритъ князь
Владиміръ: „ежели у тебя такой конь, то
наложу на тебя службу: и съизди ты во
далецѣ-далецѣ, во чистыя во полночка, въ
угоморыця¹⁾ зеленыя, привези ты мнѣ
таково челоуѣка, що бы онъ зналъ думу
царскую, думу государскую“. Вотъ и пошли
всѣ по домамъ съ пиру веселово, и ди-
тинушка пошовъ домой и повиснѣвъ свою
буйную голову ниже могучихъ плещь. Отецъ
и мать его встрѣтили и такія рѣчи ему
говорили: „што-же наше цядо милое, дитя
любимое, всѣ идуть съ пиру веселые, а ты

¹⁾ Угоморыццо—заливныя луга.

идеши не веселъ, свою голову повисивъ? Онъ и говорить имъ таковы слова: какъ-жѣ мнѣ, батюшко и матушка веселитцѣ, на-кинувъ на меня князь службу не легкую—тяжолую: приказавъ мнѣ съиздѣть во далѣцѣ-далѣци, во полюшка во чистыя, во луга зеленые и найти таково челоуѣка, штобы знавъ думу цярскую, думу государскую“.

Обсѣдлавъ, обуздавъ своево добра коня и поѣхавъ маленькой дитинушка, зелененькой. Вотъ онъ сутки идетъ*), другія идетъ и третій идетъ—конь притомивсе и самъ йистъ захотѣвъ, и наѣхалъ онъ на рать силу великую и силу побитую, и столько силы побито, што цорному ворону въ сутки не облитить, а доброму молодцу на конѣ не объѣхать. И издивъ онъ въ этой силѣ и нашовъ живово целовѣка, у жива целовѣка онъ и спрашиваетъ: „кто это силу билъ и губивъ?“—„Это Иванъ русской богатырь!“—„За что онъ ее билъ и убивъ?“—„А за то онъ билъ и убивъ, што надоть (ему) у нашово короля женитцѣ, насильно взеть взамужество доць, она доброй волей нейдетъ за нево и отецъ не отдастъ; вотъ за то самое онъ силу и бьетъ“. Вотъ и поѣхавъ дитинушка отъ той силы проць, и сутки ѣхавъ, и другія ѣхавъ, и третіе ѣхавъ, и наѣхавъ на рать силу

*) Это слово понимать надо „ѣдетъ“.

великую, силу побитую; цорному ворону эту силу не облитите, доброму молодцу на конѣ въ сутки не объѣхати,—столько набито силы!

Вотъ онъ нашовъ опѣтъ жива целовѣка и спрашиваетъ жива целовѣка: „кто эту силу билъ и губивъ?“ Въ отвѣтъ, сказавъ живъ целовѣкъ, што эту силу билъ и губивъ Иванъ русскоіи богатырь“.—За што онъ се билъ и губивъ?—„А за то онъ бьетъ и губитъ, што надо у нашево короля неволей взять прекрасную королевну взамужество, она доброіи волей за сво неидетъ и отецъ не отдастъ“.

Вотъ опѣтъ маленькоіи дитинушка, зелененькоіи йдетъ сутки, другія и третіе, и наѣзжаетъ онъ на рать силу великую, силу побитую, и увидѣвъ въ цистомъ полѣ стоитъ бѣлополотноной шатѣръ, у этово шатра стоитъ столбъ, а у этово столба видитъ золотое кольцо, къ этому кольцу привязанъ доброіи конъ и разослана бѣлая повсть *) и надавано бѣлоярыя пшеницы. Маленькоіи дитинушка, зелененькоіи слезавъ съ добра коня и припущавъ къ одному корму, и отбивъ сво конъ Ивана русково богатыря коня отъ тово корму, и маленьково дитинушки конъ зоблѣтъ бѣлоярую пшеницу,

*) Повсть—скатанный изъ шерсти коверъ.

а Ивана руссково богатыря конь ходитъ по зеленымъ лужкамъ и щиплетъ травку зеленую. Заходявъ дитинушка во бѣлыя пшатеръ, во бѣломъ пшатрѣ Иванъ русской богатырь спитъ своимъ богатырскимъ сномъ, и увидявъ маленькой дитинушка зелененькой бочку бѣлодубову со пьянымъ питьёмъ, съ зеленымъ виномъ и на этой бочкѣ опружена*) цыпа золоцѣная, и на этой цыпѣ надпись надписана: „эта цыпа полтора ведра“; онъ первую цыпу нацѣживалъ, на похмельницѣ выкупивалъ, и другую цыпу нацѣживалъ, на здравьницѣ выкупивалъ, и третью цыпу нацѣживалъ—на безумьницѣ выкупивалъ, и вышло питья пол-пята ведра. И сталъ дитинушка пьянымъ хмельнѣть, и расколовъ онъ бочку бѣлодубову со пьянымъ питьёмъ, съ зеленымъ виномъ, и расшибъ онъ цыпу золоцѣную, и прибавъ онъ пригубивъ столы бѣлодубовы со ѣствами со сахарными и со напиткими пьяными, и расколовъ онъ икону Спасову, притушивъ свизи воску ярово, самъ спать повалисѣ.

Тутъ пробуждався Иванъ русской богатырь, самъ себѣ удивлетсѣ: што это такое за безумьницѣ наѣхало? припустивъ своево коня къ моему корму, расколовъ у меня бочку бѣлодубову со пьянымъ виномъ, ра-

*) Опружена—опрокинута, повернута вверхъ дномъ.

спибъ цяшу золоцѣную, пригубивъ столы бѣлодобовы съ ѣдою сахарнею и напитками пьяными, приколовъ всѣ иконы Спасовы и притушивъ свщи воску ярово, и зазнявъ*) онъ саблю вострую и ладитъ ему 'отсикци ево буйну голову, самъ да пораздумавсе: „сонново убить все одно, што мертвово, всяко отъ моихъ рукъ не уйдѣтъ“!..

И проснувсѣ тутъ маленькой дитиунка зелененькой и сѣвъ на постелюшку: „Ахъ, Иванъ русской богатырь! я теперь у тебя въ гостяхъ,—напой меня“... Тотъ на отвѣтъ ему сказалъ: „не стоишь ты меня, што я тебя стану поить“. „Какъ-жо не стою, по крайней мирѣ я у тебя гость“!—„Да ты таковъ гость, што въ цистомъ полѣ кость; ты нечево богатырь не стоишь“... А онъ ему сказавъ въ отвѣтъ таковы слова: „а ты въ своемъ шатрѣ богатырь, а въ цистомъ полѣ пѣсь“! И видитъ Иванъ, што невидимая бѣда наѣхала на бѣлъ-шатѣръ, и бралъ онъ цяшу и черпалъ воды и подноситъ ему напиться. Вотъ онѣ тутъ попили, поили, и пошли два богатыря въ цистое поле другъ у дружки силы пробовать.

И маленькій дитиунка зелененькій поѣхавъ ступью бредущею, Иванъ русской богатырь во всю прыть лошадиную, и разъ-

*) Зазнявъ—поднялъ, замахнулся.

ѣхались онѣ на одну версту, и съѣхались въ одно мѣсто и другъ дружку ударили, а больно не ранили, и разъѣхались онѣ на двѣ версты, и съѣхались опѣть въ одно мѣсто, другъ дружку ударили, а больно не ранили. Третій разъ онѣ разъѣхались на три версты, съѣхались въ одно мѣсто, и маленькій дитинушка зелененькій выпшибъ руссково богатыря изъ сѣдла вонъ и ево конь приступивъ Ивана руссково богатыря на досыпной ожерѣлокъ. Вотъ и говоритъ маленькой дитинушка зелененькой таковы слова: „подсоби Богъ заколотъ Ивана русскаго богатыря тупымъ концомъ (копья), а вострымъ и начинать нецево, и спрашиваль, у'ево: цево ты хоцѣшь, смерти али живота“?— „Ахъ, ты, говоритъ, маленькой дитинушко! у насъ съ тобой прежде брани не было и впредь больше не будетъ“. И слезавъ маленькой дитинушка, зелененькой со своего добра коня и бравъ за бѣлыя руки Ивана руссково богатыря, становилъ на свои рѣзвыя ноги, цѣловаль во уста во сахарнія, и назвались онѣ тутъ братьями, и маленькой дитинушка зелененькой большимъ братомъ, а Иванъ русской богатырь меньшимъ братомъ, и прѣзжаютъ онѣ во бѣлы шатеръ полотняной, и стали тутъ и пить, и йнсть, и веселитцѣ.

Вотъ и поѣхавъ Иванъ русской богатырь къ королю жонитсѣ и пригласивъ съ собою брата маленькова дитинушку зелененькова въ поѣздъ, и встрѣтивъ ихъ король, какъ добрыхъ людей, и тутъ онъ у ево пировали цѣлыя сѣтки. Вотъ Иванъ русской богатырь и жонивсе у этово короля, а маленькой дитинушка и спрашиваетъ короля; не знаетъ-ли онъ таково целовѣка, нгобы знавъ думу царскую, думу государскую? Король наповъ таково целовѣка изъ-подъ знамени, изъ-подъ красново, и этотъ целовѣкъ знаетъ думу царскую.

Маленькій дитинушка зелененькой бравъ этово целовѣка съ собою и привозитъ ко князю Владиміру. „Ну говоритъ Владиміръ, — ты мнѣ службу выслуживъ и дружбу удруживъ, и бери ты у меня за эту дружбу и городовъ и пригородковъ и разныхъ губернтъ“!.. Онъ не обзавидовавъ не цему, не городамъ, не пригородкамъ, не разнымъ губернямъ. Была у князя Владиміра красная доць, королевна, вотъ онъ и говоритъ Владиміру: „отдай ты ее взаимужество за меня, а подъ-послѣдъ смерти сдай ты мнѣ свое мѣсто.

Тутъ князь Владиміръ подписавсѣ, нго отдаю за ево доць, и подъ послѣдъ смерти сдавъ свое королевство зятю...

(Записана со словъ кр-на Астафія Матушкина изъ д. Горы въ Ширыхановѣ).

XIX.

Два брата и сестра.

или при озерѣ два брата. У нихъ была одна только сестра, и они, уходя куда-нибудь изъ дома, оставляли ей всегда и дровъ и воды, чтобы она не выходила изъ дому и чтобы, такимъ образомъ, кто-нибудь, увидавъ, не похитилъ ее. Разъ они пошли и почему-то не оставили ей ни дровъ, ни воды. Дѣвушка пошла на озеро за водой: изъ озера вышелъ человѣкъ, схватилъ ее и увлекъ къ себѣ. Братья воротились и увидели, что сестры нѣтъ. Пошли они къ озеру нашли лишь одно ведро, а сестры, сколько ни искали, найти не могли; они и кричали и звали ее, наконецъ сказали: „вѣрно утащили ее“. Имъ было жаль сестры и они стали думать, какъ-бы вернуть ее обратно къ себѣ. Они нарубили березовыхъ вѣтвей и сплели изъ него кольцами веревку; работали они такъ семь лѣтъ, и когда сдѣлали веревку, то одинъ изъ братьевъ (младшій) спустился по ней въ озеро; прежде чѣмъ спускаться, онъ сказаъ брату: „ты теперь меня спусти въ воду и до тѣхъ поръ не

тяни веревки обратно, пока я не начну дергать ее — тогда чи тяни.“ Спустившись черезъ воду до дна, онъ привязать веревку къ камню, а самъ пошелъ искать сестру. Прошелъ онъ не очень много—увидать избу. Онъ подошелъ къ ней и сказать: „избушка, повернись окошками къ лѣсу, а ко мнѣ дверью (пыртъ ергаль мятца ікіней, муу гарѣ мунне и сей“). Какъ только онъ это сказалъ, такъ избушка повернулась, и онъ увидать дверь. Отворить дверь, вошелъ въ избушку, видитъ въ ней сидитъ старуха. Старуха и говорить: „вотъ ко мнѣ мясо пришло.“ Онъ и говорить: „это мясо неводно—худо: я иду издалека, голодный и у меня только одно костье осталось. Лучше будь добра: скажи, не знаешь-ли моей сестры, кто ее сюда взять—вотъ уже восьмой годъ.“ „Я не знаю,—говоритъ старуха,—у меня есть меньшая сестра — она живетъ дальше — она скорѣе это знаетъ.“ Онъ и говорить: „какъ я ее могу найти?“ „Я тебѣ опаса (проводника) дамъ; а теперь пока, коли ты голоденъ, садись и ѣшь, и что дамъ, съѣшь все“. Она дала ему полсвиньи. Онъ съѣлъ и стать ѣсть, но всего съѣсть не могъ. У него было на рукѣ кольцо, онъ снялъ его и бросить на полъ—кольцо зазвѣнѣло; собака, бывшая въ избѣ, залаяла, и старуха

вышла на улицу посмотре́ть, нѣтъ-ли кого. Въ это время онъ мясо припряталъ подалѣе въ уголъ, и когда старуха воротилась, у него уже ничего не было. Она и спрашиваетъ: „Что, несужди все съѣсть?“ „Да, говоритъ, благодарю.“ „Ну вотъ возьми опаса,“ говоритъ старуха и дала ему клубокъ шерсти, „брось на землю, какъ выйдешь изъ избы: куда онъ покатится, туда и ты иди.“ Взялъ его, поблагодарилъ, простился и пошелъ. Бросилъ клубокъ, какъ ему велѣла старуха; онъ покатился; лопарь и пошелъ за нимъ. Пронелъ онъ довольно далеко и опять увидалъ избушку. Подошелъ къ ней и сказалъ то-же, что и передъ первой и она повернулась къ нему дверями. Зашелъ онъ въ избу и увидалъ женку среднихъ лѣтъ. Она языкомъ своимъ подметала полъ, а руками изъ печки безъ всякой лопаты тянула хлѣбы. Увидя его женка сказала: „вотъ ко мнѣ и мясо идетъ.“ „Отъ мяса, тетушка, говоритъ онъ, сыта не будешь; я чуть съ голода не умеръ, да благодарень твоей сестрѣ—накормила меня, вотъ и дошелъ такъ, а нѣтъ на дорогѣ-бы умеръ. Ты лучше скажи мнѣ, не знаешь-ли моей сестры? Ее кто-то взялъ, вотъ уже восьмой годъ.“ Женка посмотре́ла на него и говоритъ: „такъ и быть, помогу тебѣ:

вотъ, возьми этотъ клубокъ шерсти, брось его на улицѣ, и куда онъ покатится, туда и ты иди. Ты придешь съ нимъ къ моей старшей сестрѣ; вотъ у ней-то и можешь узнать про свою сестру.“ Поблагодарилъ ее лопарь и пошелъ куда клубокъ повелъ. Дошелъ онъ до третьей избушки. Опять сказалъ: „избушка, повернись къ лѣсу окнами, а ко мнѣ дверьми.“ Она повернулась, онъ вошелъ въ избу: видитъ сидитъ старая, престарая старуха. Онъ поздоровался и поклонился ей. Старуха на это ничего не отвѣтила, а сказала: „вотъ ко мнѣ мясо само пришло.“ „Бабушка, мое мясо не годно. Едва я въ дальней дорогѣ не умеръ, да накормила меня твоя сестра; вотъ благодаря ей и другой твоей сестрѣ я и пришелъ сюда. Будь лучше добра ко мнѣ; скажи, не знаешь-ли, гдѣ моя сестра живетъ, у кого: ее взялъ кто-то, вотъ уже восьмой годъ.“ „Ну ты голодный, говоритъ старуха, сядишь-же сперва ѣшь и положила ему пол-свинны. Какъ все съѣшь, скажу гдѣ твоя сестра и дамъ тебѣ опаса.“ Съѣлъ лопарь и сталъ ѣсть. Увидѣлъ опять, что всего ему не съѣсть. Снялъ съ пальца кольцо, опустилъ его на полъ; оно зазвенѣло, и собака залаяла. Старуха вышла посмотреть, нѣтъ-ли кого, а онъ въ это время остатки припрят-

таль. Вернулась старуха: видитъ что ничего нѣтъ и говоритъ: „Ну, что все съѣлъ?“ „Все, говоритъ, благодарю.“ Ложись теперь и отдохни, а завтра поѣдешь къ сестрѣ. Онъ легъ и заснулъ. Проснулся уже утромъ. Старуха ему, и говоритъ: „иди теперь направо отъ избы: тамъ увидишь лошадей; которую первую увидишь, на той и поѣзжай къ сестрѣ.“ Онъ пошелъ и не далеко отъ избышки увидалъ лошадь очень маленькую, мало и похожую на лошадь. Онъ схватилъ было ее, посмотрѣлъ и подумалъ: „далеко-ли на ней уѣду: ее саму нужно тянуть, да старуха велѣла — поведу.“ Лошадь зауямилась, и онъ отпустилъ ее. Въ это-же время онъ увидалъ и другую большую лошадь; она ему понравилась; схватилъ ее и повелъ къ избѣ. Привелъ и вошелъ въ избу. Старуха и спрашиваетъ: „что привелъ?“ „Привелъ,“ говоритъ. Она вышла посмотреть и когда увидала перваго большаго коня спросила: „Этого-то ты взялъ, развѣ онъ первый тебѣ попался?“ „Нѣтъ, говоритъ, первый маленькій: онъ мнѣ не понравился. Куда я на немъ поѣду — самому нужно будетъ тянуть его, да онъ еще и зауямился, я и спустилъ его. Этого увидалъ и взялъ.“ „Взялъ, теперь дѣла пока не поправитъ. Поѣзжай, но не быть тебѣ живому.“ Съѣлъ

онъ на коня и поѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени увидалъ онъ избу; около избы играютъ три парня. Ребята и закричали: „мать, дядя ѣдетъ, дядя!“ Она и кричитъ имъ изъ избы: „откуда вы взяли дядю? Сюда мало кто отъ насъ прѣзжаетъ.“ Посмотрѣла однако въ окно и увидала брата. Вышла на встрѣчу ему, поздоровалась, позвала въ избу. Дала ему поскорѣй поѣсть и говоритъ: „ѣшь скорѣй и поѣзжай, иначе мой мужъ тебя убьетъ.“ Онъ поѣлъ и поѣхалъ обратно. Стало-стало, мужъ сестры, вскорѣ послѣ его отъѣзда вернулся домой. Дѣти и говорятъ ему: „у насъ здѣсь дядя былъ.“ „Какой дядя?“ „Матери братъ.“ Онъ сейчасъ у жены спросилъ: „давно-ли онъ уѣхалъ?“ Дѣти и закричали: „недавно.“ „А какой конь былъ и чей?“ „Конь былъ старухинъ, на которомъ она возитъ воду.“ „Ну, этотъ ничего не стоитъ.“ Сказавъ это, онъ сейчасъ-же побѣжалъ, догналъ лопаря и убилъ его. Послѣ этого онъ пришелъ домой, а лошадь старухина къ ней прибѣжала. Старуха увидавъ коня, отправилась искать лопаря и нашла его; она сломала три свѣжихъ березовыхъ прута, ударила ими по лопарю—онъ пошевелился; ударила другой разъ—онъ сѣлъ; ударила третій разъ—онъ всталъ на ноги и говоритъ: „какъ я долго

спать.“ „Да еще дольше-бы спать и вовсе-бы даже не встать, если-бы не-я. Поидемъ теперь ко мнѣ: тамъ дѣло какъ нибудь поправимъ.“ Принли къ старухѣ: она опять послала его за лошадыю и посовѣтовала ему взять маленькую. Онъ опять схватилъ маленькаго коня, но тотъ заупрямился, и онъ увидалъ бѣлаго больнаго коня, отпустилъ маленькаго и привелъ бѣлаго. Старуха вышла, увидала, что онъ привелъ не маленькаго коня, опять сказала ему: „не будешь ты жить и на этомъ конѣ.“ Онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ; пріѣхалъ къ дому сестры; ребята опять закричали матери: „дядя ѣдетъ, дядя.“ „Какой дядя, ваиъ отецъ убилъ его. Дядя больше не пріѣдетъ.“ Посмотрѣла въ окно, увидала брата. Накормила его поскорѣй и приказала скорѣе уѣзжать. Какъ только онъ уѣхалъ, пришелъ Сталло-сталь; дѣти опять сказали ему; „у насъ дядя былъ.“ „Какой дядя былъ?“ „Да тотъ-же самый, который вчера былъ.“ „Давно-ли онъ былъ и на какомъ конѣ пріѣзжалъ?“ „Конь былъ бабкинъ, на которомъ она дрова возитъ.“ Побѣжалъ, догналъ лопаря, убилъ его и пришелъ домой, а лошадь опять прибѣжала къ старухѣ. Старуха отыскала лопаря, ударила его три раза березовыми прутьями: послѣ третьяго удара онъ всталъ и говоритъ:

„долго я проспалъ опять.“ „Да спалъ-бы и еще, если-бы не я.“ Онъ поблагодарилъ ее и они вмѣстѣ вернулись; она опять послала его за лошадью и приказала ему взять непременно маленькаго коня, „а иначе тебѣ никакой помощи не будетъ отъ меня.“ Лошарь пошелъ и привелъ маленькую лошадь. Старуха вышла, посмотрѣла и сказала: „вотъ давно-бы такъ сдѣлать, тогда и сестра была-бы уже у тебя.“ Она дала ему еще двѣ собаки и приказала бросить имъ, когда поѣдетъ обратно, два хлѣба; а собакъ онъ долженъ былъ оставить на подорожѣ. Лошарь сѣлъ на лошадь и поѣхалъ; собаки за нимъ побѣжали; на подорожѣ онъ ихъ оставилъ. Пріѣхалъ къ дому сестры; ребята опять закричали: „дядя ѣдетъ дядя.“ „Какой дядя: отецъ вѣдь убилъ его; развѣ онъ самъ ѣдетъ.“ Посмотрѣла въ окно, увидѣла брата, привела его въ избу, накормила и приказала ѣхать скорѣй обратно; въ противномъ случаѣ ни ему, ни ей не остаться въ живыхъ. Онъ уѣхалъ; тотчасъ по уходѣ его пришелъ Сталло-сталъ. Дети опять закричали: „у насъ дядя былъ.“ Онъ посмотрѣлъ на нихъ сердито и спросилъ: „Давно-ли?“ „Недавно.“ „А на какомъ конѣ онъ пріѣзжалъ?“ „Конь у него былъ бабкинъ и очень маленькій.“ „Какой?“ „Очень, очень маленькій.“ „Ну,

и я, этого коня, должно быть не знаю.“ Онъ побѣжалъ въ погоню. Лопарь на маленькой лошади скачетъ словно птица, но Сталло-сталъ началъ его понемногу догонять и закричалъ ему: „Подожди, вмѣстѣ поѣдемъ!“ Тотъ немного подождать, а какъ только Сталло-сталъ приближался, гналъ еще скорѣе. Такъ онъ дѣлалъ до трехъ разъ. Наконецъ доѣхалъ и до мѣста, гдѣ онъ оставилъ собакъ; одна стоитъ на одной сторонѣ дороги, другая на — другой. Бросилъ онъ имъ хлѣба, тѣ схватили и съѣли. Добѣжалъ до нихъ Сталло-сталъ; собаки схватили его, разорвали на двѣ части и стали его ѣсть. Лопарь повернулъ и поѣхалъ обратно къ сестрѣ. Ребята опять закричали: „дядя ѣдетъ, дядя?“ Мать на нихъ заворчала; „ѣдетъ отецъ“ говоритъ, а вы меня дразните.“ Посмотрѣла въ окно, увидала брата и удивилась. Онъ вошелъ въ избу и говоритъ: „довольно тебѣ мучиться; собирайся и поѣдемъ домой.“ Положила она всѣ свои пожитки въ ящикъ, — тѣ пожитки которые получше, а что похуже было, то оставила. Дѣтей рѣшили убить. Убили двухъ, а третій — старшій — сказалъ: „не убивайте меня, возьмите съ собой: я пригожусь вамъ.“ Его оставили въ живыхъ и всѣ втроемъ поѣхали. Доѣхали до старухи, отдали ей коня и пошли пѣшкомъ

домой. Шли они долго, наконецъ дошли до озера. Нужно было его переѣхать, потому, что обходить было далеко. Стали искать, на чемъ бы переѣхать и увидали желѣзный карбасъ, полный водою. Сынъ и сказалъ: „у меня прежде отецъ поднимать карбасъ немного къ верху и вода убѣгала.“ Лопарь взялъ карбасъ за корму, а племянникъ его за носъ: немного приподняли карбасъ и воды не стало. Сѣли въ карбасъ, переѣхали черезъ озеро и пошли дальше. Черезъ нѣсколько времени пришли къ рѣкѣ, гдѣ карбаса не было; они не знали, какъ переправиться. Сынъ. Сталю-стала опять сказалъ: „у меня отецъ былъ, такъ онъ вырубилъ двѣ чурки—бревна, поставилъ ихъ на край рѣки и спустилъ. Онъ и падуть другимъ концемъ на другую сторону; по нимъ онъ и переходилъ.“ Сдѣлали такъ и перешли. Наконецъ дошли они до веревки. Лопарь отвязалъ ее отъ камня; привязалъ къ веревкѣ сестру, потомъ ящикъ, потомъ себя, потомъ парня. Стали за веревку дергать и ихъ потянули на верхъ. Вытянулъ старшій братъ сперва сестру и спросилъ у ней: „кто тамъ еще?“ „Ящикъ.“ Вытянулъ и ящикъ: взяли и его. „Еще кто?“ „Братъ.“ Вытянулъ и его. „А тамъ еще кто?“ „Сынъ сестры.“ „Нѣтъ его не надо, это родъ Сталю-стала

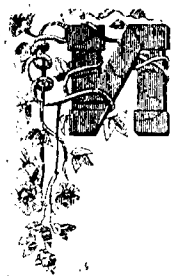
и можетъ намъ вредъ принести.“ Веревку перерѣзали и онъ пошелъ ко дну. Братъ съ сестрой зажили очень хорошо, и она рада была, что избавилась отъ сына, такъ какъ онъ ее часто билъ.

Сынъ, оставшись подъ землею пошелъ куда глаза глядятъ. Шелъ онъ, шелъ, увидалъ оленей. Подошелъ къ нимъ, сталъ звать людей, но никого не было; сталъ смотрѣть—увидѣлъ кережу. Онъ схватилъ оленя, запрегъ его въ кережу и поѣхалъ не правя. Олень ѣхалъ, ѣхалъ и на встрѣчу сыну. Сталло-стала попался человѣкъ; человѣкъ этотъ и спросилъ: „куда ты поѣхалъ.“ „Самъ не знаю куда,“ говоритъ и рассказываетъ, какъ онъ нашелъ оленей и поѣхалъ. Человѣкъ удивился этому и сталъ звать его къ себѣ въ работники. Онъ согласился, „для меня все равно жить: гдѣ нибудь да надобно.“ Поѣхали они вдвоемъ въ кережѣ; ѣхали долго—наконецъ увидали, что ѣдетъ лопарь. Остановились и стали разговаривать. Лопарь оказался младшимъ братомъ спасенной сестры; онъ узналъ парня, а тотъ не узналъ его. Лопарь и сталъ просить этого человѣка, чтобы онъ уступилъ ему парня въ работники. Тотъ и говоритъ: „я взялъ его не оттого, что мнѣ нуженъ, а потому что ему все равно гдѣ жить, лишь бы у мѣста.“

Вотъ парень и поѣхалъ съ нимъ. Приѣхали домой и парень узналъ свою мать. Съ нимъ съ виду обходились хорошо, но въ дѣйствительности братьямъ хотѣлось его убить. Такъ имъ убить его не хотѣлось и они рѣшили убить его, когда будутъ рубить лѣсъ: „тогда сдѣлаемъ такъ, чтобы дерево на него упало и убило его.“ Они такъ и сдѣлали; дерево упало и убило парня: они тутъ его и похоронили. Послѣ этого одинъ изъ братьевъ ушелъ домой, а другой въ кегоры. Тамъ ему встрѣтились три человека, въ бѣлыхъ одеждахъ и спросили его: „у васъ, мы слышали есть парень, гдѣ онъ?“ „Онъ сегодня убитъ: на него упало дерево.“ „Жаль его, говорятъ, а мы хотѣли взять его къ себѣ въ работники. Теперь же его нѣтъ—нечего и дѣлать. Намъ теперь идти больше не хочется, а не данъ ли ты намъ трехъ быковъ-оленей, мы и поѣдемъ сами. Оленей потомъ спустимъ: они прибѣгутъ.“ Онъ на радостяхъ, что избавился отъ парня, далъ имъ оленей; они и сказали: ты не будешь расканиваться, что далъ намъ оленей: у васъ будетъ вдвое больше оленей, и всѣ будутъ здоровы.“ Они уѣхали; олени вскорѣ прибѣжали назадъ. Братья послѣ этого зажили хорошо и богато и были счастливы.“
(Архангельской губ. Кольскаго уѣзда изъ быта русскихъ лопарей. П. Харузина).

XX.

Илья Муромецъ.

Мѣзъ-за лѣсу, лѣсу было темново, мѣзъ-за темново дремуцево, не туця-ли тамъ затуццлась, не туманѣ-ли затуманивсѣ. Поднимаютѣ тамъ злодій Калинъ цярѣ на Кіевъ градъ, за нимъ было сорокъ цярей цярвицей, сорокъ королевѣ королевичей, и за каждымъ цяремъ цярвицѣмъ и за каждымъ королемъ королевичѣмъ было силы за ними по сорока тысяцей; за самимъ злодіемъ Калиномъ цяремъ было силы три тмы и три тысеци. Подонли онѣ подъ Кіевъ градъ и обстали кругомъ Кіева, и злодій Калинъ цярѣ въ первой день ходивъ до вечера, перву ноцъ до бѣла свѣта и выкликавъ сибѣ такова целовѣка, што-бы знавъ говорить по русски и тавмацить по татарски. И другой день ходивъ до вечера, и другую ноцъ ходивъ до бѣла свѣта и выкликавъ такова целовѣка, што-бы знавъ говорить по русски и товмацить по татарски. И третій день ходивъ до вечера, третью ноцъ ходивъ до бѣла свѣта и выкликавъ такова целовѣка, што-бы

знавъ говорить по русски и товмацить по татарски. И наповсѣ такой целовѣкъ, што знаетъ говорить по русски и товмацить по татарски, и онъ ему наказъ наказывалъ: „пойди-жо ты во Кіевъ градъ, иди прямо ко князю Владиміру во свѣтлую свѣтлицу и во столовую горницу, и гдѣ-ка опочиваетъ князь Владиміръ, и не снймай съ себя шапки соболыныя и не крести своею бѣлою лица, и говори ты снимъ таковы слова не съ унадкою: „ахъ, ты князь Владиміръ! мы къ тебѣ пришли не въ гость гостить, ты отдай намъ Кіевъ градъ безъ бою, безъ драки и безъ большово проволитія“...

Повѣсивъ князь Владиміръ свою буйну голову ниже могущихъ плечь. У ево была жона Апраксія, у ево она сирашивала: „што-жо ты, мой возлюбленной мужъ, повѣсивъ свою буйну голову ниже своихъ могущихъ плечь?“*). — „Да, говоритъ, жона моя Апраксія! какъ мнѣ своя голова не повѣсится: проситъ злодій Калинъ царь Кіевъ градъ отдать безъ бою, безъ драки, безъ большово кроволитія?..“ Говорила тутъ ему жона ево

*) Желая быть точнымъ, мы удерживаемъ буквально мѣстный выговоръ, по которому мужчины въ Шприхановѣ придерживаются болѣе или менѣе вблогоедскаго говора, а женщины — олонецкаго, съ преобладающимъ звукомъ „ц“ напр. слово „что“ мужчины всегда выражаютъ „што“ а женщины „цто“ Но и у мужчинъ болѣе слышится „ц“ нежели „ч“, и кромѣ того вмѣсто твердаго знака, часто употребляется мягкій „б“, вмѣсто „а“ — „я“.

Апраксія: „есть у насъ въ глубокомъ погребу сильной могучей богатырь Илья Муромецъ, возьми ты тарелки золотѣныя, на эти тарелки насыпни золота и серебра и драгоцѣнново каменья; набери съ собою куницъ и лисицъ и драгоцѣнныхъ соболей, и принеси ты ему покорность и говори такovy слова: Ты прими отъ меня сильной могучей богатырь, Илья Муромецъ, богатой подарокъ и выйди ты на бѣлы свѣтъ изъ глубоково погреба и постой ты за церкви соборныя, за души младенческія, за вѣру христіанскую!..“ Тутъ выходилъ Илья Муромецъ изъ глубоково погреба и кричавъ онъ своимъ богатырскимъ голосомъ, свиставъ молодецкимъ пѣсвистомъ своево доброво коня; и бѣжитъ ево доброй конь наступцвой, не потерявъ онъ войлоцка косящатово, не потерявъ онъ спѣлышка черкассково, не потерявъ онъ и конья довгомырново, не потерявъ онъ и палочки воинскія, богатырскія... Садивсе Илья Муромецъ на своево доброво коня, поѣзжавъ во зеленыя луга и гдѣ-ка живъ тамъ злодій Калинъ царь. Ъхавъ-поѣхавъ и самъ sibѣ подраздумавсе „што-ѣко я поѣхавъ на рать силу великую, силу не побитую, а не у ково не попросивъ благословенья?“

Въ цистомъ полѣ живеть у ево дядюшка

Самсонъ Қолывановиць, прїѣзжасть онъ къ этому дядюнкѣ и дядюнка обрадѣвъ своему племяннику и спрашиваетъ его: „куда-жо ты, племяннищекъ, поѣхавъ?“—„Есть, говоритъ, дядюнка нашовъ на Кіевъ градъ Калинь царь за нимъ 40 царей, царицей, 40 королей, королевей, за каждымъ царемъ царицею, за каждымъ королемъ королевцею силы по сороку тысящей, за самимъ злодѣемъ Калиномъ царемъ силы три тмы и три тысящи, и лагу я постою за церкви соборныя, за души младенскія и за вѣру христіанскую. Говоритъ ему тутъ Самсонъ Қолывановиць: „ну племяннищекъ, ты съѣзди по завтракай, а меня оставлеи пообѣдать“; и даетъ ему другой лукъ и стрѣлку каленую, и говоритъ, наказъ наказываетъ: „если обовладѣсть тебя сила поганая и возьмутъ тебя во полонъ, ты натгивай тугой лукъ и накладывай стрѣлу каленую и стрѣль приговаривай: „полети-жо ты, каленая стрѣла, не пади-жо ты не на воды, не на землю, пади ты Самсону Қолывановичу на бѣль шатеръ полотняной и спиши маковку золотеную!“

Прїѣзжасть Илья Муромецъ во чистое полешко въ силу великую, силу непобитую; куды пройдетъ—тутъ уллиця, куды на добромъ конѣ поворотитъ—тутъ площадь, и

видить тутъ злодій Калниъ царь, што съ этимъ богатыремъ нечесо не подѣлать. Приказываетъ (Калниъ царь) своей силѣ копать перекопи глубокія и ставить конья вострыя; и вскочивъ сво доброй конь, Ильи Муромця, черезъ одну перекопъ, изколовсѣ весь, и взяли тутъ Илью Муромця во полонъ... Натягивалъ Илья Муромецъ тугой лукъ, накладывалъ стрѣлу каленую и стрѣлъ приговаривалъ: „полети стрѣла каленая, не пади ты не на воду, не на землю, а пади моему дядюнѣ Самсону Колывановичу на бѣлъ шатеръ полотняной и спибн ты съ бѣла шатра маковку золоцѣную“...

И догодавсе тутъ сво дядюнѣ Самсонъ Колывановицъ, што племянникъ во полонъ взять, Илья Муромецъ. Вотъ онъ (Самсонъ Колывановицъ) осѣдлавъ, обуздавъ своево доброво коня и поѣхавъ въ цѣстое поле ко злодію Калниу царю и сталъ онъ поѣзживать, своево племянника выруцивать. Куды проидеть—улиця, куды поворотитсе—площадь; столько стало валитсе нецѣсти поганые. Вотъ онъ приломавъ свое копѣе довгомѣрное, изломавъ свою палотцку воинскую, богатырскую,—воевать болыне стало нецѣмъ; и схвати онъ тутъ татарина: „ахъ, говоритъ, какое мнѣ попало побойнцѣ*), гнетсе — не

*) Побойнцѣ—орудіе, въ данномъ случаѣ человекъ служить орудіемъ Самсону Колывановичу.

домитце, по суставамъ не сорветце“... И прибилъ онъ тутъ у злодія Кѣлина царя всю силу, и злодія Кѣлина царя взявъ въ полонъ, и съ живою кожу снелъ и выручивъ своево племянника Илью Муромца.

А. Шустиковъ.

XXI.

Дурень. *)

А жилъ былъ Дурень,
А жилъ былъ Бабнѣ;
Вздумалъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши Дурень
Версту другу,
Напелъ онъ Дурень
Двѣ избы пусты,
Въ третей людей нѣтъ;
Заглянетъ въ подполье,
Въ подпольѣ черти
Востроголовы,
Глаза что часы,
Усы что вилы,

*) Древнія Россійскія стихотворенія собр. Киршею Даниловымъ.

Руки что грабли,—
Въ карты играють,
Костью бросаютъ,
Деньги считаютъ,
Груды переводятъ;
Онъ имъ молвилъ:
„Богъ вамъ въ помочъ
Добрымъ людямъ.“
А черти не любятъ,
Схватили Дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его Дурня
Жива отпустили.
Пришедши Дурень
Домой-то плачетъ,
Голосомъ воетъ;
А мать бранитъ,
Жена избиваетъ.
Сестра-то также:
„Ты глупой дурень,
Неразумной Бабинь!
То же бы ты слово,
Не также бы молвилъ;
А ты бы молвилъ:
Будь врагъ проклятъ
Именемъ Господнимъ,
Во вѣки вѣковъ, аминь
Чертибъ убѣжали,

Тебѣ бы Дурьюю
Деньги достались
Вмѣсто кладу.“
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

*

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидѣлъ Дурень
Четырехъ братьевъ—
Ячмень молотятъ,
Онъ имъ молвилъ:
„Будь врагъ проклятъ
Именемъ Господнимъ.“
Бросилися къ Дурьюю
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали его колотити—
Едва его Дурья
Жива отпустили.
Пришедши Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ;

А мать бранити,
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
„А глупой Дурень,
Неразумной Бабинь!
Тоже бы ты слово,
Не также бы молвить—
Ты бы молвить
Четыремъ братамъ,
Крестьянскимъ дѣтямъ:
„Дай вамъ Боже!
По сту на день,
По тысящѣ на недѣлю.“
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

*

Пошелъ же Дурень,
Пошелъ же Бабинъ,
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидѣлъ Дурень
Семь братьевъ,
Мать хоронятъ,
Отца поминаютъ,
Всѣ тутъ плачутъ,

Голосомъ, воють;
Онъ имъ' молвилъ:
„Богъ вамъ въ помощь
Семь васъ братьевъ!
Мать хоронити,
Отца поминати,—
Дай Господь Богъ вамъ
По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю.“
Схватили его Дурня
Семь-то братьевъ,
Зачали его бити,
По землѣ таскати,
Въ валяти,—
Едва его Дурня
Жива отпустили.
Идетъ-то Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ;
Мать бранити
Жена пѣвнати,
Сестра-то также:
„А глупой Дурень,
Неразумной Бабинь!
Тоже бы ты слово,
Не также бы молвилъ,
Ты бы молвилъ: прости!
Боже благослови!
Дай Боже имъ

Царство небесное,
Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ!
Тебя бы Дурья
Блинами накормили,
Кутьей напечали.“
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду.

✱

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Встрѣчу ему свадьба,
Онъ имъ молвилъ „прости!
Боже благослови!
Дай вамъ Господь Богъ
Царство небесное,
Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ!“
Наѣхали дружки,
Наѣхали бояра,
Стали Дурья
Плетьми стегати,
По ушамъ хлестати.

Пошелъ, заплакалъ.
Идетъ да воетъ;
Мать его браинти,
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
„Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабинтъ!
Тоже бы слово,
Не также бы молвилъ,
Ты бы молвилъ:
Дай Господь Богъ,
Новобрачному Князю
Сужено поняти,
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Законъ Божій пріяти,
Любовно жити,
Дѣтей сводити!“
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

*

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Встрѣчу Дуренью
Идетъ старецъ,
Онъ ему молвилъ:
„Дай Господь Богъ
Тебѣ же старцу

Сужено понятн,
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Любовно жити,
Дѣтей сводити!“
Бросился старецъ,
Схваталъ его Дурья,
Сталъ его бити,
Костылемъ коверкать—
И костыль изломалъ весь;
Не жаль старцу дурака-то,
Но жаль ему старцу костыля-то.
Идетъ-то Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ,
Матери расскажетъ;
Мать его бранити,
Жена журити,
Сестра-то также:
„Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
Тождь бы ты слово,
Не также бы молвилъ,
Ты бы молвилъ:
Благослови меня отче
Святой Игумень!
А самъ бы мимо.“
Добро ты баба
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,

Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Впредъ таковъ не буду!

*

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Въ лѣсу ходити.
Увидѣлъ Дурень
Медвѣдя за сосной;
Кочку роетъ,
Корову коверкать;
Онъ ему молвилъ:
„Благослови мя отче
Святой Игумень!
А отъ тебя духъ дурень.“
Схваталъ его медвѣдь-атъ,
Зачалъ драти,
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И выѣлъ;
Едва его Дурня
Жива оставилъ.
Пришедши Дурень
Домой-то плачетъ,
Голосомъ воетъ,
Матери расскажетъ;
Мать его бранити
Жена пѣняти,
Сестра-то также:

„Ты глухой Дурень,
Неразумной Бабинты!
Тоже бы слово,
Не также бы молвить
Ты бы заускалъ,
Ты бы загайкалъ
Ты бы заулюкалъ.“
Добро ты баба,
Баба Бабуриха!
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

*

Пошелъ же Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будетъ Дурень
Въ чистомъ полѣ,
Встрѣчу Дурню
Шишковъ Полковникъ;
Онъ заускалъ,
Онъ загайкалъ,
Онъ заулюкалъ,—
Наѣхали на Дурня
Солдаты,
Набѣжали драгуны,
Стали Дурня бити,

Стали колотити.
Тутъ ему Дурьюю
Голову сломили,
И подъ кокору
Бросили.
Тутъ ему Дурьюю
И смерть случилась.

XXII.

Какъ мужикъ ходилъ къ солнцу *).

Онъ, былъ мужикъ. Онъ бѣдно жилъ. Онъ думалъ, какъ-бы къ солнцу попасть. Онъ пошелъ, шелъ, шелъ нѣсколько дней пришелъ къ путасъ (глубокое мѣсто рѣки, гдѣ нельзя перейти въ бродъ); черезъ рѣку китъ высохъ, будто дорога, будто мостъ черезъ рѣку; по китовой спинѣ ходитъ народъ; преобладающая дорога, словно улица. Онъ пошелъ по спинѣ кита. Китъ и спрашиваетъ: „куда ты, хорошій человѣкъ, пошелъ попадать?“ Онъ отвѣчаетъ: „къ солнцу пошелъ попадать.“ Китъ говоритъ: „когда придешь къ солнцу, спроси, за какіе

*) Ст. русскіе лопари. Н. Харузина, стр. 463.

грѣхи я высохъ и не могу выйти.“ Онъ шелъ, шелъ опять—видитъ двѣ жонки изъ проруби воду черпають у озера. Спрашиваютъ: „хорошій человѣкъ, куда ты пошелъ попадать?“ Онъ отвѣчаетъ, къ солнцу иду попадать.“ Онѣ и говорятъ: „когда придешь къ солнцу, спроси, за какіе грѣхи мы черпаемъ третій годъ, а изъ проруби воды не убавляется, ни прибавляется.“ Онъ пошелъ; шелъ, шелъ нѣсколько дней; попадаетъ въ избушку; въ той избушкѣ старикъ со старухой живутъ, тоже 3-й годъ. Спрашиваютъ его: „куда ты, хорошій человѣкъ, пошелъ попадать?“ Онъ отвѣчаетъ: къ солнцу иду попадать.“ Они и говорятъ: „спроси у солнца, за какіе грѣхи мы 3-й годъ живемъ: ни ѣсть, ни пить нечего.“ Шелъ, шелъ, пришелъ на берегъ; пришелъ къ рѣкѣ; тамъ старикъ постоянно на карбасѣ ѣздитъ, перевозитъ; старикъ старый, волоса сѣдые, длинные, борода бѣлая. Старикъ спрашиваетъ: „куда ты хорошій человѣкъ, идешь попадать!“ Онъ отвѣчаетъ: „къ солнцу иду попадать.“ Старикъ карбасъ (лодку) повернулъ кормой къ берегу; мужилъ сѣлъ. Старикъ говоритъ: „тяжело мнѣ порато (очень) перевозить порато тяжело; придешь къ солнцу, спроси за какіе грѣхи я перевожу.“ Опять шелъ, шелъ—пришелъ къ лѣсу! въ

лѣсу избушка; въ той избушкѣ дѣвочка, маленькая (7—8 лѣтъ) живетъ, у дѣвочки груди большія, больше ея. Она и спрашиваетъ: „куда ты, хорошій человѣкъ, идешь попать.“ Онъ говоритъ „къ солнцу иду попать.“ Она башо истончила; напоила, накормила его. Онъ ее спрашиваетъ: „нѣтъ-ли подводы какой?“ А она дала палочку и говоритъ: „куда эта палочка идетъ, туда ты вслѣдъ иди.“ Онъ шелъ по палочкѣ: куда палочка, туда и онъ. Онъ шелъ, шелъ, палочка и пришла къ избушкѣ и назадъ поѣхала. Въ той избушкѣ дѣвушка (большая) сидитъ: на лѣвомъ боку платья нѣтъ — совсѣмъ голо. Она спрашиваетъ: „куда ты, хорошій человѣкъ, идешь попать?“ онъ говоритъ: „къ солнцу иду попать.“ Она накормила его, а онъ говоритъ: „не дань-ли ты мнѣ подводу?“ а она дала лошадь: „куда лошадь идетъ, ты туда иди, и сани дала. Онъ шелъ, шелъ, пришелъ къ избушкѣ. Онъ остался, а лошадь сама поѣхала назадъ. Въ избушкѣ старушка живетъ; у старушки груди большія. Она спрашиваетъ: „куда ты...?“ онъ говоритъ: „къ солнцу иду попать; нѣтъ-ли подводы, не знаю куда къ солнцу идти.“ А она говоритъ: „будетъ первая избушка, тамъ солнцева мать (пейвѣ-іэнъ) живетъ.“ Старуха дала клубокъ му-

жику: „куда клубъ идетъ, туда и ты иди.“ Клубъ шелъ, шелъ, пришелъ къ избушкѣ. Избушка снаружи серебряная, внутри золотая. Клубъ этотъ по дорогѣ назадъ пошелъ. Онъ пришелъ въ избу, тамъ женщина не очень старая, ходитъ, красивая: волосы растрепаны, на правомъ боку голая, только какъ жаръ горитъ правый бокъ. Она спрашиваетъ: „куда ты...?“ Онъ отвѣчаетъ: „къ солнцу иду попадать.“ Она какъ схватитъ его за руку и говоритъ: „пойдемъ, посмотримъ со мной, каково солнце.“ Она вела его, вела, пришла въ темную комнату, нигдѣ свѣта нѣтъ; она ушла. Онъ тамъ сидѣлъ, сидѣлъ, потомъ свѣтло сдѣлалось, солнце запекло, жарко такъ. Потомъ вдругъ темно опять сдѣлалось. Какъ темно сдѣлалось, идетъ эта жонка, за руку мужика взяла и повела опять въ свою избу. Привела избу и спрашиваетъ: „видѣлъ-ли ты солнце?“ Онъ отвѣчаетъ: „я видѣлъ.“ Она ему свою грудь показываетъ: „видишь, я солнцева мать, какая у меня грудь горячая.“ Онъ пощупалъ—горячая, горячая, Она ему дала золота, серебра много. Потомъ онъ сталъ рассказывать: „кто эти женщины, которыя мнѣ давали поводы?“ „Кто эта старушка, что мнѣ дала клубъ?“ — „Это мнѣ старшая дочь.“ „Кто эта, которая мнѣ

лошадь дала?“— „Это мнѣ средняя дочь.“— „Кто эта, которая мнѣ палочку дала?“— „Это мнѣ младшая дочь.“ „За какіе грѣхи, говоритъ, старикъ поставленъ перевозить, вѣдь ему тяжело.“ Она говоритъ: „старикъ посаженъ за то, зачѣмъ онъ кормой на берегъ пристаеъ: это грѣхъ непростительный.“ — „Еще, говоритъ, старикъ со старухой живутъ 3-й годъ, живутъ ни ѣсть, ни пить не могутъ: за какіе грѣхи мучатся?“ Она ему отвѣчаетъ и говоритъ: „Не будетъ имъ прощенья за то, что они у народа много денегъ украли: они вѣкъ свой будутъ жить въ этой избушкѣ.“ Опять мужикъ спрашиваетъ: „за какіе грѣхи женщины изъ проруби воду черпаютъ?“ Она и отвѣчаетъ: „за то, что онѣ виномъ торговали и молокомъ и водой наливали вино и молоко, имъ тоже прощенья не будетъ во вѣкъ.“ Потомъ онъ опять говоритъ: „за какіе грѣхи китъ засохъ черезъ рѣку?“ Она говоритъ: „за то, что китъ порато (очень) много народа пожралъ и карбасовъ и шнякъ—за то; если народъ онъ весь найдетъ, который проглотилъ, то выйдетъ изъ того мѣста.“

Онъ и пошелъ домой, никуда ужъ не заходилъ и пришелъ къ берегу, гдѣ старикъ кормой пристаеъ. Онъ и говоритъ, когда старикъ его перевезетъ: „зачѣмъ ты кормой

пристаешь, а приставай носомъ; кого све-
зешь, тотъ и останется, а ты выйдешь.“
Старикъ съ тѣхъ поръ сталъ носомъ при-
ставать. А тотъ къ той избушкѣ пришелъ,
гдѣ старикъ и старуха живутъ; въ избушкѣ
нѣту никого; ни старика, ни старухи нѣтъ—
они ушли и умерли, а на дверяхъ написано
на избѣ: „померли.“ Потомъ пришелъ къ
женщинамъ, что воду черпаютъ. Женщины
и спрашиваютъ: „что намъ будетъ?“ Онъ и
говоритъ: „ничего вамъ не будетъ — под-
ливали воду въ молоко и въ вино.“ Онъ
опять пошелъ, пришелъ къ киту. Китъ спра-
шиваетъ: „хорошій человѣкъ, что мнѣ бу-
детъ?“ Онъ говоритъ: „Если всѣхъ, которыхъ
проглотилъ найдешь, тогда выдешь изъ этого
мѣста.“ „Китъ пошелъ искать, всѣхъ нашелъ
и вышелъ изъ этого мѣста. Этотъ мужикъ
пришелъ домой къ матери и отцу. Отецъ
да мать обрадовались. Онъ сталъ благосло-
венія просить жениться: „Дадите-ли (т. е.
позволите-ли) жениться на комънибудь?“
Они благословили. Онъ и женился на дѣвкѣ
на бѣдной. Они стали торговать, лавку за-
правили и стали торговать. И сказка вся.
(Нотозеро).

(Архангельской губ. Кольскаго уѣзда, изъ быта русскихъ
лопарей).

XXIII.

Сказка о Царскомъ сынѣ *)

илъ былъ царь съ царицею и у нихъ между собою было согласно. Царь до того любилъ свою жену, что даже всегда она находилась при немъ, когда онъ дѣлалъ и судъ надъ народомъ. Самъ онъ судилъ

болѣе по правдѣ, а царица же сплошь и рядомъ поступала не по правдѣ. Разъ пришла къ нимъ судиться съ мужемъ женщина и царь разсудилъ ихъ правильно: мужа оправдалъ, а жену призналъ виноватою.

Царица, напротивъ, оправдывала жену и когда на семъ настояла, то находящійся въ утробѣ матери младенецъ вдругъ сказалъ: плеха по плехи и тянетъ. Она разсердилась на него и про себя подумала: рано стать соваться, а когда родишься, тогда мнѣ не будетъ отъ тебя и покою. Устрою же я съ тобой штуку.

Наконецъ она родила сына и хотѣла его было сейчасъ же убить, но стало жалъ, и страшно самой это было сдѣлать. Она

*) Какъ эта сказка, такъ и нижеслѣдующія были составлены мнѣ о. Константиномъ Щеколдинымъ, который записалъ ихъ со словъ лопарей.

позвала солдатъ, отдала имъ младенца, приказала его убить и ей принести отъ него сердце. Солдаты также сжалились надъ младенцемъ, они поэтому отдали его на воспитаніе пастуху; вмѣсто же его убили маленькаго ягненка и сердце отъ него принесли царицѣ. Сердце это царица приказала изжарить и за столомъ его съѣла. Царь однако зналъ, что у ней родился сынъ и вотъ, чтобы скрыть предъ царемъ свое злодѣяніи, она послала своихъ служанокъ купить ей другаго младенца. Въ это время родился сынъ у кузнеца и у него-то вотъ и купили его и принесли къ царицѣ. Младенца этого растили какъ царевича, но лишь только онъ немного подросъ, какъ сталъ заниматься только молотками и ими ковалъ желѣзо. Царь не понималъ и удивлялся, что сынъ его только занимается кузнеческимъ ремесломъ. Игры его всѣ были около этого ремесла.

Когда же сынъ пастуха—царевичъ поурость, то онъ во время игръ всегда хотѣлъ быть большимъ между своими ровесниками и нерѣдко между ними дѣлалъ судъ. Наконецъ всѣ его ровесники и онъ самъ сказали: выберемъ мы изъ среды своей царя, будемъ его слушаться и онъ будетъ насъ судить. Царевичъ — сынъ пастуха сказалъ:

купимъ всѣ мы по свѣчи и станемъ съ ними па востокъ и у кого свѣча сама собой загорится, тотъ и будетъ царемъ. Сказано, сдѣлано. Свѣчи купили, стали лицомъ на востокъ, и стали молиться, чтобы Богъ указалъ имъ Царя. Вскорѣ свѣчка царевича загорѣлась и всѣ ровесники признали его своимъ дѣтскимъ царемъ. Когда ктонибудь во время игръ когонибудь обидѣлъ, то сейчасъ же и дѣлалъ судъ. Судилъ же онъ всегда по правдѣ и никого напрасно не обижалъ. Молва объ этомъ прошла вездѣ и нерѣдко къ дѣтскому царю обращались и взрослые люди, которые были почемунибудь неправильно судимы настоящимъ царемъ и царицей. Онъ и эти дѣла всегда рѣшалъ справедливо.

Разъ одна бѣдная женщина попросила муки блюдо и съ нимъ пошла домой. Подулъ сильный вѣтеръ и у ней все разнесъ, не оставивъ ни пылинки. Она съ горя пошла къ царю и царицѣ жаловаться на вѣтеръ. Царь выслушалъ жалобу бѣдной старухи на вѣтеръ, посмѣялся надъ ней и сказалъ: глупая ты бабка, какъ я могу судить вѣтеръ?

Бабка была этимъ недовольна очень и сказала: ну, когда ты не можешь разсудить меня съ вѣтромъ, я пойду къ дѣтскому царю,

Онъ разсудитъ справедливѣе. Царь и надъ этими словами посмѣялся и сказалъ: пооди, посмотрю я, что ты тамъ получиши.

Старуха сейчасъ же отъ царя пошла, и пришла къ дѣтскому царю и сказала: царь-отецъ, разсуди меня съ вѣтромъ! Я попросила муки, понесла на блюдо, вѣтеръ палъ, все раздулъ и меня оставилъ голодною.

Дѣтскій царь выслуналъ жалобу со вниманіемъ, пожалѣлъ старуху и сейчасъ же послалъ своего человѣка, въ гавань за капитанами, которые пришли вчера. Капитаны судовъ на зовъ его немедленно явились. Но приходѣ ихъ дѣтскій царь спросилъ ихъ: когда вы пришли сюда?

Вчера вечеромъ, отвѣтили они.

Ну это хорошо, но что для васъ лучше, вѣтеръ или тихо?

Конечно, вѣтеръ для насъ лучше всего. Не будь его, намъ бы сюда и не придти вчера.

Такъ вамъ это и хорошо, а вотъ бѣдная бабка плачетъ, что у ней вѣтеръ разнесъ съ блюда послѣднюю христорадную горсть муки, поэтому вы, какъ бы виновники вѣтра, и заплатите ей за муку.

Капитаны отвѣтили: мы не только не за муку заплатимъ, но пусть она пошлетъ намъ мѣшки и мы всѣ ей пошлемъ по пуду.

Старуха обрадовалась этому, благодарила за судъ царя, да благодарила и капитановъ, потому что въ тотъ же день получила столько муки, сколько никогда у ней и не бывало. Капитаны также остались довольны рѣшеніемъ.

Дошла вѣсть объ этомъ и до царя. Ему стало завидно и обидно, что всѣ почти идутъ судиться къ дѣтскому царю, и онъ всякое дѣло рѣшаетъ, не говоря, что не могу.

Дай, подумалъ царь, я сдѣлаю ему штуку и поставлю его въ тупикъ. Царь послалъ къ нему трехъ быковъ, съ приказаніемъ, чтобы они чрезъ извѣстное время сами родили телятъ, какъ самки.

Дѣтскій царь быковъ взялъ и постѣ ухода солдатъ сказалъ: спасибо царю. Быковъ мы убьемъ, намъ мяса будетъ надолго, а кожами, какъ у насъ крыша на избѣ худая, закроемъ избу. Такъ и сдѣлали.

Наконецъ пришло время, когда должно было быковъ съ телятами отвести назадъ. Вотъ дѣтскій царь, научивъ своего человека, что нужно дѣлать, послалъ его къ Царю. Тотъ пошелъ къ царю во дворъ, тамъ ходилъ нѣсколько времени, и наконецъ увидѣлъ царя. Въ это время онъ сталъ снимать свои штаны и закричалъ: рожать хочу, рожать хочу. Царь, услышавъ это, сказалъ:

ты съумасшедшій должно быть; когда мужчины рожали, и развѣ могутъ рожать, отвѣчай.

— А ты царь самъ что сдѣлалъ? Самъ послалъ быковъ къ нашему царю, чтобы они были обхожены, развѣ это можно, и бывало когда нибудь?

Царь отъ такого отвѣта пришелъ въ удивленіе и ушелъ скорѣе прочь, не говоря болѣе ни слова.

Вскорѣ послѣ этого царь съ царицей попили гулять. Увидѣлъ это и дѣтскій царь. Онъ пошелъ къ вѣсамъ (балансу), положилъ на одну скалку много собачьяго кала, а на другую ничего. Кала же все прибавлялъ и прибавлялъ.

Царь, увидя, это, остановился и смотрѣлъ, а про себя думалъ, гдѣ же у него умъ. Говорятъ, умный.

Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и спросилъ у него, что ты дѣлаешь?

— Я вѣшу женскій умъ и смотрю какъ онъ легокъ и ничего не стоитъ.

Отвѣтъ этотъ привелъ царя въ удивленіе, и онъ сталъ думать: это, должно быть, не сынъ пастуха и не мой ли еще, потому что мой, кромѣ кованья, ничего не знаетъ. Подумавъ такъ, онъ скорѣе взялъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ и такимъ образомъ царицѣ надъ правдой не привелось восторжествовать. (Пазрѣка).

(См. русскіе лопари Н. Харузина, стр. 466).

XXIV.

Игрунъ—смѣльчакъ сынъ *).

Илъ нѣкогда одинъ богатый человекъ и имѣлъ онъ одного сына. Умирая, онъ заповѣдалъ своей женѣ, чтобы она сыну его, если онъ попроситъ денегъ, дала ему въ первый разъ не болѣе трехсотъ рублей. Сынъ послѣ смерти его выросъ и сталъ ходить на улицу съ дѣтьми играть. Онъ игралъ съ ними въ бабки и бабки у нихъ отнялъ. Ребята ему и закричали: ты богачъ, а у бѣдняковъ отнимаешь бабки. Стыдъ. Онъ бабки бросилъ имъ и пришелъ къ матери и сказалъ: дай мнѣ сто рублей.

Мать денегъ дала ему и онъ пошелъ на улицу. Здѣсь опять игралъ съ ребятами и побрякивалъ деньгами. Въ это время онъ увидѣлъ: идетъ старикъ и несетъ кошку, и спросилъ его, не продашь ли кошки?

— Купи.

— Много ли просишь?

— У меня кошка смирная и я менѣе ста рублей не продамъ.

*) См. русскіе лопари Н. Харузина, стр. 466.

Не говоря ни слова, онъ вынулъ деньги изъ кармана, отдалъ ихъ, взялъ кошку и пошелъ домой. Здѣсь ему она такъ понравилась, что онъ не зналъ болѣе никакого дѣла, какъ только съ нею и игралъ. Наконецъ, однако, наскучило ему, и опять пошелъ на улицу къ ребятамъ играть. Играя съ ними, онъ опять отнялъ у нихъ игрушки. Они опять закричали, не стыдно ли богачу, покупающему кошку за сто рублей, брать у бѣдныхъ копѣечныя игрушки. Онъ бросилъ ихъ и пошелъ къ матери.

Дома опять выпросилъ у матери сто рублей и съ ними пошелъ на улицу играть. Побрякивая деньгами, онъ опять увидѣлъ того же старика, у котораго купилъ кошку, и онъ велъ теперь собаку.

Онъ опять сталъ покупать и купилъ ее за сто рублей, сколько и просилъ хозяинъ. Онъ сказалъ ему, что на его собакѣ можно ѣздить и возить дрова.

Привелъ собаку домой и съ нею и кошкой игралъ постоянно. Онъ отъ него не отходили никуда. На собакѣ онъ ѣздилъ, а кошку привязывалъ сзади. Этимъ онъ занимался долгонько и наконецъ это ему наскучило.

Опять пошелъ на улицу и игралъ съ ребятами. Отнялъ у нихъ и игрушки, тѣ опять

закричали и онъ, разсердившись, бросилъ имъ. Пришелъ домой и опять у матери сталъ просить 100 рублей. Мать деньги дала и сказала: это послѣднія, отецъ болѣе тебѣ не оставилъ. Взялъ онъ деньги и пошелъ на улицу. Вскорѣ онъ опять увидѣлъ того же старика, но у него ничего не было уже. Онъ поэтому спросилъ его, куда ты пошелъ?

— Я хожу и хочу кому нибудь продать золотой перстень—*сурмасъ*.

— Продай мнѣ и его. У меня еще есть деньги, хотя уже и послѣднія.

Старикъ согласился продать ему за сто рублей, только прибавилъ: деньги отдай сейчасъ, а за перстнемъ-кольцомъ пойдемъ со мною и у меня дома получишь. Заплатилъ материнъ сынъ деньги и пошелъ съ нимъ. Пошли они сперва мимо домовъ по дорогѣ, и всѣ прошли. Пошли далѣе уже лѣсомъ и пришли къ пахтѣ, каменной горѣ. Здѣсь старикъ снялъ съ отверстія камня и сказалъ: поди туда, а я иду за тобою. Сынокъ какъ зашелъ туда, то старикъ сейчасъ же отверстіе закрылъ и самъ остался на землѣ. Покупатель очутился въ безвыходномъ положеніи, какъ въ тюрьмѣ. Сперва онъ плакалъ, а потомъ пошелъ, куда понесутъ ноги. Наконецъ у него подъ ногами стали

доски и чрезъ щель вдали увидѣлъ свѣтъ-огонь. Потомъ туда и пришелъ къ лѣстницѣ-листовкѣ — *пордисъ*. По ней онъ поднялся и увидѣлъ предъ собою двери. Ихъ онъ отворилъ и увидѣлъ предъ собою комнату, залитую свѣтомъ, потому что горѣло много свѣчъ. Въ ней стоялъ столъ со всякою пищею—*пуромаишъ* и виномъ. Будучи голоднымъ, онъ сѣлъ, наѣлся и напился. Послѣ этого онъ сталъ смотрѣть и опять увидѣлъ впереди двери. Пошелъ туда, отворилъ ихъ и опять увидѣлъ такую же комнату со столомъ, кушаньями и виномъ. Онъ былъ сытъ и поэтому только на нихъ посмотрѣлъ. Впереди были опять двери, онъ отворилъ и ихъ. Здѣсь было вездѣ пусто. Стола съ кушаньемъ не было, а, вмѣсто его, въ одномъ углу онъ увидѣлъ лежащаго человека. Подошелъ къ нему и увидѣлъ, что онъ мертвый и на рукѣ у него золотой перстень. Смотри на него, онъ подумалъ: мнѣ этотъ-то перстень и продалъ, должно быть, старикъ. Поэтому онъ перстень съ руки покойника снялъ, надѣлъ себѣ на палецъ и пошелъ назадъ. Миновавъ свѣтлыя комнаты, онъ зашелъ въ непроницаемую тьму, и не зналъ совершенно куда ступить. Съ горя онъ сталъ перстень съ пальца на палецъ перелагать и когда надѣлъ его на

первый палецъ отъ мизинца на лѣвую руку, тогда передъ нимъ явились два человѣка и спросили: что тебѣ нужно?

— Я желаю отсюда выйти, такъ какъ старикъ, показавшій мнѣ сюда дорогу, со мною не пошелъ, а остался на верху. Меня одного сюда заперъ.

— Теперь немного усни, а послѣ все тебѣ будетъ. — Онъ немного соснулъ, проснулся и увидѣлъ, что отверстіе на землю открыто. Перстень переложилъ на средній палецъ, выпелъ изъ пахты и пошелъ своею дорогою домой. Съ радостію вошелъ въ свой домъ, но увидѣлъ, что мать сидитъ почти голодна, потому что не стало у ней ничего. Поѣлъ онъ сухой рѣзки (лопарскій, прѣсный хлѣбъ, не толстый) и пошелъ спать.

На постелѣ онъ перстень со средняго пальца опять переложилъ ближе къ мизинцу на лѣвую руку и къ нему опять явились тѣ же два человѣка и спросили, что тебѣ нужно?

— Я долго проходилъ изъ своего дома, мать все прожила и нечего стало ѣсть.

Они отвѣтили: теперь спи до утра, а утромъ все тебѣ будетъ. Всталъ онъ утромъ и увидѣлъ, что вездѣ у нихъ всего довольно. Зажилъ онъ хорошо послѣ этого и сталъ думать объ открытіи торговли. Вотъ опять однажды вечеромъ перстень переложилъ на

палецъ и опять явились 2 человѣка и спросили: „что тебѣ нужно?“

— Мнѣ хочется быть купцомъ. — Ну теперь спи, а утромъ все будетъ по твоему. Черезъ ночь все такъ и сдѣлалось. Всталъ и увидѣлъ, что предъ домомъ его стоятъ лавки съ товарами. Торговля пошла у него удачно и такъ онъ прожилъ нѣсколько годовъ. Наконецъ захотѣлось ему жениться и сталъ у матери просить дозволенья... Мать согласилась, но спросила, гдѣ у тебя не вѣста?

— Я думаю жениться у царя, у него дочь красавица.

— Въ умѣ ли ты, объ этомъ не нужно и думать-то даже.

— Цѣтъ, я такъ хочу непременно, и ты должна итти отъ меня сватьей. Снесешь царю, царицѣ и не вѣстѣ богатые подарки и дѣло устроится какъ нельзя лучше.

— Мнѣ думается, что ты напрасно это задумалъ, потому что царю нужны подарки не простые, а драгоценные, а гдѣ ты ихъ возьмешь?

— Объ этомъ не безпокойся. Завтра все будетъ.

На постелѣ онъ перстень переложилъ на палецъ подлѣ мизинца и опять явились 2 человѣка и сказали: „что тебѣ нужно?“

— Я думаю жениться у царя и мнѣ нужны поэтому подарки: 2 камня (*жерць*) драгоценныхъ и одинъ самоцвѣтный.

— Спи до утра и тогда все будетъ, отвѣтили они и ушли.

Всталъ онъ на другой день и увидѣлъ на столѣ 3 камня, которые горѣли какъ огонь и блестѣли какъ солнце. Пошелъ къ матери и отдалъ ей.

Мать, при видѣ ихъ, пришла въ изумленіе и съ ними пошла къ царю уже смѣло. Ввели ее къ царю, гдѣ она немедленно драгоценные камни подарила царю и царицѣ, а самоцвѣтный—ихъ дочери и сказала: „это осмѣливается поднести вамъ мой сынъ и въ то же время проситъ покорнѣйше руки вашей дочери.“

Царю и всѣмъ подарки понравились, но на сватовство отвѣтилъ: если завтра сынъ твой можетъ подарить намъ золотыя тарелки и нѣсколько гусиныхъ яицъ (время было осенью), тогда дочь и мы согласны породниться. Старуха поклонилась имъ, пошла домой и передала это сыну.

Вечеромъ онъ надѣлъ перстень на упомянутой палецъ и опять пришли 2 человѣка и спросили, что тебѣ нужно?

— Мнѣ требуются золотыя тарелки и гусиные яйца для невесты. „Спи, утромъ

они будутъ у тебя“. Такъ дѣйствительно и случилось. Мать днемъ пошла отнесла подарки, осмотрѣли, похвалили и сказали: „если твой сынъ къ утру сдѣлаетъ съ нашей стороны рѣки на его сторону чугунный мостъ, покрытый краснымъ сукномъ, тогда можно будетъ сдѣлать и свадьбу, а въ противномъ случаѣ дочь моя не согласна, потому что она боится ѣздить черезъ рѣку.“ Старуха, услыша это поклонилась и пошла домой. Пришла и все передала сыну, при-совокупивъ: „вотъ надѣлалъ себѣ хлопотъ.“ Это ничего, отвѣтилъ онъ. Къ утру все дѣло поправится. Вечеромъ онъ прибѣгъ къ упомянутому ранѣ средству и 2 человѣка посулили къ утру все. Черезъ ночь дѣйствительно на рѣкѣ явился мостъ и съ краснымъ сукномъ. Старуха, увидя это, удивилась и опять, посланная сыномъ, пошла къ царю. Онъ прінялъ ее ласково, но сказалъ: „дочь жила постоянно дома и ей не хочется отъ матери уйти далеко. Завтра, если явится у твоего сына домъ подлѣ нашего, тогда сыграемъ свадьбу на славу. Старуха поклонилась и ушла. Дома это сказала сыну и тотъ отвѣтилъ: ну и это ничего. Надѣюсь устрою. Вечеромъ онъ сдѣлалъ тоже, что и раньше, и явились два человѣка посулили къ утру. Съ раз-

свѣтомъ дѣйствительно домъ ихъ стоялъ подлѣ царскаго и на этотъ разъ сынъ съ матерью пошелъ къ царю самъ.

Царь столь богатаго и смышленнаго будущаго зятя встрѣтилъ съ невѣстою ласково и вскорѣ была сдѣлана свадьба. Народу на свадьбѣ было много, и всѣ веселились сколько могли. Не мало было и пьяныхъ. Пьяными напились даже и старуха мать жениха, и самъ молодой. Царевна однако вышла за него не по любви, а изъ-за подарковъ и чудныхъ его дѣлъ. Она любила другого жениха.

И вотъ, когда увидѣла, что мужъ пьяный, она, лаская и цѣлуя его, стала спрашивать: „какою ты силою и мостъ сдѣлалъ, да и домъ перенесъ?“ Онъ, обласканный ею, съ пьяныхъ глазъ и сказалъ, что у него есть перстень, и показалъ его. Слѣдуетъ его положить на лѣвую руку на палецъ подлѣ мизинца и тогда явятся два человѣка, которые и исполнять къ другому утру черезъ ночь всѣ желанія. Жена, узнавъ это, стала сама угощать его и вотъ, когда онъ былъ очень пьянъ, она взяла у него съ руки перстень, обрила ему волосы и выбросила на улицу, не смотря на его крикъ. Выбросили за нимъ туда же и мать. Царь послѣ этого также на него осерчалъ и приказалъ запереть въ тюрьму.

Жена его между тѣмъ вечеромъ надѣла перстень на указанный палецъ и къ ней пришли 2 человѣка.

— „Чего тебѣ нужно царевна?“ — „Я хочу, чтобы перенесена была въ другое Норвежское царство къ моему жениху.“

— „Теперь спи, а утромъ все будетъ исполнено.“

На утро, когда она проснулась, увидѣла себя у перваго жениха и со всѣмъ своимъ имѣніемъ. Съ нею были даже кошка и собака, оставленные мужемъ, купленные имъ у старика. Звѣри эти ходили и искали своего хозяина, но его нигдѣ не видѣли, а перстень его между тѣмъ днемъ всегда блестѣлъ на правой рукѣ царевны, а ночью же она полагала его въ ротъ, а также и тогда когда спала. Коникъ и собакъ хотѣлось этотъ перстень отнять у ней и передать хозяину. Разъ они увидѣли мышъ и рѣшили хвостомъ ея для этого воспользоваться. Кошка схватила мышъ и хотѣла ее убить, но она сказала ей: не бей меня, что тебѣ нужно я пособлю.

Хорошо, я не убью тебя, но ты должна намъ изо рта достать у хозяйки перстень.

Мышь согласилась и сказала: „ночью я тихонько зайду къ хозяйкѣ на грудь и хвостъ ей вложу въ носъ, она чихнетъ, ты

перстеньхвати и бѣжи съ нимъ куда знаешь, а я уже знаю куда мнѣ уйти.“

Наступила ночь. Мышь какъ сказала, такъ и сдѣлала. Хозяйка отъ хвоста чихнула, перстень полетѣлъ, кошка сейчасть же схватила въ ротъ, а собака отворила двери и побѣжали они вмѣстѣ искать своего хозяина. Добѣжали они до широкой рѣки, и не знала кошка, какъ ей переплыть. Собака сказала: садись ко мнѣ на спину, и такъ переплывемъ рѣку. На середкѣ рѣки собака однако подумала, кошка хозяину принесетъ перстень, а я ничего. Меня онъ, можетъ, и прогонитъ. Подумавъ такъ, собака сказала: дай мнѣ теперь перстень, я понесу его другую половину.

— Что ты выдумала, мы уронимъ его въ воду, когда я буду передавать тебѣ и тогда онъ никому не достанется.

Собака настояла на своемъ и прибавила: у меня ротъ большой, я открою его, и ты опусти. Нѣтъ я не поплыву далѣе. Кошка послушалась и перстень упалъ мимо рта и пошелъ на дно. Съ горя поплыли назадъ и недалеко подошли по берегу, какъ увидѣли избу. Въ ней жилъ старикъ-рыбакъ со старухой. Хозяева ихъ приласкали и они стали тутъ жить.

Разъ хозяинъ осенью привезъ рыбу съ

рѣки, и когда ее чистили, оцупали твердое и въ кишкѣ увидѣли перстень. Старикъ со старухой находкѣ обрадовались и, налюбовавшись имъ, положили на полку. Собака и кошка это видѣли и ожидали случая, чтобы утянуть. Хозяева выпли вонъ, кошка вскочила на полку, взяла въ ротъ перстень и сейчасть же, какъ хозяева въ избу, они на улицу и по дорожкѣ.

Кошка, прибѣжавъ къ рѣкѣ, сказала собакѣ: возьми перстень теперь, а какъ запросишь опять на рѣкѣ, тогда потеряемъ. Собака отвѣтила: храни лучше ты. Садись на спину и поплывемъ черезъ рѣку. Выпли на другой берегъ и побѣжали впередъ искать хозяина. Нашли его въ тюрьмѣ. Стали думать, какъ зайти и надумались такъ: собака дверь немного оттянула и кошка щелью прошла и отдала ему перстень. Вечеромъ онъ надѣлъ перстень на счастливый палецъ, и предъ нимъ явились два человѣка, спросивъ что тебѣ нужно?

— Хочу быть свободнымъ и чтобы жена моя мнѣ была возвращена.

— Теперь спи, отвѣтили люди а утромъ все будетъ.

Проснулся утромъ и увидѣлъ, что онъ спитъ со своей женой и въ царскихъ покояхъ. Любовникъ же или другой мужъ

былъ посаженъ въ тюрьму и послѣ его судили. Смѣльчакъ же, богача сынъ сталъ жить со своею женою и матерью на завидость другимъ. (Пазрѣка).

XXVI.

Сказка о баринѣ и лакеѣ.

Жилъ да былъ помѣщикъ въ Я..... губерніи, очень богатый, и былъ у этого помѣщика лакей, по прозванію Афонька.

Вотъ и вздумалъ баринъ попутешествовать и посмотреть людей, да и себя показать. Говоритъ баринъ лакею: „Афонька! собирайся-ка въ путь, въ дорогу, поѣдемъ мы съ тобою путешествовать.“ — Афонька скоро собрался въ путь — дороженьку; подали имъ тройку лошадей; простился баринъ съ своею женой и поѣхалъ.

Ѣдутъ они путемъ дорогою, мимо дремучаго лѣса и смотрятъ въ сторону и, видятъ тамъ валяется мертвый человѣкъ. Баринъ и говоритъ:—„Афонька! ступай, тащи сюда этого мертвеца, да клади въ повозку.“—Афонька притащилъ мертвеца и положилъ сзади повозки, и поѣхали дальше. Не успѣли отѣхать еще одной версты, смотрятъ—еще и другой валяется мертвый

человѣкъ. Баринъ опять говоритъ лакею:— „Афонька! тащи и этого сюда въ повозку.“— Положили и поѣхали дальше.

Ѣдутъ они путемъ—дорогою и, доѣхали до полянки. Стоитъ маленькая избушка. Баринъ и говоритъ:— „Афонька! приварачивай на ночлегъ (такъ какъ дѣло было къ вечеру). Подѣхали къ этой избушкѣ; ворота были отворены, а на дворѣ никого не видать. Баринъ и говоритъ: — „Афонька выпрягай лошадей да давай имъ овса, и пойдѣмъ въ избу: мнѣ что-то ѣсть очень хочется“. Афонька скоро убралъ лошадей, далъ имъ корму, потомъ взялъ чемоданъ съ закуской и пошли они съ бариномъ въ избу. Входятъ въ сѣни и видятъ: двери въ избу отворены, а изъ избы слышенъ шумъ и гамъ. Вошли они въ избу и видятъ: за столомъ сидятъ 12 здоровыхъ разбойниковъ, которые никого ни днемъ, ни ночью не пропускали живымъ:—всѣхъ убивали и грабили. Когда баринъ увидалъ этихъ разбойниковъ то немного было струсилъ, но когда вошелъ и сѣлъ на лавку, то сказалъ:— „Афонька! мнѣ очень ѣсть хочется, тащи-ка сюда изъ повозки окорокъ, который сзади привязанъ.

Афонька живо побѣжалъ притащить мертвеца и положилъ его на полъ, противъ барина. Баринъ взялъ тогда ножикъ, отрѣзалъ

— „Афонька! этотъ окорокъ немного протухъ, тащи ка сюда другой.“ —

Афонька живо побѣжалъ и притащилъ другое мертвое тѣло. Баринъ опять взялъ ножъ, отрѣзалъ немного тѣла, понюхалъ и, говоритъ:— „И это протухло! нутка, возьми Афонька и дай сюда изъ-за стола, который будетъ всѣхъ помягче. Тогда всѣ разбойники—какъ.... выскочать изъ за стола, да давай Богъ ноги! кто куда: кто въ двери, кто въ окно и всѣ живо разбѣжались, и остались въ избѣ только баринъ и Афонька.

Ночевали они въ этомъ домѣ, а на утро обошли всѣ кладовыя и нашли денегъ цѣльный погребъ; наклали себѣ цѣльную повозку и поѣхали домой. Тогда баринъ далъ Афонькѣ денегъ и отпустилъ на волю жить.

Лично мною записано въ Ярославской губ. отъ
В. В. Смирнова.

XXVII.

Льеница.

ивъ да бывъ въ одной небольшой деревенькѣ мужицкѣ пьеница. Всякой праздникъ и всякое воскресенье—люди въ церковь ко бидни, а онъ въ кабакъ бѣжитъ. Всю послѣднюю недѣлецку великаго говѣнья пропировалъ, и приполъ домой уже въ большую субботу, да и этотъ день весь продрыхнулъ. Въ Христовъ день когда заблагоуѣстили къ заутрени, хозяйка будить ево и говоритъ: сходи гыть хоть въ Христовъ то день въ церковь. Мужикъ съ лѣсъ съ говѣца, оболокса и пошолъ въ церковь. Ну какъ онъ всю недѣлецку пропировалъ, то голова у ево больно болѣла, то онъ вздумалъ зайти передъ заутреней, кобацокъ опохмилиться только. Онъ объ томъ подумавъ,—глядь и видитъ тутъ знакомова мужицка, тоже пьеницу. Мужикъ этотъ подошолъ къ нему и спровавъ ево: „ты куда пріятель пошовъ,“ — „Да голова больно болитъ, такъ хочу передъ заутреней зайти опохмилиться.“ — „Хорошее дѣло; я тоже гыть иду; пойдѣмъ

вмистѣ. — Пошли они въ кабацокъ и спрашивали полиптофа вина знакомый наливаєтъ ему стаканъ и почуетъ, гытъ: — „Выпей!“ — Мужницокъ взялъ стаканъ въ руки и, поднеся ево ко рту, чтобы выпить, да и сказавъ: — „Господи благослови!“ —

И вотъ онъ глядь: вмѣсто стакана-то въ рукахъ у ево слоновая шинка, а самъ онъ очутился въ густомъ прегустомъ лѣсѣ, и сидитъ на долгой ели. Кругомъ и подъ нимъ внизу темнота. Отъ страха мужницокъ цуть не свалился на землю, а слѣзая съ елки, оцарапалъ себѣ рожу и руки о колючіе прутья. Пошелъ домой и въ лѣсѣ заблудился и домой пришовъ лишь на четвертой денекъ праздника и то лишь вечеромъ. Довго постѣ тово былъ нездоровъ и ели не умеръ, а царапины на рожѣ, на рукахъ такъ и остались на всю ево жизнь.

Съ того времецка, нашъ мужницокъ — шабашъ въ праздники вино пить.

(Записано лично мною въ Кадниковскомъ уѣздѣ, въ Засодимѣ).

XXVIII.

Хитрость лѣнливой бабы.

Лѣнь-быль мужикъ; была у него прелѣнливая баба. Скажетъ, бывало мужикъ бабѣ: „зачѣмъ не придешь?“ а баба сведетъ его въ клѣтъ, вынетъ изъ ларя веретено, покажетъ мужику и скажетъ: „смотри, муженекъ, веретено полнехонько!“ Затѣмъ положитъ она веретено въ ларь и постѣ снова вынетъ его, какъ будто другое, и скажетъ: „смотри, другое веретено полнехонько! Что ты заставляешь меня прясть? Лучше ступай въ лѣсъ, да сруби мотовило, чтобы было, на что сматывать пряжу.“

Разъ мужикъ взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ срубить мотовило, а бабѣ велѣлъ починить шубу, покуда онъ въ лѣсу. Но лишь только мужикъ пошелъ въ лѣсъ, какъ баба побѣжала за нимъ, обѣжала его кругомъ, влѣзла на густую ель подлѣ дороги, по которой долженъ былъ проходить мужикъ, и заплѣла снницею: „чи, чи, чи, кто срубить мотовило, тому скоро смерть; а кто починитъ шубу тому долго жить.“ Услышалъ пѣсню

эту мужикъ, перепугался и не срубилъ мотовила, а пошелъ домой, полѣзъ на печку да самъ починилъ свою шубу.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

XXIX.

О женѣ-дурѣ.

Жена-была жена - дура. Однажды она потчивала гостя капустой и жаловалась, что у нея капуста плоха. Гость надоумилъ ее: „надо прибавить къ капустѣ свиного сала, тогда она и будетъ хороша.“ Жена-дура, какъ услышала это, взяла сейчасъ свинину, разрѣзала на ломтики, понесла въ огородъ и положила на каждый кочанъ по ломтику. Положила она и ждетъ, что вотъ капуста вырастетъ на славу. Но почували это сосѣднія собаки и повадились приходить въ огородъ за саломъ. Разозлилась жена на собакъ, подстерегла ихъ и поймала одну. Пританцила она собаку въ клѣть и привязала ее къ втулкѣ пивной бочки. Начинаетъ она наказывать собаку. Собака рвалась, рвалась, наконецъ вырвала втулку и убѣжала. А пиво такъ и течетъ изъ бочки! Не

знаеть дура, за что хвататься, оставляет бочку и бѣгомъ бѣжитъ за собакой. Но пока она догнала собаку и отняла втулку, пиво все и вытекло изъ бочки; въ клѣтѣ точно прудъ. Чтожь теперь дѣлать: и пиво нѣтъ и клѣтъ мокрехонька. Вдругъ ей приходитъ на умъ: вѣдь есть еще у меня полмѣры хорошей пшеничной муки. Взяла она муку и посыпала на мокрый полъ. Пришелъ домой женить мужъ, а она предъ нимъ: „муженекъ, муженекъ! я поймала собаку въ огородѣ, привязала ее къ втулкѣ пивной бочки и наказала было, а она шельма этакая сорвалась, вырвала втулку, и пиво вытекло; но бѣды нѣтъ никакой: я посыпала на полъ пшеничной муки.“ Что-же теперь дѣлать мужу? Не знаетъ онъ, смѣяться-ли, или браниться.

Лично мною записано въ Вологодской губ.

XXX.

Д в а б р а т а .

е въ которой деревнѣ жили два брата, они и раздѣлились по раздѣлу. Одинъ жить бѣдно, а другой богато. У бѣднаго не было ни дровъ, ни лошади и пошелъ онъ къ богатому брату просить лошади и дать богатый братъ ему лошадь. Забылъ бѣдный попросить хомута и не смѣлъ подти промать вѣдугоредь и привязалъ лошадь къ головицамъ хвостомъ; поѣхалъ по дрова, нарубилъ возъ порядочный, поѣхалъ домой, прѣхалъ подъ окно къ себѣ и хотѣлъ вздернуть на наземь, но въ то время подворотка помѣнала: лошадь вздернула и хвостъ себѣ оторвала.—И не смѣлъ онъ къ брату вести лошадь. Наконецъ пошелъ онъ къ нему и сказать: я, у твоей лошади хвостъ оторвалъ. Братъ на него осердился: вотъ я найду просить на тебя суда къ Шемякину.

И пошли они оба. И выпросились они на квартиру почевать къ богатому мужику. Богатый съ богатымъ угощались, а бѣдный

спать легъ не ѣвши. Подъ палатамъ же лежалъ младенецъ. Бѣдный ворочался, ворочался и съ полатамъ вмѣстѣ упалъ и младенца задавилъ. Тогда и другой богатый захотѣлъ на него просить и пошли всѣ вмѣстѣ. И дошли они до города, а въ этомъ городѣ былъ высокій мостъ, а подъ мостомъ ѣздили на лопадяхъ. Бѣдный пошелъ этимъ мостомъ и задумалъ скочить съ мосту, чтобы убиться. Когда онъ скочилъ съ мосту, въ то время отецъ съ сыномъ выѣзжали изъ подъ мосту и бѣдный упалъ прямо имъ въ сани, сына у старика убилъ, а самъ не убился. Тогда старикъ вмѣстѣ съ двумя богатыми тоже пошелъ просить на него.

И пришли къ судѣ Шемякнну всѣ четверо, а бѣдный взялъ большой камень и завязалъ въ платокъ. И сталъ его братъ обсказывать объ своей лошади. Въ это время бѣдный поднималъ платокъ съ камнемъ и погрозилъ имъ судѣ, а судья подумалъ что тотъ ему сто рублей денегъ сулитъ, и разсудилъ такъ, что покуда хвостъ у лошади не вырастетъ, и пуцай бѣдный лошадь у себя. Потомъ сталъ обсказывать второй богатый объ своемъ младенцѣ, а бѣдный опять камнемъ погрозилъ и судья Шемякинъ разсудилъ такъ: ты дай ему свою жену, такъ онъ и сдѣлаетъ тебѣ другого младенца. А

старика, у котораго убитъ былъ сынъ, разсудилъ такъ: ты, дѣдка, встань на мос(т)ъ, а онъ пуцай ѣдетъ на лошади изъ подъ мосту, и скачи прямо на него. Старикъ скочилъ съ мосту, на бѣднаго не попалъ, а самъ убился, а бѣдный и поѣхалъ преспокойно домой.

XXXI.

РОТОЗЪЙ ВАНЬКА.

Отъ чего ему такое прозванье пошло, какъ онъ клада искалъ и гдѣ кладъ нашель.

святкахъ набралось въ избу къ дядѣ Иринею, парней и дѣвокъ видимо невидимо. Пришли, стали почесываться, никто слова не вымолвить. Здорово ребята, —молвилъ имъ дядя, —по добрули по здорову?

— Все по добру по здорову, дядюшка отвѣчалъ одинъ парень посмѣлѣе; вишь ты, мы на святкахъ погуляли, да такая мятелица поднялась, что зги Божіей не видно; такъ вотъ мы пришли къ тебѣ въ избу отогрѣться.

— Радъ гостямъ,—сказалъ дядя Ири-

ней —отогрѣвайтесь, кто на печи, кто на полатяхъ.

— Да, вотъ что еще, дядя, сказалъ тотъ же парень почесывая затылокъ, — ты человѣкъ умный, добру насъ учинишь, а мы за то тебѣ спасибо, — и ужъ куда хорошо говоришь, такъ въ душу и просится, а вотъ въ сосѣдней деревнѣ гуторятъ, что ты на всѣ руки: мастеръ сказки рассказывать, — а еще мы отъ тебя ни одной не слышали.

— Что же сказку вамъ чтоли, молвить дядя Иринеи; такимъ добрымъ ребятамъ ни въ чемъ не откажу; но только чуръ сказку дослушать до конца, да не перерывать, а иначе что, у меня сказка не сказка, а былъ на сказку похожа, кто конца не дослушаетъ, тотъ словно ничего не слыхалъ. Наколи-ка лучины побольше Ѳедька, а ты Матрена, смотри за свѣтцемъ, да прибавь воды въ шайку, вотъ недалеко отъ насъ деревня вся до тла сгорѣла, отъ того что Маланья забыла воды подъ свѣтецъ поставить; ей мужъ толковать: поставь воды подъ свѣтецъ, ну, неравно уголь въ подплицу попадетъ — долго ли до грѣха? А она ему въ отвѣтъ: — эхъ Никитичъ, да что я мертвая что ли сижу? ну упадетъ лучина, затопчу вотъ и все тутъ. — Такъ она говорила, да не такъ вышло: разъ мужа не было дома;

Маланья засвѣтила свѣтецъ и сѣла, словно порядочная, пряжу прясть, и навалила вокругъ себя пакли; пряла, пряла, — да и вздремнула, да такъ сладко, сладко... а тѣмъ часомъ лучина нагорѣла да и свалилась, шайки подъ нею съ водою не было, лучина на полъ, да зажгла паклю, а пакля пошла драть; проснулась Маланья, видитъ полъ горитъ, такъ и обмерла, чѣмъ бы схватить воды, или квашни, чтобы чѣмъ понало затушить, баба выбѣжала на улицу и ну кричать по всей деревнѣ: — батюшки свѣты! батюшки свѣты! добѣжала до конца деревни, все кричитъ: — батюшки свѣты! — Вышли міряне, спрашиваютъ у ней, — что такое? — а Маланья знай свое мечется изъ стороны въ сторону, да кричитъ: — батюшки свѣты! Ужъ тогда догадались, когда полымя хватило изъ оконка, тогда поднялась вся деревня, туда сюда, кто за ведроко нѣтъ ведерка — сватья взяла; кто за багоръ, — нѣтъ багра — ребята Богъ вѣсть куда затащили; пока кто за тѣмъ, кто за другимъ, занялась другая изба, потомъ третья, такъ вся деревня и сгорѣла. Ну, что! какъ ты думаешь, Матрена?

— Ну, что тутъ думать, дядюшка, — отвѣчала Матрена, — вѣстимо дѣло, Божій гнѣвъ!

— Вотъ ни дать ни взять и Маланья тоже отвѣтила, молвить дядя Иринеѣ, когда сосѣди стали корить, что отъ нея лучины они по міру пошли; да только знаешь, что одинъ сосѣдь ей на это сказалъ, мужикъ былъ умный, а вотъ что: — правда твоя, Маланья, что Божій гнѣвъ, а знаешь-ли за что на тебя Божій гнѣвъ былъ, за то, что сама была не опаслива и насъ и себя погубила: Береженаго и Богъ бережетъ! Ну Матрена, не лѣнись, палей пайку пополниѣ, да подвинь подъ самую лучину, чтобы съ прокомъ было.

— Вѣстимо, дядя, толковала Матрена, — на грѣхъ мастера нѣтъ.

— Врешь, дура, это только старыя дѣвки говорятъ, что на грѣхъ мастера нѣтъ; есть мастеръ, это самъ человѣкъ; ужъ нѣтъ такого другаго мастера и на грѣхъ и на спасенье, какъ самъ человѣкъ.

— Такъ, дядюшка, промолвила сватья Хавронья, правду ты говоришь; да вѣдь кого Богъ помилуетъ? вотъ ты знаешь полгорода сгорѣло, а у Архипа домъ цѣль остался, и до сихъ поръ стоитъ; а кругомъ все обгорѣло—пустырь пустыремъ. Ну отъ чего такъ? ужъ такой, видно, положень предѣлъ, что полгороду сгорѣть, а Архипову дому остаться.

— А знаешь ли сватья, отъ чего Архипа Иванова Богъ помиловаль? отъ того, что Архипъ Ивановъ мужикъ умный; и Богу молится, да и самъ не плошася. Вотъ я тебѣ расскажу, какъ дѣло было: въ домѣ городничіи требоваль отъ домохозяевъ, чтобы на всякой кровлѣ стоялъ чанъ съ водою, а возлѣ чана длинный шестъ съ навязанною мочалою; вотъ кто сдѣлалъ, а кто нѣтъ; кто поставилъ чанъ разсохнній, налилъ воду, а вода вытекла, кто и совсѣмъ воды не наливалъ; стоитъ — себѣ чанъ пустой; вѣдь городничему не на каждую крышу взлѣзать, да смотрѣть: налитъ ли чанъ водою. У Архипа Иванова было иначе; выбралъ онъ, правда, старый чанъ, да плотный, отмочилъ его, поставилъ на крышѣ, налилъ въ него воды, да еще золоты горстей пять приброесилъ, чтобы вода не гнила; а возлѣ положилъ длинный, длинный шестъ съ мочалою, да еще вымазалъ его дегтемъ и высушилъ на солнцѣ, ради прочности. Бывало каждое Воскресенье Архипъ Ивановъ послѣ обѣды и лѣзеть на крышу: все осмотритъ, и если вода усохнетъ, дольетъ чанъ и пойдетъ себѣ въ избу; а сосѣди бывало на него зубы точать, да скалять:

— Ну, полѣзъ Архипъ на крышу въ чану окуней ловить. А Архипъ и слышалъ

что смѣются, да мимо ушей пропускать. Да завелъ онъ въ домѣ еще такой порядокъ: взять топоръ, багоръ, веревку, да полдюжины большихъ рогожъ, да ведро, да длинную веревку, да желѣзную лопату и все положить въ особую конуру и строго запретилъ домашнимъ не замать, на какую бы то потребу не было. Лѣтомъ была сильная жара; все высохло, словно труть стало; ночью собралась гроза и ударила въ сосѣдній домъ, домъ загорѣлся: пошла тревога въ городѣ; пока прѣехали трубы, галки отъ вѣтра такъ и полетѣли во все стороны; полетѣть, полетѣть черезъ улицу, да брякъ на крышу, то одинъ, то другой домъ загорится въ разныхъ мѣстахъ: такъ, что пожарные не знаютъ куда и кинуться; а Архипъ Ивановъ, не крича, не сѣбя, тотчасъ распорядился; взять рогожи, обмакнуть ихъ въ воду и повѣсить на домъ, съ которой стороны вѣтеръ былъ; одного сына поставить у колодца, и говорить: — Ты, Петрушка, съ мѣста не сходи, все, воду качай; а другому дать въ руки ведро и говорить: а ты, Павлушка не зѣвай, то и дѣло изъ ведерки на рогожи плескай. Бабамъ дать въ руки багоръ, да лопату и примолвить: — если головня упадетъ, то одна отгаскивай дальне багромъ, а другая или водой, а не

то мѣсто землею забрасывай, — брату дать въ руки топоръ, да вѣдѣть отъ сосѣдняго двора заборъ валить, чтобъ огонь по забору не перенелъ; самъ же полѣзъ на кровлю, смотритъ уже на крышѣ двѣ, три головни вѣтромъ раздуваетъ; слова не молвя, Архипъ за шестъ съ мочалою, помочить въ чану и на головню, головня погасла, потомъ помочить еще, да хватъ другую; а межъ тѣмъ пожаръ отъ часу сильнѣе, галки такъ и летятъ на крышу, а Архипъ и усомъ не ведетъ, то ту, то другую прижметъ мокрой мочалою, и поминай какъ звали; такъ прошло часъ, другой, а кругомъ огонь такъ и деретъ: воды въ чану не стало хватать: Архипъ спустилъ съ крыши веревку, кричитъ: Палаушка, принеси ка мнѣ ведро, другое — пока чана не наполнить. Такъ онъ до полночи промаялся, — пока не перестало горѣть. Такъ вотъ за что Богъ его помиловать, за что и домъ Архиповъ до сихъ поръ стоитъ, хотя кругомъ пустырь пустыремъ!.. Ну да все это присказка, а сказка еще будетъ впередъ; да какую сказку вамъ рассказать; вотъ эту что ли:

— Не вчера, не сегодня, не близко, не далеко, жить бытъ мужикъ Агафонъ Смирidonовичъ; и нельзя похулить, быть мужикъ смысленный и работающій: на словѣ

честенъ; уже бывало, что скажетъ, — то вѣрь, что печатному; всякій крестьянскій промыселъ знать и порядокъ въ домѣ держалъ; одна за нимъ водилась бѣда: ино мѣсто стронтивъ очень былъ, а особливо подъ хмѣльную руку; а ино мѣсто все ему какъ съ гуся вода; хотъ амбаръ гори—едва съ мѣста пошевельнется; а ужъ за то, какъ осерчаетъ—такъ всякое лыко въ строку, и то не такъ, и это; и пятое, и десятое: ужъ подъ тотъ часъ куда больно доставалось женѣ его Василисѣ Перфильевѣ, чѣмъ ни пошло, такъ и хватить; а Василиса Перфильевна была бабенка недунная, робкая; ужъ какъ видить, что на Спиридоновича лихой часъ напелъ, какъ засядетъ въ закутъ, да и носа оттуда не показываетъ, пока не замѣтитъ, что у Спиридоновича сердце отлегло, а тогда ужъ ему все ни почемъ.

Да былъ у Спиридоновича съ Перфильевной сынъ лѣтъ пяти, по имени Ванька. Тутъ и вся семья ихъ была.

Строгъ былъ Агафонъ Спиридоновичъ, не любилъ никому потачки давать, особливо, говорю, подъ хмѣльную руку. А Ванька-то шаловливъ съ измаленьку былъ; да на бѣду и Агафонъ то Спиридоновичъ не толковать. Бывало Ванька, извѣстно дѣло дѣтское, —

сидитъ у заваленки, да камешкомъ въ каменекъ постукиваетъ; ино мѣсто Спиридоновичъ мимо пройдетъ, слова не молнитъ, а ино мѣсто ни съ того, ни съ чего хватъ Ваньку за виски, да ужъ таскаетъ, таскаетъ, зачѣмъ винъ Ванька въ избѣ не сидитъ. А Перфильевна, баба жалостливая, какъ Спиридоновичъ побьетъ Ваньку, за дѣло-ли, за не дѣло-ли, а Перфильевна, Ваньку въ закутъ, да ну его утѣшать, да пряниками кормить. Такъ ужъ Ванька и пріобыкъ. Мало было въ этомъ толка; не въ попадъ приходились, ни строгость, ни баловство. Разъ и Перфильевна на Ваньку осерчала: Ванька забрался на заборъ, да ну оттуда камнями пшырять того и смотри, что въ голову кому попадетъ. Перфильевна взяла прутъ, да и ну Ваньку стегать, чтобы съ забора сошелъ. а Спиридоновичу жалко стало, какъ прикрикнетъ на бабу:—что ты! аль тебѣ свое рожденіе не мило? эка бѣда, что малый балуетъ—съ того растетъ. Такъ и зачастую бывало. Отъ того Ванька подросталъ, а ума не наживалъ. Вотъ наступилъ Ванькѣ десятый годъ. Разъ вымолвилъ Спиридоновичъ,—а что Перфильевна, вотъ у насъ на селѣ Никола такая завелась, гдѣ грамотѣ учатъ; я думаю, да гадаю, чтобы и Ваньку-то въ ученье отдать; винъ люди то умны стали,

трудновато на свѣтъ безъ грамоты жить. Какъ завопитъ Перфильевна: — ахъ ты, свѣтъ—ты мой батюшка, Спиридоновичъ! что тебѣ на умъ пришло—дѣтице мучить? дѣтице молодое, неразумное, гдѣ ему грамоту понять; вотъ погоди, подрастетъ, самъ научится.—А Спиридоновичъ, чѣмъ бы на глуую бабу прикрикнуть, еще поддакнулъ ей; видно на него тихій часъ напалъ: и выпрямъ, говоритъ, что дѣтице мучить; подрастетъ, самъ научиться можетъ. А Ванька подрасталъ, а ума не набивалъ, хоть отъ отца и часто ему потасовка бывала, ино не за дѣло. То закричитъ на Ваньку: зачѣмъ овса коно не подсыпалъ? а коли насыпано, кричитъ:—кто тебѣ велѣлъ въ дому распоряжаться? и за то и за другое потасовка, то есть, если Спиридоновичъ осерчаетъ; да ужъ если осерчаетъ, такъ тузитъ Ваньку чѣмъ ни понало и ложкой и плонкой, а ино мѣсто и полѣномъ. Ужъ бывало сосѣди Спиридоновичу толкуютъ:—что ты малаго то увѣчишь; вѣдь ты изъ него полѣномъ всю память выбьешь. А Спиридоновичъ въ отвѣтъ:—ничего!—уму учу, за битаго двухъ не битыхъ даютъ.

Такъ смекалъ Спиридоновичъ, да не такъ вышло. Онъ Ваньку такъ застращалъ, что бывало какъ отецъ спроситъ его о чемъ,

Ванька выпятитъ глаза, ротъ разинетъ и не знаетъ, что отвѣчать, потому что, въ иной разъ, идетъ за все потасовки.

Чѣмъ больше Ванька глупѣлъ, тѣмъ больше Спиридоновичъ серчалъ. Бывало выгонитъ Ваньку на поле съ сохою, Ванька выѣдетъ на поле, да и разинетъ ротъ: какъ пахать съ той, или другой стороны? отсюда начать—можетъ не въ угоду батькѣ—побѣетъ; и отсюда начать можетъ не въ угоду батькѣ будетъ, — опять побѣетъ. И стоитъ Ванька въ раздумьи цѣлый день; къ вечеру прѣдетъ Спиридоновичъ, поле не вспахано.—Да что-жъ ты, дурень дѣлать? спроситъ, а Ванька въ отвѣтъ: — да я не зналъ батька съ какой стороны тебѣ въ угоду будетъ.—А Спиридоновичъ такъ и вселеснетъ руками да и векрикнетъ: — за что меня Богъ такимъ дурнемъ наказать!— Вотъ всегда то такъ человекъ на Бога ропщетъ, а то ему не въ домекъ, что самъ безтолковъ, да и сына-то безъ толка тузилъ.

И чѣмъ болѣе Ванька подрасталъ, то болѣе дурнемъ становился.

У Спиридоновича возлѣ огорода прудинько было, и рыба въ немъ водилась, да мало. Спиридоновичъ смекалъ, какъ бы въ немъ рыбы побольше развести, купилъ изъ большаго пруда рыбы, да и пустилъ ее въ

своей прудинко. Ванька, какъ увидѣлъ рыбу, подумалъ, что отецъ ему уху заварить, ужъ заранѣе облизывался, потому что сластенъ былъ; но какъ отецъ началъ рыбу въ прудъ валить, Ванька какъ побѣжить въ избу, какъ завопить благимъ матомъ: — матка! матка! бѣда и только, батка рыбу тонитъ!— а matka: какъ это, сокровище мое ненаглядное!—А Ванька въ отвѣтъ: а какъ же, отецъ рыбы накушилъ живой, да теперь чѣмъ бы на уху, и тонитъ ее въ пруду, а рыба-то такъ и бьется сердечная.—А matka-то вмѣсто того, чтобы малаго вразумить, ну его гладить по головкѣ, да приголубливать; а на ту пору отецъ шастъ въ избу, какъ слышалъ, что Ванька гуторитъ, чѣмъ бы также его вразумить, Спиридоновичъ его за виски, потаскать, потаскать, да тѣмъ и дѣло покончить; а Ванька то все таки не разобралъ, зачѣмъ Спиридоновичъ рыбу въ прудъ тонилъ.

Вотъ разъ Спиридоновичъ говоритъ Ванькѣ:—эй, ты, дурень! заложилъ ка чалую, да поѣзжай ка на мельницу; возьми у мельника два куля муки, поѣзжай не мѣшкай; мельникъ сказалъ, что послѣ полудни онъ отлучится, а у насъ къ завтраму муки не хватитъ, хоть безъ хлѣба сиди. Не мѣшкай, дурень да безъ кнута не ѣзди,—слышишь?

Ванька разинулъ ротъ,—оторопѣлъ, однако пошелъ за лошадей, а Спиридоновичъ поѣхалъ въ поле, къ полудню воротился Спиридоновичъ, посмотрѣлъ на дворѣ, чалаая стоитъ запряжена.—Гдѣ жъ, Ванька? привезъ муку то—чтоли? Нѣтъ ни Ваньки ни муки. Вотъ и полудни прошли, вотъ и смеркаться стало, а Ваньки все нѣтъ. Спиридоновичъ и ума приложить не можетъ. Ужъ къ ночи вышелъ на дворъ, а Ванька ходитъ вокругъ лошади.—Что ты дурень, гдѣ же мука, привезъ что ли?

— Нѣтути, говоритъ Ванька,—сейчасъ поѣду за мукой. Какъ вскрикнетъ Спиридоновичъ:—ахъ, ты дурень, дурень! Да что же ты по сию пору дѣлалъ?—А Ванька въ отвѣтъ:—да видишь ты, батъко, я кнутъ потерялъ.

— Ну такъ что же, спросилъ Спиридоновичъ.

— Да то, батъко, что ты не велѣлъ безъ кнута ѣздить, такъ я вотъ съ самаго утра все кнута искалъ,—и ни ѣлъ ничего,—ни сѣна пороха во рту не было—вотъ только теперь въ телегѣ нашелъ.

Спиридоновичъ такъ и размахнулъ руками, да и пошелъ прочь.

Такъ и за частую бывало. Что не скажетъ Ванькѣ, онъ или ровно ничего не пойметъ, или сдѣлаетъ на выворотъ.

Разъ ночью Ванька лежитъ, на полатяхъ, да вопить: ай! пить хочу, ай жажда замучила—вотъ хоть бы капельку воды—горло промочить... да знай себѣ вопить, а съ полатей не пошевелинется.

Спиридоновичъ слушалъ, слушалъ, да какъ вскрикнетъ:—Ванька! принеси ка мнѣ ковшъ воды, да скорѣе, а не то кнутомъ тебя, дурня!

Ванька соскочилъ съ полатей, какъ встрепанный, зачерпнулъ ковшъ воды и принесть Спиридоновичу.

— Ну, пей же теперь, дурень, промолвилъ Спиридоновичъ,—да полно вопить.

Ванька напился, а все не въ домекъ ему было, какъ онъ прежде того не догадался.

А ино мѣсто, особливо, какъ Спиридоновича дома нѣтъ—Ванька—и такъ сидеть въ углу, да и вопить—на всю избу. Вотъ Перфильевна къ нему:—что ты, Ванька, ѣсть что-ли хочешь?—Нѣтъ!—Пить что-ли хочешь?—Нѣтъ!—Спать что-ли хочешь?—Нѣтъ! Да чего же ты хочешь?—Вопить хочу! А Перфильевна Ваньку по головкѣ, да приговаривать:—ахъ ты сокровище мое ненаглядное! Ужъ не испортилъ-ли кто тебя? Ужъ у тебя это не съ глаза ли? А Ванька и того больше вопить, индо сосѣди сбѣгались.

Такъ то жилъ, да поживалъ Ванька-Ротозѣй, ни родителямъ въ угоду, ни себѣ во спасенье. Вотъ Ванькѣ исполнилось двадцать лѣтъ съ годомъ. У Спиридоновича лошадь пала; а дѣло шло къ веснѣ. Спиридоновичъ собралъ деньжонокъ, да и смекалъ бы въ базарный день въ городъ ѣхать лошадь купить; и городъ-то былъ недалеко всего верстъ десять. Принесли базарный день,—а Спиридоновичъ болѣлъ. Дѣлать нечего; говоритъ Ванькѣ: слушай ты, Ванька, не вѣкъ тебѣ ротозѣемъ быть; послужи ка службу: съѣзди на базаръ въ городъ, да купи мнѣ коня; да не то, чтобы мудрена, однако слышь ты, чтобы заправскою былъ, двадцать цѣлковыхъ заплати, да смотри, чтобы до города пудовъ двадцать тащилъ, не былъ бы лѣннвъ и на тѣлѣ никакого изъяну не было. Вотъ тебѣ и деньги; смотри не потеряй. Хорошо купишь, шапку тебѣ новую подарю; дурно купишь — побью. А вотъ сосѣдъ Кирилловичъ до города тебя доведетъ.

Ванька слушаетъ словно разумный человѣкъ; деньги получилъ, заткнулъ кушакъ за поясъ и пошелъ въ городъ съ сосѣдомъ Кирилловичемъ.

Идутъ они путемъ дорогою; вотъ дошли до перекрестка, а на встрѣчу имъ пырь

барышникъ съ лошадыю, тоже въ городъ на базаръ гонитъ. Ну калыкать о томъ, о семъ. Узналъ барышникъ, что Ванька лошадь покупаетъ; да чѣмъ тебѣ въ городъ идти, говоритъ, — вотъ на, купи лошадь — эдакой лошади рѣдко достать. И Кирилловичъ говоритъ:—славный конь,—кабы нужда была и я бы купилъ.

— Да ужъ какой конь говоритъ барышникъ—что либо два;—ну покупай что-ли малой; чтобы въ городъ не ѣхать дешево отдамъ,—всего восемнадцать цѣлковыхъ.

— Нѣтъ, говоритъ Ванька, намъ такой конь не годится.

— Отчего же не годится? спросилъ барышникъ.

— Отъ того, что батька велѣлъ за коня двадцать цѣлковыхъ заплатить.

— Что ты? Что ты? закричалъ Кирилловичъ, какой же въ тебѣ толкъ, Ванька? отецъ велѣлъ добраго коня купить, а меньше заплатить, отецъ похвалитъ.

— Да толкуй ты себѣ—вѣдь батька-то не свой братъ; не много не по немъ - больно прибить.

Между тѣмъ барышникъ смекнулъ, что Ванька за птица, да и говоритъ: — да что о томъ толковать; я не заспору, я пожалуй и двадцать цѣлковыхъ возьму, а конь

стоитъ этой цѣны, рѣдкостный конь, пудовъ тридцать до Москвы не кормя довезетъ.

А Ванька въ отвѣтъ: „Нѣтъ и этого мнѣ не придется; батька сказалъ, купи такого коня, чтобы до города пудовъ двадцать тащилъ, а не то, что до Москвы.

Барышникъ посмотрѣлъ на Ваньку, усмѣхнулся, пристегнулъ коня и поскакалъ въ городъ.

А Кирилловичъ Ваньку ругаетъ:—экой ты неразумный! али не можешь въ толкъ взять, что если конь до Москвы, такъ и до другого города довезетъ.

А Ванька:—да, толкуй, Кирилловичъ; съ батькой не сговорились; какъ почнетъ бить, ты своихъ боковъ не бошь не подставишь.

А Кирилловичъ ему: ахъ, ты, дурень! дурень! за что отцу бить, если хорошаго коня купишь.—Упустилъ, дурень, упустилъ. На базарѣ такого коня не сыщешь.

Ванька и держитъ отвѣтъ: ты что ни толкуй, а я только то знаю, что батька велѣлъ мнѣ на базарѣ за двадцать цѣлковыхъ коня купить, да коня такого, чтобы отъ нашей деревни до города двадцать пудовъ тащилъ. На томъ Ванька и рѣчь свою ставилъ, а Кирилловичъ только головою помахивалъ.

Вотъ пришли они въ городъ. Кирилловичъ привелъ Ваньку на базаръ, а самъ

пошелъ по своему дѣлу.—Ванька на базарѣ и ротъ разинулъ, посматриваетъ изъ стороны въ сторону. Вотъ видитъ у кабака весельчакъ, малый такой разбитной, шапка на бекренѣ, розказни рассказываетъ, а кругомъ его парни стоятъ да усмѣхаются. Ванька подошелъ къ кружку, и больше того ротъ разинулъ, слушаетъ; а весельчакъ то со стороны на сторону повертывается.

— Что, говоритъ ребятамъ, вина выпить что-ли и вамъ поднести? нѣтъ сегодня я и пить не пью, и подносить не подношу...

— А отчего бы такъ? — спрашивали ребята.

— Я отъ того, что у меня на то три резона есть: первое то, что я вина въ ротъ не беру; а второе то, что сегодня день не такой;—а третье то, что я ужъ полнитофа выпилъ! а подносить, пожалуй, подносите.

Ребята захохотали, а Ванька то и того больше ротъ разинулъ: что—де такое онъ говоритъ?

А тѣмъ часомъ весельчакъ его замѣтилъ, да какъ вскрикнетъ: а ты что стоишь ротозѣй? чего тебѣ надобно?

Ванька оторопѣлъ, да и говоритъ, мнѣ батка велѣлъ на базарѣ коня купить...

— А денегъ много далъ?

— Да двадцать цѣлковыхъ!

— Ай да батька! Какъ такому лихачу не дать двадцать цѣлковыхъ. Хочешь я тебѣ удружу; пойдемъ въ кабакъ, у меня тамъ такіе кони стоятъ, что языкъ проглотилъ...

— Нѣтъ, говоритъ Ванька, мнѣ батька велѣлъ не въ кабакъ, а на базарѣ коня купить...

Весельчакъ мигнулъ товарищамъ, да и говоритъ: а по мнѣ какъ хочешь — не совать мнѣ тебѣ коня въ горло; да я не только что коней продаю, я и на другія хитрости поднимаюсь. Вотъ видишь ты на землѣ грошъ положи; синой къ нему повернись, а другой грошъ чрезъ голову кину и прямо на тотъ грошъ попаду.

— Ой ли? закричатъ Ванька.

— Давай объ закладъ о гривнѣ—отвѣчайтъ весельчакъ.

А Ванька спрашиваетъ у парня, что стоялъ возлѣ него „что такое закладъ“?

— А то, отвѣчаетъ парень, что если онъ не попадетъ грошъ на грошъ, такъ тебѣ заплатить гривну...

— А если попадетъ?

— Ну такъ вѣстимо ты заплатишь гривну.

А Ванька въ отвѣтъ: нѣтъ, боюсь, какъ попадетъ не равно...

— Гдѣ попасть,—говоритъ парень, дер-

жи, вишь онъ подгулялъ; даромъ гривну возьмешь.

Между тѣмъ весельчакъ точитъ себѣ ляссы, да прикрикиваетъ:—эй, держишь, что ли, молодецъ!

А Ванька только ротъ разѣваетъ, да дивуется.

Вотъ весельчакъ положилъ грошъ на землю, повернулся къ нему спиной; другой грошъ черезъ голову кинулъ,—а на грошъ не попалъ.

— Ахъ, оплошалъ говорить, ну нечего дѣлать, ротозѣй выигралъ,—вотъ тебѣ гривна; я малый честный.

А парни то вокругъ него:—ай да молодецъ—ротозѣй—гривну выигралъ! То то молодецъ!

Ванька взялъ гривну, самъ не знаетъ, какъ она ему досталась, а между тѣмъ радехонекъ, что гривну даромъ взялъ.

— Ну, говоритъ весельчакъ, осматриваясь,—дай еще счастья попытаю. Слыньты, ребята, вотъ у меня мѣра овса въ мѣшкѣ, такъ вотъ слушайте, эту мѣру овса я въ два такихъ же мѣшка положу и оба полны будутъ.

Ваньку раззадорила гривна. Ой-ли вотъ не положишь! закричалъ онъ.

— Давай объ закладъ о цѣлковомъ, что положу?...

— И оба мѣшка полны будутъ?

— Оба мѣшка полны будутъ!

— И одной мѣрой овса?...

— Одной мѣрой...

Разобрало Ваньку:—эхъ, ты, думаешь, куда не шла... взялъ гривну даромъ—хорошо, а какъ еще цѣлковый возьму еще лучше будетъ.

— А весельчакъ-то къ нему: ну держишь, что ли? говори, а не то, прочь поди.

Помялся, помялся Ванька, почесалъ затылокъ и выговорилъ:—ну держимъ-ста!

— Слышали ребята, — сказали весельчакъ, — ну смотрите жъ въ оба.

Весельчакъ взялъ мѣшокъ съ овсомъ, а другой пустой; Ванька подошелъ поближе чтобы посмотрѣть какъ онъ одну мѣру въ два мѣшка насыплетъ. А весельчакъ взялъ мѣшокъ съ овсомъ, да и всунулъ его весь какъ былъ въ пустой мѣшокъ: вотъ говоритъ, одна мѣра овса въ двухъ мѣшкахъ и оба полны.

— Пронгралъ рстоэѣй! закричали парни—плати Петрункѣ цѣлковый.

Ванька туда, сюда, а парни обступили его, смѣются, да кричатъ:—плати, плати! развязывай мошину! бился объ закладъ, такъ плати!—вишь-ты, выигралъ гривну, такъ взялъ; а какъ пронгралъ, такъ на понятный дворъ.

Нечего было дѣлать. Ванька развязалъ мошну и самъ не свой, вынулъ изъ нея цѣлковый, отдалъ Петрункѣ, да такъ и залился слезами. А тѣмъ часомъ парни подъ руки его подхватили, да и говорятъ:—Пойдемъ въ кабакъ магарычи запивать.

И увели бы они его въ кабакъ, и остальные бы девятнадцать цѣлковыхъ тамъ бы Ванька убилъ; да на ту пору, землякъ мимо корову гналъ; а землякъ тотъ съ Ванькою были погодки и звали его Емельяномъ; малой молодой, да такой расторопной. Увидѣлъ онъ Ваньку у кабака, подошелъ къ нему, дернулъ его за руку, да какъ крикнетъ на парней:—что вы обижаете?

А парни въ отвѣтъ:—мы не обижаемъ, а въ кабакъ ведемъ...

Емельянъ свос.—Не зачѣмъ ему въ кабакъ идти.

— А тебѣ то что, закричалъ Петрунка.

— А то, отвѣчалъ Емельянъ, что Ванька мой землякъ—и нечего ему съ вами водитъся.

Сказалъ Емельянъ, да и выдернулъ Ваньку изъ толпы. Парни захохотали, да въ кабакъ побрели.

А Емельянъ Ванькѣ:—какъ ты къ такимъ плутамъ въ руки попалъ: вѣдь это знаешь, бражки такіе,—что нѣтъ хуже ихъ на свѣтѣ.

Ванька разсказалъ ему всю свою бѣду, да и ну вопить: какъ ему теперь и коня кунить, какъ и къ отцу безъ цѣлковаго на глаза показаться.

Емельянъ былъ такой жалостливый: — эхъ, Ванька, полно вопить; хорошо, что ты мнѣ на глаза попался; у меня отъ доброй покупки деньги остались; я тебя, пожалуй, цѣлковымъ ссужу, какъ разбогатѣешь, заплатишь.

У Ваньки, какъ гора съ плечъ, да какую же ты, отецъ родной, покупку сдѣлать.

Да вотъ, говорить, батька посылать корову покупать, да далъ двадцать цѣлковыхъ, а я славную коровенку досталъ за восемнадцать.

— Ну да какъ же ты Емельянъ покупалъ?

— Ну вѣстимо какъ, смотрѣлъ, да выбиралъ...

— А меня отецъ съ измаленька училъ, о какой примѣтѣ хорошую скотину узнавать, какое вымя должно быть, какая голова, какія ноги и все прочее.

— А больно отецъ бивалъ?

— Ну не безъ того, когда въ малолѣткахъ бывалъ, бывало за шалость и стегнетъ розгой, да потомъ, какъ отдалъ онъ меня въ школу, выучился я грамотѣ и

сталъ въ разумъ входить, всякую шалость бросить, хозяйствомъ занимаюсь, да по цифри счеты у отца свожу; съ тѣхъ поръ отецъ меня хоть бы пальцемъ.

— Ну да скажи пожалуй, Емельянъ, какъ бы и мнѣ такъ поступать, чтобы отецъ меня не билъ?

— Старайся, Ванька, отцу угождать, будь ему въ домѣ на пользу, что говорить, слушай, не забывай, умѣй все приберечь, а ино мѣсто и барышъ отцу добыть... Однако пора къ домамъ... корову-то не то, что коня-то выбрать...

— Ну, Ванька, отвѣчалъ Емельянъ, однимъ разомъ этому не научишь, ты хоть смотри того, чтобы на тѣлѣ то у него изъяна не было, пошелъ бы я съ тобой, если бы не коровенка... боюсь запоздать. Видѣлъ я тамъ на концѣ саврасая стояла, кажись добрый конь, — только не разсмотрѣлъ я его хорошо: посмотри поближе, можетъ быть и годится...

Емельянъ погналъ корову домой, а Ванька пошелъ опять на базаръ, нашелъ саврасую—глядь, а возлѣ нея стоитъ знакомый барышникъ. Узналъ онъ Ваньку. А Ванька ходитъ вокругъ лошадей, да поговариваетъ: „надобно мнѣ лошадь такую, чтобы на тѣлѣ изъяна не было.—Вотъ хо-

зяннѣ, саврасой говоритъ: да чего тебѣ лучше моей саврасой, славный конь и не дорого возьму, всего восемнадцать цѣлковыхъ.

А барышникъ шепчетъ Ванькѣ: посмотри-ка у нея тѣло съ изъяномъ—ухо распорото.

Ванька посмотрѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, у саврасой ухо было съ мѣткой, распорото.— Нѣтъ, говоритъ хозяину, братъ, насъ не обманешь; батька не велѣлъ лошадь съ изъяномъ покупать, а у твоей ухо распорото,—сказалъ, да и пошелъ прочь.

А барышникъ за Ванькой:—хочешь, говоритъ, я тебѣ удружу, я тебѣ такого коня продамъ, что ужъ никакого изъяна нѣтъ: за полицѣны изъ дружбы уступлю; всего двадцать цѣлковыхъ возьму, да еще тебѣ цѣлковый прикину.

Ванька и ротъ разинулъ. Пошелъ за барышникомъ къ тому мѣсту гдѣ его кони стояли. Вывелъ барышникъ коня гнѣдаго, да кнутомъ его подстегиваетъ:—видишь ты, говоритъ, какой конь, индо на дыбы становится, молодой добрый конь; смотри ка, что за чернь на зубахъ, шести лѣтъ ему нѣтъ, а хвостъ то какой, одинъ хвостъ двухъ цѣлковыхъ стоитъ. Ужъ такого коня на всемъ базарѣ не найдешь, хоть до вечера ходи.

Подумалъ, подумалъ Ванька, да и хлопъ по рукамъ съ барышникомъ, отдать ему двадцать цѣлковыхъ; а тотъ ему цѣлковый прикинулъ, да говоритъ:—видишь ты, какъ тебя уважаю, а ужъ и ты меня штофомъ вина уважь.

Такъ и сдѣлалъ. Тѣмъ часомъ подошелъ Кирилловичъ; Ванька сѣлъ на коня, ну его погонять, конь ни съ мѣста.

— Ахъ бѣда, говоритъ Кирилловичъ, обманули тебя, конь то добрый, лѣнивый. —Что ты, отвѣчаетъ барышникъ, усмѣхаясь, какой лѣнивый! онъ только эдакъ, знаешь... на память слабъ забываетъ, что везти надобно.

— Подай деньги назадъ! кричитъ Ванька.

— Что ты, говоритъ барышникъ, на дурака, чтоли напалъ? Ты покупалъ, я продавалъ. Какъ продано, такъ тому и быть.

Тутъ барышникъ принялся стегать кнутомъ коня, сдвинуть его съ мѣста, поѣхалъ Ваня шашкомъ, и Кирилловичъ за нимъ поплелся; какъ вышли изъ города, тутъ и пошла потѣха: конь-то былъ съ норовомъ: идетъ, идетъ да остановится, хоть ты что хочешь съ нимъ дѣлай, пока не образумится. Ужъ кое какъ добрались до деревни. Какъ увидѣлъ Спиридоновичъ коня, такъ и всплеснулъ руками:—что ты его съ живодерни

что ли привести: да чего жъ ты смотришь? вѣдь этому одру годовъ, я чай думаю, двадцать сличкомъ!

— Нѣтъ говорить Ванька и чернь на зубахъ...

— Какая тебѣ чернь, зубы-то выжжены; какая тебѣ чернь, или не видишь...

— Какъ зубы выжжены, толкуетъ Ванька, зубы все тутъ до одного какъ слѣдуетъ.

Иногда заплакать бѣдный Спиридоновичъ, услыхавъ такія рѣчи.

А Ванька къ Перфильевнѣ, а Перфильевна къ Ванькѣ: — ни въ чемъ бы-то тебѣ дитятко, таланту нѣту, говорить. Не доведется тебѣ никакъ батькѣ угодить. То и говорить, то и твердить, что отъ тебя родимый какъ отъ козла, ни шерсти ни молока.

Съ тѣхъ поръ и сидѣлъ Ванька на печи: жарко станетъ, на палати перелѣзетъ; холодно станетъ, опять на печь полѣзетъ; сидѣлъ, да думушку думалъ...

Вотъ разъ приходитъ Ванька къ Перфильевнѣ. — Правду ты говоришь, матушка, что ни въ чемъ мнѣ таланту нѣтъ. Вотъ Емельянъ все мнѣ толкуетъ, что долженъ я отцу угождать, въ работѣ помогать и барышъ ему доставлять, а какъ тутъ быть? Хорошо Емельяну толковать; онъ и гра-

мотный, и работу всякую знаетъ, куда хочешь его поверни; а вотъ у меня безталаннаго такъ все изъ рукъ валится; а какъ видишь что ничто неспорится, такъ тоска возьметъ, да сонъ одолѣетъ, все бы зѣвалъ да потягивался,—а межъ тѣмъ все такъ и думаю, какъ бы отцу барыню достать, думать, думать matka, да и выдумать недурное.

— А что такое, дитятко, спросила Перфильевна, скажи ка?

— Да вотъ что, мамка, вотъ ужъ я слышала, что ужъ нельзя такого барыню достать, какъ кладъ сыскать.

— Ахъ сокровище мое, да какъ же кладъ то найти? Вотъ хорошо бы!

— А вотъ matka, въ городѣ говорятъ, что знахарка есть, что кладъ указываетъ, сходить посоветываться, да съ пустыми-то руками и не ходи.

— То еще не бѣда, дитятко, что на деньгу пошла, отвѣчала Перфильевна.

На другой день ранымъ ранешенько снарядила она Ваньку въ городъ, и конецъ холста и нитокъ мотокъ и полтину денегъ припасла она ему для знахарки, а чтобы не проголодался хлѣба краюху, да соли, да толкна, да ложку съ иложкой въ кузовъ Ванькѣ положила.

Вернулся Ванька изъ городу, да и го-

воритъ: Ну, matka, добрую вѣсточку при-
нестъ, только не говори пока отцу.

— Вотъ вспрыснула меня водицей, да и
говоритъ: нѣтъ, никакого въ тебѣ таланту
нѣту. Ужъ пошелъ ты дурнемъ, такъ тебѣ
и вѣкъ вѣковать; ни на что ты не годящъ,
мой родимый, и что тебѣ не толкуй все
какъ горохъ объ сѣну; а кладъ найденъ,
ужъ это у тебя на роду написано. Вотъ я
ей:—давно ужъ, бабушка, охота беретъ, да
какъ его отыскать? а она въ отвѣтъ: ужъ
объ этомъ не печалься, я помогу. Слушай-
же, да обѣими ушами ни слова не пророни!
Не бѣда кладъ найти, а бѣда бѣлую ворону
поймать. Замѣть, гдѣ въ поволунье и въ
полнолуныя вороны садятся, да кругомъ того
мѣста три раза задомъ обойди, такъ бѣлая
ворона прямо къ тебѣ въ тенеты сама при-
летитъ. А ты ее тогда за хвостъ ухвати и
перо у ней изъ хвоста вытащи, а то перо
дивное, куда съ нимъ не пойдешь, вездѣ съ
собой носи: какъ почувешь, что перо забьется,
такъ на томъ мѣстѣ и копай землю, а ужъ
тутъ и хватай! такъ полтинники и рублеви-
ки и начнутъ подъ руками кататься. Только
смотри, того припорови, чтобы къ самому
поволунью и полнолуныю къ воронамъ при-
йти: рано придешь. А ужъ у тебя на роду
написано, чтобы кладъ найти...

Разъ возьми, Ванька, гдѣ насажены были овощи, увидать бѣлаго голубя, подумать что это ворона въ него обернулась, погнался за нимъ, отъ него упало неро, оно закружилось надъ грядами, онъ давай все гряды сворачивать. Да и не одинъ разъ. И пойдеть Ванька въ огородъ, и роетъ, и роетъ, словно добрая лошадь, а Соломенна навозъ на гряды возитъ, да всякую овощъ садитъ, а посеетъ, въ городъ продастъ, да деньги въ кубышку кладетъ, а добрые люди ходятъ мимо, да приговариваютъ: — не надобень класть, если у мужа съ женою ладъ!

Вотъ и сказка, какъ Ванька—Ротозѣй жилъ, да поживалъ, отъ чего ему такое прозвище пошло, какъ онъ клادا искалъ и какъ его нашелъ!

XXXII.

Котъ въ сапогахъ.

неизвѣстно, въ какой странѣ, далеко за синимъ моремъ, въ приморскомъ богатомъ городѣ жилъ знаменитый воевода. Онъ былъ любимъ и уважаемъ царемъ; а богатству его и смѣты не было.

Все этого боярина боялись и уважали,

какъ любимца царскаго. На кого, бывало, онъ нахмурить брови, тотъ не думаетъ живымъ ужъ быть.

Жить онъ довольно долго холостымъ и наконецъ, ему наскучила до смерти его одинокая роскошная жизнь. Вотъ и сталъ онъ думать, какъ избѣгнуть одиночества, и наконецъ рѣшилъ обзавестись молодой женой. И, разумѣется, богатымъ—не вино курить, не пиво варить, задумано—сдѣлано; и выбралъ онъ себѣ жену молодую, красавицу, и началъ жить съ ней пригѣваячи, грусть кручину забываячи.

На первый годъ супружества даровать Господь имъ сына, красавца не описаннаго: во лбу у него свѣтитъ красное солнышко, глаза словно яркія звѣздочки, а въ затылкѣ блеснитъ золотая луна. Воевода съ этой радости принялся давать пиры друзьямъ съ ранняго утра и до поздняго вечера. Въ его бѣлокаменныхъ палатахъ ходили чарочки по столікамъ и гремѣла громко музыка, пѣлись пѣсни все военныя.

Поворожденному всякій желать почестей, долгую жизнь, славу громкую, а кто желать ему счастливое супружество. Наконецъ послѣдній изъ гостей всталъ и, подошедши къ столу, взять чару съ виномъ и сказать: „нью во здравіе хозяина и за здра-

вѣ всѣхъ честныхъ гостей, а на зубокъ новорожденному я долженъ правду сказать: зацвѣтетъ онъ точно маковъ цвѣтъ, заблеститъ, какъ солнце красное, будетъ силенъ и уменъ, и достигнетъ въ жизни почестей, какихъ трудно вымолвить словами“.

Этому старику отвѣсили по поклону всѣ гости; а онъ вздохнувши, продолжалъ: „судьба новорожденного будетъ завидная, славная! его ждуть царскіе чертоги, золотой вѣнецъ ему готовится; но до тѣхъ поръ, пока все это сбудется, онъ долженъ будетъ перенести много горя и несчастія. Не будетъ жить онъ въ своей родинѣ и помогать отцу въ старости; матери родной черезъ него придется много плакать“.

Года идутъ своимъ порядкомъ, и Иванъ, боярскій сынъ, сталъ расти не по днямъ, а по часамъ, такъ что въ десять лѣтъ отъ роду онъ казался двадцатилѣтнимъ юношею. Лицомъ былъ красавецъ, словно дѣвушка, а собою прямой богатырь, а звать его стали уже не Ванюшкой, а Иваномъ Ивановичемъ.

Сталъ онъ ходить на царскій дворъ и играть тамъ съ другими боярскими дѣтьми; только всѣмъ дѣтямъ его игрушечки казались не по сердцу: кого, бывало, схватитъ за руку—у того руки какъ не было, а кого

бывало, схватить за волосы, у того голова прочь отъ плечъ.

И дошли всѣ эти его шутки и игры до ушей царя. Пришли во дворецъ къ государю всѣ его вѣрные бояре и унавиши въ ноги сказали: ване царское величество, не велите казнить людей своихъ, а велите слово молвить: у васъ, надежда царь, въ государствѣ есть воевода знатный, сильный и любимецъ твой; у того же боярина есть сынъ, красавецъ неописанный; и повадился этотъ боярскій сынъ часто жаловать на царскій дворъ, сталъ заводить тамъ игры дѣтскія съ нашими дѣтками, которыя оказались имъ не по сердцу: кого ухватить за руку—рука прочь, кого за голову—тоже и голову долой. Просимъ тебя, великій Государь, повели его выслать совсѣмъ изъ земли своей, а не то придется намъ самимъ со своими семействами искать счастья въ чужихъ краяхъ.

Царь, услышавъ слезныя рѣчи своихъ бояръ, разсердился на Иванушку и призываетъ къ себѣ отца его и даетъ ему строгое приказаніе, чтобы онъ выпроводилъ своего сына, черезъ три дня, изъ города; а не то велитъ казнить его безъ пощады злою смертію.

Затушить знаменитый бояринъ и, уда-

ривши челомъ царю, пошелъ отъ него къ своей женѣ и разсказалъ ей кручину свою, царское приказаніе насчетъ единственнаго дѣтища. Потомъ они принялись собирать сына своего въ дальнюю сторону.

Ваня, видя слезы матери и печаль отца, своего, отвѣчалъ имъ съ улыбкою: о чемъ ты, матушка, кручиннишься? о чемъ вы льете слезы горькія? Лучше бросьте свою печаль и тоску, а благословите меня въ дальній путь,—и ваше родительское благословеніе меня всюду будетъ охранять.

Потомъ, подошедши къ отцу, сказалъ ему: „родимый батюшка! не горюй, не плачь ты обо мнѣ, а только дай мнѣ коня богатырскаго, и прощай! я поѣду странствовать“.

И пошелъ онъ на конюшню выбирать себѣ коня. Ходилъ онъ цѣлыхъ два часа по всѣмъ конюшнямъ, но не могъ нигдѣ добыть коня себѣ, ни одинъ не годился для него: хоть другой и на видъ добрый конь, а погладить его Ваня рукою—конь на колѣни опускается. Потерявъ всякую надежду найти себѣ по сердцу коня онъ, пошелъ въ самую послѣднюю конюшню. Входитъ тихо, пригорюнившись, и что же видитъ?—стоитъ вороной конь на трехъ цѣпяхъ прикованный, смиренно стоитъ и не ѣстъ бѣлоярую пшеницу, и не пьетъ медоваго поѣла.

А копыты у коня подбиты крупнымъ жемчугомъ. Глаза яркіе, какъ звѣзды, грудь широкая, грива золотистая. Увидавши его, Ванюша закричалъ могучимъ голосомъ: охъ ты, мой добрый конь! знать, не даромъ я столько времени искалъ тебя! а теперь ужъ не разстануся!

Конь, услышавъ голосъ витязя, ударилъ копытомъ о сырую землю и весело потрясъ гривой, что наконецъ-то напелъ себѣ достойнаго хозяина.

Когда осѣдлали этого вороного коня, подвели къ дубовому крыльцу, тогда вышли на крыльцо самъ бояринъ съ боярыней, а за ними шель боярскіи сынъ, Иванъ Ивановичъ.

Поклонившись низко отцу съ матерью, Иванъ сталъ садиться на коня. Бояринъ съ боярыней и всѣ слуги слезно плакали.

— Ты прости, нанъ ненаглядный сынъ, когда будешь въ далекой сторонѣ, то не забудь отца съ матерью и присылай къ намъ извѣстія о себѣ. Ну, а теперь, съ Богомъ, поѣзжай.—Тутъ мать его залилась горькими слезами и прижавъ къ груди сына своего, тихо промолвила:

— Прощай сынъ мой! прощай, солнце мое красное! можетъ быть, тебя мнѣ не видать больше,—такъ прими же отъ меня подарочекъ и съ нимъ наставленіе.

Тутъ она сняла съ руки перстень съ брилліантовымъ камнемъ и, надѣвши Ванѣ на руку, сказала:

— Это предиковенный перстень талисманъ. Онъ остался мнѣ по случаю и имѣетъ чудную силу: если будетъ нужда въ золотѣ, то нужно перемѣнить его съ руки на руку, и богатство польется рѣкой; а если встрѣтишься со злымъ врагомъ, то, снявши съ пальца, перекинь его съ руки на руку, и появится огромное войско; а если ты захочешь себѣ почестей, то потри имъ рука объ руку, и твое желаніе исполнится. Только опасайся одного, сынъ мой, чтобы перстня твоего не увидали очи красной дѣвицы. Береги его, какъ глазъ во лбу, отъ волшебныхъ глазъ красавицы; а не то лишишься перстня ты, а съ нимъ вмѣстѣ потеряешь и свое счастье, и погибнешь, какъ цвѣтокъ зимой.

Получивъ этотъ перстень, Ваня надѣлъ его на руку, вскочилъ на коня, свистнулъ громкимъ посвистомъ и поѣхалъ съ широкаго двора.

Сказка льется, какъ рѣка течетъ, время мчится быстро, да не какъ рѣка; ѣдетъ Ваня день, ѣдетъ два; ѣдетъ мѣсяцъ и болѣе. Проѣхалъ онъ полгода и все держитъ путь дорожку въ одну сторону. Но ѣдетъ

онъ по такой дорогѣ, гдѣ не пролетала птица быстрая, звѣрь хищный не прорыскивалъ.

Въ одинъ день, когда уже красное солнышко закатилось за дремучій лѣсъ, Иванъ подъѣхалъ къ темному лѣсу, въ которомъ видѣлась гладкая дорога, раздѣляющаяся на три стороны; посреди стоялъ высокій столбъ, на которомъ было написано: „кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ погибнетъ злою смертию; а кто поѣдетъ налѣво—живъ останется, а конь надетъ подъ сѣдокомъ, кто же прямо поѣдетъ—тотъ и съ конемъ своимъ пронадетъ на вѣки вѣчные“.

Прочитавши эту надпись, витязь повѣсилъ свою буйную головушку.

Подумавъ немного, онъ сказалъ самъ себѣ:

— Дай, пущу я ворона коня въ чистое поле травки пощипать, а самъ пойду пѣшкомъ по прямой дорогѣ, видно чему быть, того не миновать.

Разсѣдлавъ онъ воронаго коня и пустилъ его по лугу; потомъ вырѣзалъ себѣ дубинку и идетъ лѣсомъ, поднимается; между тѣмъ солнце закатилось совсѣмъ, наступила темная ночь, мѣсяцъ покрытъ былъ тучею.

Идетъ витязь все дальше и дальше, никуда не сворачивая,—видитъ, темный лѣсъ

рѣдѣть началъ; наконецъ онъ совершенно вышелъ изъ этого лѣса и очутился на широкой полянѣ, по которой текла быстрая рѣка, и по рѣкѣ несется лодочка безъ весель и безъ паруса, словно кормчимъ управляется.

Ваня лодочкой этой стоитъ да любитъся. Вдругъ эта лодочка сама поднялась къ берегу и остановилась. Темного подумавъ, Ваня, боярскій сынъ, однимъ прыжкомъ очутился въ этой лодочкѣ.

Вотъ и на небѣ стало свѣтлѣе; мѣсяцъ смотритъ изъ-за облаковъ и красуется въ волнахъ рѣки.

А рѣка течетъ и зыблется, и сверкаетъ на лунномъ блескѣ золотистыми струйками. По зыбкимъ волнамъ рѣки быстро несется лодочка, а на ея днѣ уже сидитъ крѣпко Иванушка и сладко такъ во снѣ онъ улыбается. Шепчетъ онъ какія то невнятные слова, должно полагать, какія нибудь чудныя видѣнія беззаботнаго убаюкиваютъ.

А кругомъ лодочки играютъ и плещаются, въ волнахъ рѣки, красны дѣвцы, красавицы собой: волосы у нихъ зеленые. И поютъ эти дѣвцы пѣсни и такъ проворно ныряютъ, словно рыбки, а подъ ихъ улыбающую пѣсенку плыветъ лодка все поспѣшивше. Проснулся наконецъ Иванъ и робко началъ

озираться вокругъ. Ему слышался изъ ближайшей рощи громкій рокотъ соловья, пѣснь глубокая и веселая, только на душѣ у молодца мрачно, словно поченька туманная.

Отчего же такъ грустенъ витязь нашъ? Или витязю сонъ привидѣлся зловѣщій и диковиный? Нѣтъ, не сонъ, страшитъ его, а тоска кручина лютая гложетъ сердце богатырское: перстень его драгоценный подарокъ матери, неизвестно куда исчезъ съ руки. Вотъ о чемъ сидитъ да думаетъ нашъ молодецъ, онъ вспомнилъ завѣтъ матери, чтобы беречь перстень, какъ глазъ во лбу. Долго думать добрый молодецъ, да знать думой не помочь бѣдѣ.

Онъ отеръ слезу горячую и думать сталъ уже не о перстнѣ своемъ, а о томъ, куда преклонитъ свою буйную головушку. Вотъ вышелъ онъ изъ лодки воиъ и побрелъ берегомъ быстрой рѣки. Вотъ идетъ онъ версту, другую и третью, все одной и той же дорожкой. И вдругъ видитъ: передъ нимъ широкая равнина, но этой равнинѣ течетъ быстрая рѣка и на бережку стоитъ избушечка на куриныхъ ножкахъ; къ ней то витязь и направилъ путь.

Подошелъ къ этой избушкѣ молодецъ, крикнулъ громкимъ голосомъ: повернись изба, къ рѣкѣ задомъ, ко мнѣ передомъ!

И избушка повернулась къ Ванѣ передомъ; а Иванъ, схватившись за скобку, отворяетъ дверь тесовую.

Вотъ и входитъ онъ въ избушку, смотритъ—хижина немудрая, подъ окномъ стоитъ скамейка дубовая, съ нею рядомъ стоитъ бранный столъ. Баба-Яга стоитъ посреди избы и варитъ надъ жаровнею какое-то заморское зелье. У Бабы Яги глаза горятъ какъ раскаленные угли. Носъ у Бабы Яги, словно у ястреба, голова словно пивной котель, а изъ подъ чернаго кокошника торчатъ клочьями сѣдые волосы, а лѣтамъ этой колдуньи и счету нѣтъ. Она шепчетъ какія то чудныя заморскія слова надъ зельемъ, и сильно клокочетъ это шадобье; а на шесткѣ сидитъ сибирскій котъ и любитъ хозяйкою. Этотъ котъ быть диковинный, совершенно не похожій на обыкновенныхъ котовъ.

Какъ только вошелъ молодецъ, Яга-баба оглянулася и, топнувъ ногою объ полъ, закричала громкимъ голосомъ: „я живу здѣсь два вѣка съ половиною и не видала здѣсь ни одной живой души, ни одного человѣкъ сюда слѣда не прокладывалъ, ни одна птица не пролетывала и звѣрь хищный не прорыскивалъ. Не слышать, зачѣмъ ты

сюда, добрый молодецъ, пожаловалъ! или жизнь тебѣ наскучила?“

Иванъ услыхавъ такія грозныя рѣчи, подбоченнлся и безстрашно отвѣтилъ ей: „не сердись, хрычовка старая! не тебѣ хитрить надъ молодецмъ! лучше скажи мнѣ въ привѣтъ слово ласковое, да понизе гостю кланяйся, да за столъ сперва посади меня! накорми, наной меня, а потомъ уже и спать укладывай; когда высплюсь, тогда спраннывай: зачѣмъ молодецъ пожаловалъ“. Яга-Баба видитъ, что этотъ молодецъ не трусливаго десятка, живо посадила его за дубовый столъ и принесла всякихъ заморскихъ кушаньевъ, всякихъ винъ и крѣпкаго меду, на закуску-же дорогихъ сластей.

Сѣлъ Иванъ за дубовый столъ, сталъ закусывать и кушанья запивать виномъ. Баба-Яга за столомъ стоитъ и все потчуетъ незваннаго дорогаго гостя. Потомъ, когда онъ наѣлся, она постелила ему пуховую постель и уложила спать.

Едва онъ успѣлъ заснуть, какъ начать въ просонкахъ бредить и несвязно говорить о злой красавицѣ, которая живетъ въ хрустальномъ теремѣ подъ водой, на самомъ днѣ рѣки; какъ она ласкала его, какъ просила перстень и какъ наконецъ подарилъ его ей.

Все рассказали нескромный молодецъ. А самъ еще не просыпается.

Спитъ онъ цѣлыя сутки, спитъ другія, и наконецъ третьи и болѣе. А Баба-Яга все сидитъ да ждетъ, вотъ проснется добрый молодецъ, а онъ себѣ и не думаетъ; наконецъ она начала будить его и когда разбудила, то сказала: „Ахъ ты, боярскій сынъ, Иванушка! спишь ты крѣпко, богатырскимъ сномъ, и забылъ свою кручину позабылъ наказъ родной матери — беречь перстень, словно глазъ во лбу, отъ волшебныхъ глазъ красавицы; ты за блескъ ея ясныхъ очей отдалъ перстень, промѣнялъ благословеніе!

— Не садитесь бѣ тебѣ, молодцу, въ заколдованную лодочку; а коль сѣлъ, то не ложиться-бѣ въ ней и не спать бы какъ дома въ своемъ теремѣ“!

Услыша это, боярскій сынъ залился горькими слезами и не взвидѣлъ свѣта Божьяго. Баба-Яга, видя его горькую печаль, жалелась надъ нимъ и сказала:

— Брось кручину, — не пригоже доброму молодцу, словно дѣвушкѣ, плакать! Бѣда велика — не спорю я, да кручинѣ все таки помогу тебѣ!

Ты воротнись чудный перстень свой и этимъ перстнемъ спасешь красавицу, свою будущую жену, которая спала въ хру-

стальномъ теремѣ; та дѣвица, дочь царя, унесена злымъ волшебникомъ, и она теперь очарована, десять лѣтъ спитъ непробуднымъ сномъ. Тотъ же злой волшебникъ и перстень твой украсть съ руки въ то время, когда ты въ утлой лодочкѣ спалъ крѣпкимъ сномъ. Знаю я того волшебника, мы живемъ съ нимъ по сосѣдству—я въ избушкѣ, а онъ на днѣ рѣки, и отъ всѣхъ своихъ пріятелей онъ зовется сердитымъ водянымъ дѣдушкой.

Ты теперь, Иванушка, не теряй попусту время,—время дорого. Ступай родной, выручать кольцо завѣтное, а съ кольцомъ и красавицу. Дамъ я тебѣ въ провожатые сибирскаго кота, онъ покажетъ тебѣ къ нему дорогу и сослужитъ вѣрную службу, коли будешь его слушаться.

Окончивши рѣчь, Баба-Яга дала знать коту сибирскому, — тотъ вскочилъ, какъ встрепанный, и нырнулъ подъ печку, досталъ оттуда сапоги да престрашенные, должно быть на заказъ были сдѣланы. Котъ обулся въ нихъ очень скоро и сталъ щеголемъ диковиннымъ.

Потомъ онъ взялъ дубинку, положилъ ее на плечо и всталъ у двери, какъ слуга, дожидаясь Ивана.

Витязь всталъ и въ путь сряжается, сказавъ спасибо Бабѣ Ягѣ за угощенье,

отправляется съ своимъ неизмѣннымъ вѣрнымъ спутникомъ сѣрымъ котомъ. Баба-Яга провожаетъ ласковыми словами:

Прощай, молодецъ! Когда кончишь дѣло счастливо—не забудь и моей убогой хижинны, заѣзжай ко мнѣ съ красавицей, выпить чарку водочки, закусить заморскихъ кушаній.

Идутъ путники удалые, котъ сибирскій да Иванъ, боярскій сынъ; прошли версту, другую, на полянѣ очутились, по этой полянѣ рѣка течетъ, по волнамъ несется лодочка, и безъ веселья и безъ паруса, словно кормчимъ управляется.

Сѣли наши путники у берега этой рѣки и отдыхаютъ. День уже клонится къ вечеру. И сѣрый котъ началъ говорить Ивану человеческимъ голосомъ: „слушай, боярскій сынъ, съ тобою я посланъ для услуги тебѣ, и я буду тебѣ служить вѣрой и правдой, только ты меня во всемъ слушайся: не садись ты въ эту лодочку, а не то уснешь на вѣки вѣчные, а давай ко мы затынемъ пѣсенку и за дѣло смѣло примемся изъ песку давай веревки витъ. Объ работѣ нашей свѣдаетъ самъ нечистый, старый дѣдушка, и выплеть къ намъ чертенка спросить, что мы дѣлаемъ; и когда къ намъ выскочитъ чертенокъ и спроситъ: „что, ребята, строите?“—ты скажи ему тогда

въ отвѣтъ: „изъ песку, доскаты, веревки вьемъ“. Онъ опять задасть вопросъ: „на что вамъ ихъ?“ Ты ему опять скажи: „веревками этими мы сведемъ берегъ съ берегомъ, всю до капли рѣку высунимъ и чертей съ дѣдушкой всѣхъ со дна выживемъ“.

Какъ сказать котъ, такъ и поступили: успѣлись, заплѣли пѣсенку и начали веревку вить.

Едва они успѣли хорошенько приняться за дѣло,—глядь, выходитъ изъ рѣки диковинный звѣрекъ. Ростомъ маленькій, горбатенькій, съ предлиннымъ хвостомъ и съ рожками. Подошелъ онъ къ витязю, глядитъ и удивляется на работу небывалую. Помолчавъ немного, онъ спросилъ: „что вы, ребята, строите? Меня изъ воды посталъ дѣдушка спросить васъ объ этомъ“. Иванъ отвѣчалъ ему: „изъ песку веревки вьемъ, а когда навьемъ, то притащимъ берегъ къ берегу, а рѣку высунимъ до капли всю и всѣхъ бѣсовъ со старымъ дѣдушкой вонъ отсюда выживемъ!“

Услыхавши это, бѣсенокъ испугался не на шутку и поклонившись низко Ивану, покорно отвѣчалъ ему:

— Погодите, не губите насъ, почтенные! дайте сбѣгать мнѣ къ дѣдушкѣ и рассказать ему о вашемъ намѣреніи; и коли захочетъ

онъ цѣль быть, то что бы давалъ богатый выкупъ: золота, серебра и жемчугу.

Услыхавши это сибирскій котъ сказалъ ему: „не нужно намъ твоего богатаго выкупа, а поди, скажи ты дѣдушкѣ, коли онъ хочетъ невредимымъ быть, то пусть отдастъ перстень витязю, который онъ обманомъ снялъ съ руки злыми дѣвками русалками.

Выслушавъ это, посланный бѣсенокъ нырнулъ въ рѣку и слѣдъ простылъ. А котъ началъ говорить Ивану, боярскому сыну: дѣло начали мы хорошо, надо теперь кончить поумнѣй: какъ только бѣсенокъ скажетъ дѣду, какой мы выкупъ съ него требуемъ, то дѣдушка порядкомъ испугается; но все таки не согласится онъ выдать перстень твой, а пришлетъ другаго внука къ намъ, только поудалѣе этого: и онъ начнетъ требовать, чтобы ты бѣжалъ съ нимъ въ запуски; если ты его перегоншишь, тогда перстень выдадутъ, а если нѣтъ, то будетъ намъ худо. А ты вотъ что, добрый молодецъ, будь умнѣй, не берись бѣжать съ нимъ въ запуски, а скажи только ему съ улыбкою: „гдѣ тебѣ гоняться за мной! у меня есть меньшей братишка; и посмотрѣть то на него, такъ срамъ людской, а и тотъ перегонитъ тебя, какъ пить дать!“

— Ну, ладно,—молвилъ Иванъ, а гдѣ же намъ взять меньшаго братника?

— Это ужъ не твое дѣло,—я все улажу.

Какъ сказалъ котъ, такъ и случилось.

Вынырнулъ изъ синихъ волнъ рѣки бѣсенокъ, на видъ уродливѣе перваго, и, ударивши челомъ о землю, началъ говорить: „Водяной сердитый дѣдушка выслать спросить меня: если желаю получить кольцо, то давай сначала бѣгать въ запуски; если ты меня перегонишь—перстень выдадимъ; а если нѣтъ, то не прогибайся, будемъ вѣкъ ловить ершей на обѣдъ да на ужинъ дѣдушкѣ“.

Выслушавъ эти рѣчи, Иванъ отвѣчалъ ему: ахъ ты, плохой бѣгунъ! гдѣ себѣ тягаться со мной! У меня меньшой братника есть, такъ и тотъ обгонитъ десять разъ тебя!

— Ну, ладно, давай посмотримъ его удалы!—сказать бѣсъ! а Ивану то и на руку. Онъ мигнулъ коту сибирскому и сказалъ: поди ка сведи его къ моему меньшому брату.

Котъ махнулъ лапкой бѣсенку, самъ направился къ дѣсу, гдѣ лежалъ подъ кустомъ заяцъ; подошедши къ нему поближе, котъ велѣлъ бѣгуну готовиться а самъ, принавши къ землѣ, что есть мочи прыгнулъ къ кусту и ударилъ зайца по уху лапкой.

Тотъ вскочилъ, какъ встрепаный, оглянулся кругомъ и увидя кота съ бѣсенкомъ, пустился со всѣхъ ногъ бѣжать, какъ стрѣла изъ лука, что не прыжокъ, то цѣлыхъ пять аршинъ; ни кусты, ни кочки, ни пригорки— все ни почемъ ему. Дѣдовъ посланный за нимъ бѣжить изъ всей мочи, задыхается и кричить ему: постой, сосѣдь! давай поровняемся,—ты бѣжишь-то не по правилу! Зайцу дѣла нѣтъ до правила и ровняться ему некогда, знай летитъ, какъ калена стрѣла, а черезъ полчаса совершенно слѣдъ простылъ.

Потерявши изъ виду зайца, бѣсенокъ остановился и, едва дыша отъ усталости, поплелся назадъ, какъ не солоно хлебаль; потомъ сказалъ коту сибирскому: я до сей поры слылъ первымъ бѣгуномъ въ свѣтѣ, но теперь вашъ мальчишка осрамилъ меня, и не знаю я, какъ теперь глаза показать дѣдушкѣ. Видно, дѣлать нечего — пойду просить его, чтобы онъ сдержалъ свое обѣщаніе и отдалъ бы кольцо ваше.

Съ этими словами бѣсъ нырнулъ въ воду.

— Дѣло идетъ хорошо, сказалъ котъ, надо кончить поразумнѣе. Слушай теперь: какъ бѣсенокъ скажетъ дѣдушкѣ, что мальчишка обогналъ его, то не на шутку дѣдъ разсердится, но не тотчасъ согласится отдать

кольцо, а прилетѣтъ къ намъ другаго внучка, похитрѣе первыхъ. И начнетъ этотъ внучекъ требовать, чтобъ ты поборолся съ нимъ. Но ты не берись бороться съ нимъ, а скажи ему съ улыбкою: не тебѣ, дескать, плохой силачъ, со мной силу свою пробовать; а у меня есть старый дѣдъ, что дѣтамъ его счету нѣтъ, такъ и тотъ тебя отпугуетъ такъ, что кости затрепчатъ.

Иванъ, выслушавъ это, спросилъ: а гдѣ же намъ взять стараго дѣдушку?

— Это не твоя бѣда—я все мастерски улажу.

Черезъ четверть часа вынырнулъ изъ воды бѣсъ, ростомъ сажень цѣлая, въ плечахъ два аршина, хвостъ длинный съ колокольчикомъ, а рога словно у буйвола.

Вотъ подходитъ онъ къ Ивану и, ударивши челомъ, человѣчьимъ молвилъ голосомъ: если хочешь получить кольцо, то прими мое условіе, давай съ тобою поборемся: коль поборешь, то и перстень отдамъ, если же нѣтъ—будешь лапти плести на всѣхъ чертей да сажожки плести на дѣдушку.

Выслушавъ это, Иванъ, боярскій сынъ, отвѣчалъ ему съ улыбкою: „гдѣ тебѣ, плохой силачъ, со мной силой своею мѣряться! У меня есть старый дѣдъ, ужъ

лѣтамъ его и счету нѣтъ, а и тотъ тебя отпугуетъ такъ, что кости затрепещутъ...

— Ладно, ладно, отвѣчалъ бѣсъ,—мы посмотримъ его удали, подавай его сюда.— А Ивану то и на руку; онъ мигнулъ коту сибирскому: покажи-ка ему дѣдушку! Котъ привсталъ и подалъ бѣсу знакъ лапкою, чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ, а самъ пошелъ къ лѣсу.

Пришли они въ самую чащу лѣса, гдѣ стоялъ огромный столѣтній дубъ; а подъ этимъ дубомъ была медвѣжья берлога. Медвѣдь издали еще замѣтилъ приближающихся путниковъ и привсталъ на заднія лапы. Котъ велѣлъ силачу готовиться, а самъ прыгнулъ на зеленый дубъ. Медвѣдь медленно подошелъ къ бѣсу и, обнявъ его по своему, сталъ повертывать во все стороны; и напрасно бѣсъ кричалъ, ругалъ его, что онъ дерется не какъ боецъ, и чтобы дать ему поправиться; но медвѣдю дѣла нѣтъ до правила, знай ломаетъ бѣса сильного. Наконецъ ужъ бѣсу не втерпѣть стало бороться, и кричать ужъ пересталъ онъ совсѣмъ! а черезъ полчаса чуть живой онъ подъ кустомъ лежалъ.

Котъ спрыгнулъ съ дуба и, подошедши къ нему, поднялъ съ земли и повелъ его къ рѣкѣ. А онъ и говоритъ ему со слезами:

я до сихъ поръ славился силачемъ; но сегодня ванъ старый дѣдушка изломать меня совѣмъ; я теперь не знаю, и глаза показать своему дѣду. Буду просить его, чтобы отдалъ онъ кольцо завѣтное.

И съ этими словами бѣсъ нырнулъ на дно рѣки. Котъ же, возвратившись къ витязю, сказать ему: дѣло наше идетъ къ концу, надо кончить поразумнѣе. Ну, да это теперь не твоя бѣда! Водяной дѣдушка теперь выйдетъ самъ и твой перстень сюда вынесетъ; отдастъ тебѣ его и начнетъ просить, чтобы ты не гналъ его со дна рѣки, и не требовалъ красавицы! но ты молчи, а я самъ буду отвѣчать ему.

Едва успѣлъ котъ сказать это, какъ рѣка заволновалась и изъ середины бурныхъ волнъ показалось чудовище: борода сѣдая вплоть до пояса, голова словно пивной котелъ, а глаза горятъ, какъ уголья.

Вышедши на берегъ, онъ отдалъ Ванѣ талисманъ и началъ говорить ему съ почтеніемъ: „честь и слава тебѣ молодецъ! твою волю мы исполнили, не грубили твоей милости, такъ и ты насъ оставь въ покоѣ; поѣзжай въ свое отечество, тамъ отецъ и мать слезы горькія льютъ по тебѣ; а отецъ дозволенія опять у царя выпросить, чтобы жить тебѣ вмѣстѣ съ нимъ. Когда

возвратившись ты къ отцу своему, то выберишь тамъ себѣ красавицу изъ тысячъ и заживешь ты словно сыръ въ маслѣ. Позабудешь ты тогда свое горюшко, только теперь ты не трогай меня и не спрашивай красной дѣвицы, которая спала въ хрустальномъ теремѣ!“

Услыхавши эти слова, сѣрый котъ прервалъ его, говоря: „мой бояринъ приказалъ тебѣ такой отвѣтъ держать: если хочешь жить на днѣ рѣки, такъ отдай намъ красную дѣвицу, а не то мы не перестанемъ веревки вить, и тогда вамъ всѣмъ живымъ не быть.“

Водяной дѣдушка разсердился не на шутку и, ударившись о сырую землю, превратился въ лютаго тигра и подбѣжалъ онъ къ Ивану; а тотъ поблѣднѣлъ весь, словно листъ дрожитъ, да сѣрый котъ то не промахъ былъ, онъ тоже ударился о сырую землю и, сдѣлавшись львомъ, бросился на тигра лютаго. Тигръ на льва стремглавъ бросается, расправляетъ когти острые; а левъ трясетъ сердито гривой и винвается въ противника. Заструилась кровь изъ ранъ ихъ, затрепали кости крѣпкія, а окрестность огласилась страннымъ и жалостнымъ ревомъ. Долго бой этотъ продолжался съ равной силой. Наконецъ тигръ не

вытерпѣлъ и сталъ просить пощады, но левъ не внимая ничему, знай крутитъ его безъ устали. Тутъ тигръ поднялся на хитрости и, ударившись опять о землю лбомъ, сдѣлался маленькою мышкою и бросился со всѣхъ ногъ къ рѣкѣ. Но не плохъ былъ и косматый левъ, не пожалѣлъ и онъ лаба широкаго, и ударившись о землю лбомъ, сталъ по прежнему котомъ, и однимъ прыжкомъ настигъ мышенка бѣднаго, ухватилъ его за шиворотъ и давай дунить...

Долго онъ дунилъ его, такъ что, наконецъ, онъ пересталъ шипать совсѣмъ, и началъ молить кота человѣчьимъ голосомъ „отпусти меня, сибирскій котъ! такъ и быть, приму условіе, отпущу вамъ красную дѣвицу!“

Но котъ продолжалъ тормозить его и приговаривать: „нѣтъ не пущу тебя до тѣхъ поръ, пока скажешь слугамъ своимъ, чтобы вывели красавицу.“

Тогда мышенокъ закричалъ слугамъ громкимъ голосомъ: „чтожь стоите, дурачье, скоты! аль не видите бѣды моей? Убѣрайтесь всѣ на дно рѣки, выводите красну дѣвицу!“

Бѣсы, услышавъ приказаніе своего повелителя, живо бросились на дно рѣки. Ваня смотритъ, но водѣ несется хрустальный теремъ, изъ него выходитъ на берегъ кра-

савица и бросается въ объятія добраго молодца. Ваня беретъ се за бѣлоснѣжныя руки и смотритъ ей въ ясныя очи, приговаривая: какъ тебя ли, красная дѣвица, я пригожѣ не видывалъ. Полюби меня, красавица! И поѣдемъ на лихомъ конѣ въ мое славное отечество.

Тамъ, въ высокомъ свѣтломъ теремѣ льетъ горькія слезы по мнѣ моя родная матушка и, рыдаючи говоритъ, что не видать мнѣ солнца краснаго! Но ты, моя сиротка одинокая, тамъ найдешь отца и мать себѣ! а если дѣвичья жизнь тебѣ наскучила и твое сердце ищетъ чувства новаго, такъ я подарю тебѣ колечко обручальное, а съ этимъ и любовь свою.

Дѣвушка улыбнулась на страстныя рѣчи молодца и сказала: „я на вѣкъ твоя, ты спаситель мой; за тобою я готова всюду слѣдовать; сиротою я только здѣсь была, но у меня есть тоже отецъ и мать, не простаго, царскаго рода я, и у нихъ одна дочь, а наслѣдниковъ болѣе нѣтъ; а зовутъ меня *Несмеянною* царевною. Наше царство отсюда далеко и отецъ мой, славный царь Дадонъ, правитъ царствомъ уже сорокъ лѣтъ, и теперь онъ старъ и дряхлѣ. Обѣщаешься ли ты, когда побываешь на родинѣ, ѣхать въ наше царство? И при

этомъ только условіи я готова за тобою слѣдовать хоть на край свѣта и принять отъ тебя кольцо завѣтное, а съ кольцомъ вмѣстѣ и любовь твою.“

Выслушавши рѣчи красавицы, Ваня далъ ей клятву въ вѣрности, чтобы во вѣкъ не разлучаться съ ней.

— Полно вамъ разговаривать!—сказалъ котъ,—пора домой идти! И потомъ обратившись къ дѣдункѣ, сказалъ ему: „тебя, старый дѣдъ, вѣтъ жалуешь прощенье и возвращаешь опять быструю рѣку! Убирайся пока живъ еще!..“

Тутъ наши путники отправились въ путь дороженьку. Идутъ, межъ собою рѣчь ведутъ сынъ боярскій съ красной дѣвицей, про любовь и про замужество, а сѣрый котъ улыбается и отпускаетъ прибауточки.

Подѣшли они къ избумечкѣ; Иванъ не хотѣлъ взойти въ нее, а сѣвши съ своею красавицей поскорѣ къ отцу и матери; онъ просилъ съ собою ѣхать и кота сибирскаго, говоря: „ты поѣдешь, сѣрый добрый котъ, къ моему отцу и матери; заживешь ты тамъ принѣваячи и будешь кататься словно сыръ въ маслѣ!“

— Благодарю, добрый молодецъ на твоёмъ ласковомъ словѣ, но ѣхать къ тебѣ я не могу. Сослужилъ я тебѣ службу вѣрную

и къ Бабѣ-Ягѣ ворочусь я, а ты поѣзжай съ своей красавицей—пусть счастливый вамъ, голубчики! Когда же будешь жить счастливо, не забудь и насъ со старухою, въ нашу хижину убогую просимъ милости на всякій разъ!

Сказавши это, сѣрый котъ поклонился витязю, потомъ пустился вдоль лѣса по извилистой тропиночкѣ; скоро скрылся за деревьями, только слышенъ былъ трескъ валежника.

Между тѣмъ боярскій сынъ на своемъ ворономъ конѣ, вмѣстѣ съ красавицей, поѣхали къ нему на родину. Ъхали они мѣсяцъ и два, наконецъ проѣхали и полгода, тогда забѣлѣлись стѣны города. Вотъ подъѣхали и къ городу, имъ опустили подъемный мостъ. У палаты на крыльцѣ стоятъ отецъ съ матерью и встрѣчаютъ добраго молодца съ красавицей, и ведутъ ихъ въ каменные хоромы свои. Потомъ ихъ сажаютъ за брачный столъ и начинаютъ играть свадьбу. А на свадьбу ту и самъ добрый царь со своей свитой пожаловалъ.

По прошествіи мѣсяца, Иванъ со своею супругою отправились къ ея отцу Дадону. И такъ какъ царь Дадонъ былъ дряхль и старъ, то и захотѣлось ему за живо успокоить свою старость. И онъ сдалъ свое

царство витязю, а съ царствомъ отдалъ и золотую корону. И стать наинъ витязь законнымъ царемъ, и началъ править тѣмъ государствомъ разумно: судъ, расправу и законъ давалъ всемъ по правилу. И жить онъ многія лѣта счастливо и благополучно.

Прижилъ онъ съ своею царницею ровно двадцать сыновей себѣ, а при рожденіи каждаго сына задавалъ ниръ на цѣлый міръ; а на тѣхъ нирахъ всегда государь бывалъ нѣсни нѣвалъ и вию цивалъ; по усамъ его текло—въ ротъ ни капли не попало никогда.

Взято съ лубочнаго изд. Народная сказка.

XXXIII.

О Иванѣ-царевичѣ, жарѣ птицѣ и стромѣ волкѣ.

въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣ-
которомъ государствѣ жилъ
былъ князь, по имени Выславъ
Андроновичъ. Обладалъ онъ
огромнымъ богатствомъ и жилъ
въ такомъ довольствѣ, что,
казалось, ему ничего не оста-
валось желать. У князя Выслава Андро-
новича, кромѣ того, было три сына. Старшаго
звали Петромъ, средняго—Василіемъ, млад-

наго—Иваномъ. Всѣ три брата одинаково были прекрасны собою, но не одинаково имѣли наклонность къ добру и не равный получили успѣхъ въ наукахъ. Изъ нихъ въ особенности отличался меньшой братъ —Иванъ-царевичъ. Онъ каждый разъ внимательно выслушивалъ учителей своихъ и всегда усердно изучалъ все то, что ему преподавали, тогда какъ его братья, старшій и средній, во время уроковъ были разсѣяны и проводили время не столько за книгами, сколько за простыми праздными играми. Прошло нѣсколько лѣтъ, и всѣ три брата пришли въ совершенный возрастъ. Отецъ ихъ, повидимому, былъ оттого еще счастливѣе. Но вдругъ его спокойствіе было нарушено. Стали пропадать у него въ саду золотыя яблоки, и любимая его яблоня теряла красоту свою. Сильно опечалился оттого Выславъ Андроновичъ, ничего не шилъ, ничего не ѣлъ и похудѣлъ съ горя такъ, что узнать нельзя. Жалко стало сыновьямъ отца своего; пришли они къ нему да и говорятъ:

— Дорогой нашъ, любезный батюшка! Позволь намъ поочередно караулить яблоню съ золотыми яблоками; можетъ, и подстержемъ виновнаго; тогда въ подробности все донесемъ тебѣ.

Князь Выславъ, выслушавъ дѣтей своихъ, одобрилъ ихъ намѣреніе и позволилъ имъ поочередно караулить свою любимую яблоню.

Наступила ночь. Пошелъ на дозоръ старшій братъ, Петръ, но наскучило ему ходить по саду,—прилегъ на траву да и заснулъ богатырскимъ сномъ. Не видалъ онъ, какъ прилетала въ садъ Жаръ-птица и какъ опять улетѣла, опцпавъ нѣсколько самыхъ лучшихъ яблокъ.

Проснулся рано на другой день Выславъ, послалъ за сыномъ своимъ и сталъ разспрашивать его—не подстерегъ ли похитителя.

— Нѣтъ, дорогой мой батюшка,—отвѣчалъ ему старшій сынъ;—какъ ни старался я, какъ ни всматривался, не смыкая глазъ во всю ночь, но ничего не могъ примѣтить. Точно какой невидимый духъ похищаетъ изъ твоего сада золотыя яблоки.

Отецъ, выслушавъ это, сморщился отъ неудовольствія.

На другую ночь пошелъ стеречь яблоню средній братъ, Василій, но и этотъ также заснулъ такъ крѣпко, что еслибъ и его самого кто перетащилъ куда-нибудь, то онъ, и тогда бы не проснулся. А между тѣмъ

Жарь-птица снова нащипала яблокъ и такъ же, какъ въ прошедшую ночь, преспокойно улѣтъла.

При наступленіи утра, князь Выславъ послать за среднимъ сыномъ своимъ и, когда тотъ явился, спросилъ его:

— Ну что, любезный сынъ мой, не открылъ ли виновнаго?

— Нѣтъ, любезный батюшка, — отвѣчалъ средній сынъ:—сколько я ни употреблялъ хитростей и какъ зорко ни наблюдалъ изъ потаеннаго мѣста, однакоже никто не являлся, ни одной даже птички не прилетало. И ужъ какъ исчезаютъ яблоки—не постигаю.

Князь еще сильнѣе нахмурилъ брови: ему очень было жаль своихъ любимыхъ яблокъ, которыя съ каждымъ днемъ убывали все болѣе и болѣе.

На третью ночь отправился стеречь яблоню меньшой сынъ, Иванъ. Жаль ему было отца своего, и вотъ онъ теперь придумывалъ, какъ бы удобнѣе и вѣрнѣе подкараулить дерзкаго нахала. Озабоченный подобными мыслями, Иванъ-царевичъ прилегъ невдалекѣ отъ яблони и сталъ внимательно въ нее всматриваться. Вдругъ, видя, садъ освѣтился необыкновеннымъ свѣтомъ, и Жарь-птица слѣтъла на яблоню.

Царевичъ притаилъ дыханіе.

— Ахъ, такъ это ты похищаешь наши яблоки?—разсуждалъ онъ самъ съ собою.— Постои же, злодѣйка, я отучу тебя отъ воровства, не будешь впередъ чужимъ добромъ распорядиться!—И онъ тихо приподнялся съ травы, еще тише подошелъ къ дереву и въ одно мгновеніе схватилъ за хвостъ Жарь-птицу; но она сильнымъ движеніемъ вырвалась у него и быстро улетѣла. Въ рукахъ Ивана-царевича осталось только одно перо, которое разливало вокругъ такой яркій свѣтъ, что казалось; будто весь садъ былъ иллюминированъ.

На слѣдующее утро князь Выславъ Андроновичъ всталъ ранѣе обыкновеннаго и тотчасъ же приказалъ позвать къ себѣ меньшого сына, Ивана.

— Ну что, любезный сынъ мой,—спросилъ онъ его, — не удалось ли хотъ тебѣ открыть похитителя?

Меньшой сынъ отвѣчалъ ему:

— Дорогой, родимый батюшка, хотя я и открылъ похитительницу, но только досаую, что не могъ поймать ее...

— Какъ! — вскричалъ удивленный князь, — неужели женщина похищаетъ изъ моего сада яблоки?

— О нѣтъ, — возразилъ Иванъ-царе-

вичъ, — не женщина, а просто птица, да такая птица, что диво! Она своими перьями вдругъ, какъ будто молніею, освѣтила весь садъ. Тихо было подкрался я, чтобы поймать ее, схватилъ даже за хвостъ, но она вырвалась у меня и улетѣла. Въ моей рукѣ осталось только одно перо.

Сказавъ это, Иванъ-царевичъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, вынулъ изъ кармана перо, вырванное изъ хвоста крылатой похитительницы, — и мгновенно вся комната освѣтилась необыкновеннымъ свѣтомъ.

Выславъ Андроновичъ былъ внѣ себя отъ удивленія и не зналъ, какъ нахвалиться своимъ меньшимъ сыномъ. Онъ попрежнему сталъ пить, ѣсть и сдѣлался веселъ. Но въ немъ явилось неодолимое желаніе овладѣть чудесною Жаръ-птицею. Обезпокоенный этою мыслию, онъ призвалъ всѣхъ сыновей своихъ и сказалъ имъ:

— Любезныя дѣти мои! вы уже давно достигли совершеннаго возраста и теперь вамъ необходимо на свѣтъ посмотрѣть и себя показать. Отправляйтесь же по чужимъ краямъ и постарайтесь прославить себя подвигами знаменитыми... Но болѣе всего вы обрадовали бы меня, если бы могли отыскать и принести ко мнѣ Жаръ-птицу.

Напередъ говорю: которому изъ васъ удастся доставить ее живою, тому тотчасъ же вручу половину моихъ владѣній, а по смерти моей— передамъ и другую.

Дѣти почтительно поклонились отцу своему и въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Дорогой, родимый батюшка! желаніе твое для насъ свято, и мы употребимъ все усилія, чтобы только сдѣлать тебѣ удобное.

Князь, слыша такія рѣчи отъ дѣтей своихъ, благодарилъ ихъ за усердіе и приказалъ имъ приготовиться къ отъѣзду. Они тутъ же простились съ отцомъ своимъ и пустились странствовать по свѣту. Старшій поѣхалъ въ правую сторону, средній — въ лѣвую, а Иванъ-царевичъ поскакалъ прямо.

Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою; долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, — скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Въѣхалъ, наконецъ, на обширную поляну, видитъ—посрединѣ столбъ стоитъ, а на столбѣ прибита надпись: *„Ежели кто поѣдетъ прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто поѣдетъ вправо, тотъ будетъ живъ и здоровъ, но зато конь его падетъ; а кто поѣдетъ влѣво, тотъ самъ будетъ мертвъ, а конь его живъ“*.

Прочелъ надпись Иванъ-царевичъ и сильно призадумался. Всѣ три пути грозили ему несчастіемъ. Какъ тутъ быть? куда поѣхать? — разсуждалъ онъ и рѣшился пуститься вправо.

И вотъ ѣдетъ онъ день, ѣдетъ два, а, можетъ болѣе; вдругъ откуда ни взялся пребольшой Сѣрый Волкъ, и не успѣлъ Иванъ-царевичъ обнажить меча своего, какъ конь его былъ растерзанъ на мелкія части. Тогда Волкъ проговорилъ человѣческимъ голосомъ:

— Охъ, ты, гой еси, добрый молодецъ! не повѣрилъ на столбѣ надписи, такъ пеняй на себя, что погибъ твой конь!

Дѣлать нечего; — пошелъ пѣшкомъ Иванъ-царевичъ. Идетъ день онъ, идетъ два, а, можетъ, болѣе; наконецъ, силы его ослабѣли, онъ присѣлъ на траву и сильно пригорюнился. Грустно взглянулъ онъ теперь въ ту сторону, гдѣ Сѣрый Волкъ растерзалъ его коня, и тяжело вздохнулъ объ этомъ; но лишь только этотъ вздохъ вылетѣлъ изъ груди его, какъ онъ увидалъ передъ собой того самаго Волка, который заѣлъ его коня. Волкъ сказалъ ему попрежнему человѣчьимъ голосомъ:

— Жаль мнѣ тебя, Иванъ-царевичъ. Ты, вижу, не привыкъ ни пѣшкомъ ходить

ни изнурять себя; жаль мнѣ и добраго коня твоего, котораго я растерзалъ на мелкія части, но такъ должно было случиться. А если я ужъ виноватъ передъ тобою, то садись на меня Сѣраго Волка; съ этого дня я буду служить тебѣ вѣрою и правдою. Скажи только: куда и зачѣмъ ѣдешь?

Иванъ-царевичъ все подробно рассказать ему.

— Такъ вотъ, виднѣшь ли, — отвѣчалъ Волкъ: — я хорошо сдѣлалъ, что заѣлъ твоего коня, потому что на немъ ты хотя бы цѣлый вѣкъ проѣздить по бѣлому свѣту, такъ не нашелъ бы того, что нужно. Я только одинъ знаю, гдѣ находится Жаръ-птица, и могу тебѣ помочь отыскать ее и взять съ собою. Садись же на меня, Иванъ-царевичъ, да смотри; держись крѣпче...

Обрадовался Иванъ-царевичъ такому случаю, сѣлъ на Сѣраго Волка и схватился за него крѣпко-накрѣпко.

Сѣрый Волкъ помчалъ его съ быстротою стрѣлы и черезъ нѣсколько времени примчался къ каменной стѣнѣ. Ночь давно уже наступила. Тутъ Сѣрый Волкъ сказалъ своему сѣдоку:

— Ну, Иванъ-царевичъ, слѣзай съ меня, Сѣраго Волка, и полѣзай чрезъ эту каменную стѣну! Кстати же она не высока,

и ты легко можешь это исполнить. За этой стѣной ты увидишь садъ, а въ томъ саду сохраняется Жаръ-птица въ золотой клѣткѣ. Жаръ-птицу возьми по золотой клѣткѣ не тронь: будетъ худо.

Выслушавъ слова Сѣраго Волка Иванъ-царевичъ не сталъ долго думать: перелѣзъ черезъ каменную стѣну и очутился въ превосходномъ саду, въ которомъ, несмотря на то, что наступила ночь, было свѣтло какъ при полномъ солнечномъ сіяніи. Ему нетрудно было найти Жаръ-птицу, которая сидѣла въ богатой золотой клѣткѣ. Иванъ-царевичъ осторожно подошелъ къ ней, тихонько вынулъ Жаръ-птицу изъ клѣтки и пошелъ съ нею обратно; но, подойдя къ стѣнѣ, онъ раздумался:

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ про себя,—Жаръ-птицу я досталъ, но въ чемъ же повезу такимъ дальнимъ путемъ?

И, позабывъ наставленіе Сѣраго Волка, который совѣтовалъ ему не дотрогиваться до клѣтки; онъ вернулся назадъ, посадилъ Жаръ-птицу въ клѣтку, заперъ ее и намѣревался уже взять съ собою, но только до нея дотронулся, какъ въ ту же минуту раздался необыкновенный звонъ, и произошла такая тревога, что не успѣлъ Иванъ-царевичъ добѣжать до стѣны, какъ уже былъ

схваченъ караульными и посаженъ подъ стражу. Тутъ онъ вспомнилъ совѣтъ Сѣраго Волка и горько раскаивался въ томъ, что не послушалъ его; но дѣлать уже было нечего.

Когда наступило утро, Ивана-царевича, подъ крѣпкой стражею, представили предъ самого владѣтеля той страны, котораго звали княземъ Долматомъ.

Князь Долмать грозно взглянулъ на Ивана-царевича и съ гнѣвомъ сказалъ:

— Какъ смѣлъ ты похищать чужую собственность?

Иванъ-царевичъ отвѣчалъ:

— Храбрый и могущественный князь Долмать! прости великодушно мою дерзость. Я рѣшился на такой поступокъ только потому, что эта Жаръ-птица летала по ночамъ въ садъ къ моему родителю и похищала у него золотыя яблоки. Родителю моему очень хотѣлось имѣть Жаръ-птицу, и, чтобы угодить ему, я вызвался привезти ее.

Князь Долмать тогда спросилъ:

— А кто ты и кто твой родитель?

Иванъ-царевичъ отвѣчалъ:

— Я самъ — Иванъ-царевичъ, а родитель мой — князь Выславъ Андроновичъ — обладаетъ обширнымъ и могущественнымъ государствомъ.

— Какъ!—воскликнуть Долматъ,—ты, еще царевичъ, рѣшился на такое безчестное дѣло, которое неприлично дѣлать простоядину? Еслибъ ты честно пришелъ ко мнѣ и сказалъ бы: „князь Долматъ, отдай мнѣ Жаръ-птицу!“—то я охотно бы отдать своими руками, потому что я очень уважаю твоего родителя за его высокую мудрость; но, такъ и быть, я пощажу твою молодость и прощу тебя, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты сослужилъ мнѣ службу. Слушай, я охотно отдамъ тебѣ Жаръ-птицу и съ честію отпущу къ твоему родителю, если ты достанешь мнѣ коня златогриваго, который принадлежитъ князю Афрону. Но смотри: если да не вернешься ко мнѣ съ этимъ конемъ, то я объявлю по всеѣмъ государствамъ о твоёмъ безчестномъ поступкѣ! Выбирай, что лучше.

Иванъ-царевичъ обѣщалъ Долмату исполнить его желаніе, поклонился ему и понутивъ голову пошелъ на то мѣсто, гдѣ оставилъ Сѣраго Волка.

Волкъ замѣтилъ печаль Ивана-царевича и спросилъ его:

— О чемъ такъ закручинился, Иванъ-царевичъ?

— Ахъ, любезный Сѣрый Волкъ,—отвѣчалъ онъ,—какъ же мнѣ не закручиниться?

Князь Долмать приказалъ мнѣ съѣздить за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ князю Афрону и требуетъ, чтобы я досталъ тамъ коня златогриваго и доставилъ къ нему; если же я этого не сдѣлаю, то онъ грозитъ разгласить о моемъ поступкѣ по всѣмъ государствамъ.

Сѣрый Волкъ сказалъ ему:

— Ахъ ты, гоѣ еси, Иванъ-царевичъ! не послушался моего совѣта добраго, вотъ и накликалъ на себя бѣду неминучую.

— Виноватъ я предъ тобою, добрый Сѣрый Волкъ, — отвѣчалъ Иванъ-царевичъ печальнымъ голосомъ. — Что хочешь дѣлай со мной, но только выручи изъ бѣды, помоги моему горю.

— Ну, такъ и быть! — сказалъ Сѣрый Волкъ. — Что сдѣлано, того ужъ не воротить. Обѣщалъ я тебѣ служить вѣрой и правдой — и свое слово исполню. Садись же на меня, Сѣраго Волка, и поѣдемъ куда надобно.

Иванъ-царевичъ вскочилъ на Сѣраго Волка, и онъ помчалъ его такъ быстро, что и соколъ на всемъ лету не могъ бы опередить его. Наконецъ, Сѣрый Волкъ прибѣжалъ въ государство, гдѣ жилъ князь Афронъ. Время было ночное, и они остановились у ограды, около которой были построены княжескія конюшни.

Иванъ-царевичъ слѣзъ съ Сѣраго Волка, а тотъ сказалъ ему:

— Вотъ тѣ конюшни, гдѣ стоитъ конь златогривый; ступай, выведи его оттуда; возлѣ него ты увидишь блестящую узду, она виситъ на стѣнѣ, но ты не прельщайся ею и не бери ея, иначе тебѣ будетъ худо.

Пошелъ въ конюшню Иванъ-царевичъ; видитъ — крѣпко спятъ конюхи; отвязалъ онъ коня златогриваго и залюбовался на уздечку, которая осыпана была дорогими камнями.

— Вотъ такъ уздечка! — разсуждалъ онъ: — только коню златогривому и щеголять въ ней.

И, позабывъ совѣтъ Сѣраго Волка, снялъ ее со стѣны; но лишь только она очутилась въ рукахъ его, какъ повсюду раздался необыкновенный звонъ; конюхи всѣ до единого вскочили на ноги и спросонья бросились въ конюшню какъ угорѣлые.

Иванъ-царевичъ былъ схваченъ и посаженъ подъ стражу. А на утро представили его къ князю Афрону, какъ похитителя.

Князь Афронъ гнѣвно взглянулъ на Ивана-царевича и грознымъ голосомъ произнесъ:

— Какъ ты смѣешь похищать чужихъ коней? Изъ какого ты государства, кто твой отецъ и какъ зовутъ тебя?

— Я сынъ знаменитаго князя Выслава Андроновича, обладающаго обширнымъ и могущественнымъ государствомъ, а зовутъ меня Иванъ-царевичемъ—отвѣчалъ онъ.

— Какъ!—вскричалъ князь Афронъ,— ты княжескаго рода, а бродяшь по почамъ да похищаешь чужихъ коней!.. Ну, не стыдно ли поступать такъ безчестно и брать безъ позволенія то, что тебѣ не принадлежитъ? Я много слышался о твоёмъ родителѣ и охотно бы отдалъ тебѣ коня, если бы ты пришелъ ко мнѣ и попросилъ его честнымъ образомъ. Но такъ и быть: я прощу тебя за эту вину, но только съ условіемъ, чтобы ты привезъ ко мнѣ Елену Прекрасную—дочь князя Касима. Такъ поѣзжай же за ней за тридевять земель, въ тридесятое царство; но если же да ты не привезешь се ко мнѣ, то не пеняй тогда: объявлю по всѣмъ государствамъ о твоёмъ безчестномъ поступкѣ. Слышишь ли, мой любезный?

— Слышу, — отвѣчалъ почтительно Иванъ-царевичъ и, поклонясь князю, обѣщавъ исполнить его желаніе.

Вышелъ изъ дворца Иванъ-царевичъ.

и, закручинившись еще болѣе прежняго, отправился на то мѣсто, гдѣ оставилъ Сѣраго Волка.

Волкъ, какъ увидалъ Ивана-царевича безъ коня да съ печальнымъ лицомъ, то ему стало очень жаль его, и онъ спросилъ съ участіемъ:

— О чемъ такъ запечалился, Иванъ-царевичъ?

— Ахъ, любезный Сѣрый Волкъ,—отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ,—какъ же мнѣ не печалиться? Князь Афронъ возложилъ на меня такую службу, которую и не знаю какъ исправить, хотя я и обѣщалъ исполнить его желаніе... Видишь ли: онъ требуетъ, чтобы я привезъ къ нему Елену Прекрасную, дочь князя Касима.

— Да, это не такъ-то пріятно,—сказалъ Сѣрый Волкъ; но дѣлать нечего: взявшись за гузъ, не говори, что не дюжъ... Вѣдь я тебѣ говорилъ, кажется, чтобы ты коня взялъ, а узды чтобъ не трогалъ?

— Виноватъ я предъ тобою,—отвѣчалъ Иванъ-царевичъ.

— То-то виноватъ! А кому все хлопоты, какъ не мнѣ? — сказалъ Сѣрый Волкъ.—Ну, ужъ такъ и быть! Садись на меня, на Сѣраго Волка, и поѣдемъ за тридцать земель, въ тридесятое государство.

Иванъ-царевичъ поспѣшно вскочить Сѣрому Волку на спину, и тотъ помчалъ его съ быстротою птицы.

Долго ѣхали они путемъ-дорогою и, наконецъ миновавъ тридевять земель, примчались въ тридесятое государство князя Касима.

Сѣрый Волкъ, ссадивъ Ивана-царевича на землю, сказалъ ему:

— Вотъ видишь ли ты этотъ княжескій садъ, который весь обнесенъ золотою рѣшеткою? Въ этомъ саду каждый день прогуливается княжна Елена Прекрасная. Только ужъ я теперь самъ отправлюсь за нею, а ты ступай назадъ по той же дорогѣ, по которой мы сюда примчались, и дождайся меня въ чистомъ полѣ, подъ зеленымъ дубомъ.

Пошелъ Иванъ-царевичъ, куда ему было вѣлно, а Сѣрый Волкъ перескочилъ въ садъ и спрятался подъ кустъ, притановъ дыханіе. Скоро вышла Елена Прекрасная съ своими нянюшками, мамушками и съ сѣнными дѣвушками. Сѣрый волкъ только того и ждалъ. Улучивъ минуту, когда она отдѣлилась отъ своихъ провожатыхъ, Волкъ быстро подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее и, вскинувъ къ себѣ на спину, бросился вонъ изъ сада къ тому зеленому дубу, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его Иванъ-царевичъ.

День клонился уже къ вечеру. Иванъ-царевичъ увидѣлъ еще издали, что Сѣрый Волкъ мчится по чистому полю да еще не одинъ, а съ прекрасною княжною Еленою.

— Ахъ, любезный Сѣрый Волкъ! — вскричалъ обрадованный Иванъ-царевичъ — какъ я обязанъ тебѣ за твои услуги!

— Послѣ поблагодаришь, Иванъ-царевичъ, — сказалъ Сѣрый Волкъ, — а теперь садись-ка на меня поскорѣй, и отправимся въ путь, пока не нагнали.

Иванъ-царевичъ усялся возлѣ прекрасной княжны, и Сѣрый Волкъ помчалъ его къ царству Афрона.

Между тѣмъ Елена Прекрасная пришла мало-по-малу въ себя и, увидѣвъ Ивана-царевича, покраснѣла отъ удовольствія. Иванъ-царевичъ поддерживалъ ее съ необыкновенною осторожностію и весь также пламенѣлъ, восхищаясь ея прелестями. Жаль ему стало разставаться съ нею, и онъ закручинился.

— Что такъ задумался, Иванъ-царевичъ? — спросилъ Сѣрый Волкъ, замѣтя печаль его.

— Охъ, добрый Сѣрый Волкъ! — отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, — ну, самъ разсуди, какъ же мнѣ, доброму молодцу, не печалиться? Полюбилъ я княжну Елену Пре-

красную и долженъ теперь отдать ее князю Афрону. А безъ нея, чувствую, мнѣ бѣлый свѣтъ не милъ.

— Охъ ты гой, еси, Иванъ-царевичъ!—сказалъ тогда Сѣрый Волкъ,—неужели жъ ты думаешь, что я оставлю тебя въ кручинѣ и не помогу твоему горю? Не вѣшай только головушки! Не отдадимъ Афрону Елены Прекрасной, а коня золотогриваго онъ отдастъ тебѣ изъ рукъ въ руки, да еще съ радостью.

— Какъ же это ты устроишь?—спросилъ его удивленный Иванъ-царевичъ.

— Ну, ужъ это мое дѣло,—отвѣчалъ ему Сѣрый Волкъ:—а ты только дѣлай то, что скажу тебѣ. Слушай же, Иванъ-царевичъ! Лишь только я перекувырнусь, то въ ту же минуту сдѣлаюсь точь-въ-точь какъ Елена Прекрасная; тогда ты води меня по дворецъ къ князю Афрону. Онъ приметъ меня и такъ обрадуется этому, что отдастъ тебѣ коня золотогриваго и съ уздою вдобавокъ. Получивъ коня, ты меня не жди, а уѣзжай съ Еленою Прекрасною; когда же случится тебѣ во мнѣ надобность, скажи только: „Гдѣ-то мой Сѣрый Волкъ?“—и я тотчасъ же явлюсь къ тебѣ.

Проговоривъ это, Сѣрый Волкъ перекувырнулся и въ одно мгновеніе превратился въ Елену прекрасную.

Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная едва удержались отъ смѣха. Взявъ онъ тогда Сѣраго Волка за руку и пошелъ съ нимъ во дворецъ къ Афрону. Князь очень обрадовался, увидавъ Елену Прекрасную, и чуть не прыгалъ отъ удовольствія. Въ благодарность же подарилъ Ивану-царевичу и коня златогриваго и уздечку, осыпанную дорогими камнями.

Вывелъ Иванъ-царевичъ коня златогриваго, подскакалъ къ прекрасной княжнѣ и, усадивъ ее вмѣстѣ съ собою, помчался въ путь-дороженьку. Конь быстро примчалъ его къ царству Долмата. Вспомнилъ тутъ Иванъ-царевичъ о Сѣромъ Волкѣ и сказалъ:

— Ахъ! гдѣ-то теперь мой добрый Сѣрый Волкъ?

Но только-что проговорилъ онъ слова эти, какъ въ ту же минуту Волкъ явился передъ нимъ и сказалъ:

— Что, Иванъ-царевичъ, вѣрно жаль разстаться съ конемъ златогривымъ?

— Да, ты угадалъ, мой добрый Сѣрый Волкъ: полюбился мнѣ конь и жаль отдать его.

— Ну, не горюй же, Иванъ-царевичъ; сослужу тебѣ вѣрой-правдой. Не отдашь коня златогриваго, а Жаръ-птицу ты получишь съ честію да и съ клеткою.

— Какъ же это ты устроишь?—спросилъ Иванъ-царевичъ.

— Ну, ужъ это мое дѣло,—отвѣчалъ ему Сѣрый Волкъ,—а ты только исполняй то, что скажу тебѣ. Слушай же, Иванъ-царевичъ! Лишь только я перекувырнусь, то въ ту же минуту сдѣлаюсь точь-въ-точь какъ конь златогривый; тогда ты веди меня къ Долмату. Онъ возьметъ меня и такъ обрадуется этому, что отдастъ тебѣ Жаръ-птицу съ клѣткою.

Проговоривъ слова эти, Волкъ перекувырнулся и въ одно мгновеніе превратился въ коня златогриваго.

Иванъ-царевичъ повелъ его къ Долмату. Князь запрыгалъ отъ радости, какъ увидѣлъ коня златогриваго и тотчасъ же подарилъ Ивану-царевичу Жаръ-птицу вмѣстѣ съ клѣткою. Вышелъ отъ него Иванъ-царевичъ, сѣлъ съ прекрасною княжною на коня златогриваго и помчался въ государство, къ отцу своему. Долго ѣхалъ онъ путемъ-дорогою, утомился; наконецъ, съ княжною прекрасною слѣзъ съ коня, прилегъ на мураву-траву и заснулъ богатырскимъ сномъ. Снитъ Иванъ-царевичъ крѣпко-накрѣпко и не слышитъ онъ, какъ подъѣхали къ нему его братья родимые. Диву дивились они, какъ взглянули на Елену Прекрасную, на

коня златогриваго и на клѣтку съ Жаръ-птицею, — позавидовали Ивану-царевичу и убили его, а сами, захвативъ все съ собою, поскакали на родину. Почувявъ добычу, хищный воронъ уже леталъ съ вороненкомъ своимъ надъ трупомъ. Вдругъ откуда ни взялся Сѣрый Волкъ и въ мгновеніе ока схватилъ ворона.

Старый воронъ громко закаркалъ:

— Отпусти меня, Сѣрый Волкъ!

— Пожалуй но съ условіемъ, чтобы вороненокъ твой слеталъ за тридевять земель и принесъ бы воды живой и мертвой.

Вороненокъ исполнилъ его приказаніе, Волкъ сирыснулъ водою мертвое тѣло, и Иванъ-царевичъ ожилъ, снова сѣлъ на Сѣраго Волка и помчался вдогонку за братьями. Братья перепугались, какъ увидали Ивана-царевича, — стали кланяться ему и просить пощады. Взмолвался надъ ними Иванъ-царевичъ и простилъ ихъ. Скоро прибылъ онъ къ родителю своему Выславу Андроновичу и несказанно обрадовалъ его Жаръ-птицею да Еленою Прекрасною.

Пошелъ пиръ на весь міръ. Женился Иванъ-царевичъ на княжнѣ и зажилъ припѣваючи.
